

Славяно-германские исследования

Том 4

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С. М. МИХЕЕВ

«Святополкъ съде в Киевѣ по отци»

Усобица 1015–1019 годов
в древнерусских и скандинавских
источниках

МОСКВА 2009

Исследование осуществлено в рамках проекта ОИФН РАН
«Историко-филологический анализ древнерусского нарратива
(на материале летописных и агиографических источников)»

Рецензенты:

доктор филологических наук *А. А. Гиппиус*

кандидат исторических наук *П. В. Лукин*

Ответственный редактор серии:

доктор филологических наук *Ф. Б. Успенский*

Михеев С. М.

«Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – (Славяно-германские исследования / Отв. ред. серии Ф. Б. Успенский. Т. 4.) – 292 с.

В книге рассматриваются древнерусские и скандинавские источники, повествующие о борьбе за власть между сыновьями киевского князя Владимира Святославича в 1015–1019 годах. Междоусобица Ярослава Мудрого, Святополка Окаянного и их брата Бориса, признанного впоследствии святым, по-разному описывается в древнерусских летописях, житиях Бориса и Глеба и скандинавских сагах. Расхождения источников порождают множество противоречивых реконструкций событий. В этой книге восстанавливается история формирования дошедших до нас древнерусских и скандинавских источников, после чего содержащиеся в них сведения сопоставляются между собой. В итоге определяются границы верифицируемых исторических реконструкций событий 1015–1019 годов.

Книга адресована историкам и филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся культурой древней Руси и средневековой Скандинавии.

ISBN 978-5-7576-0223-3

© С. М. Михеев, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осенью 1998 года я начал учиться на историко-филологическом факультете Российского государственного гуманитарного университета – РГГУ. Древнерусскую историю нам, первокурсникам, преподавал Владимир Яковлевич Петрухин. Темой моего доклада в его семинаре оказалась история междоусобицы сыновей Владимира Святославича. Я сделал доклад, взяв за основу статью Игоря Николаевича Данилевского из его книги «Древняя Русь глазами современников и потомков». Готовясь к выступлению в аудитории, я понял, что распутать клубок противоречий борисо-глебской проблематики невозможно без погружения в скандинавский материал. Это стало одной из причин, побудивших меня заниматься древнеисландским и шведским языками.

Параллельно развивался мой интерес к древнерусским источникам. Моя курсовая работа за второй курс была посвящена летописеведению, а с третьего курса я стал посещать спецкурсы и спецсеминар И. Н. Данилевского по герменевтике древнерусских текстов. Объектом моих изысканий на третьем и четвертом курсах университета стали летописные списки сыновей Владимира.

Осенью 2003 года я познакомился с Федором Борисовичем Успенским и стал ходить на его спецкурс и его совместный с Анной Феликсовной Литвиной спецсеминар на историческом факультете МГУ. Читая тогда «Сагу об Инглингах» Снорри Стурлусона, я встретил в ее 19-й главе легенду о гибели Агни, поразившую меня своей схожестью с летописным рассказом об убийстве Бориса и с описанием гибели Бурислава в «Эймундовой пряди». Это наблюдение определило мою главную тему на последующие пять лет. Тема диссертации, написанной под руководством И. Н. Данилевского в аспирантуре Института всеобщей истории РАН, претерпела несколько изменений и от «Варяжских источников древнерусских текстов» через «“Эймундову прядь” как источник по истории Руси» и «Усобицу 1015–1019 годов на Руси в древнерусских и скандинавских

источниках» пришла к «Древнерусским источникам об уособице 1015–1019 годов».

Материалы диссертации уместились в первую главу книги, которую Вы держите в руках. Некоторые разделы книги уже публиковались в виде статей и тезисов (см. библиографический раздел), однако были с тех пор дополнены и переработаны.

Grates

Этой книге не было бы без неоценимой поддержки, которую оказали мне мои учителя Игорь Николаевич ДАНИЛЕВСКИЙ и Федор Борисович УСПЕНСКИЙ.

Я чрезвычайно благодарен за внимание к моей работе Алексею Алексеевичу ГИППИУСУ, Анне Феликсовне ЛИТВИНОЙ, Павлу Владимировичу ЛУКИНУ, Елене Александровне МЕЛЬНИКОВОЙ, Александру Васильевичу НАЗАРЕНКО, Ольге Александровне СМIRНИЦКОЙ.

Моим друзьям и коллегам Ларисе Альфредовне АВАКОВОЙ, Татьяне Леонидовне ВИЛКУЛ, Андрею Юрьевичу ВИНОГРАДОВУ, Юлии Владимировне ВИНОГРАДОВОЙ, Павлу Шавкатовичу ГАБДРАХМАНОВУ, Галине Васильевне ГЛАЗЫРИНОЙ, Дмитрию Анатольевичу ГОЛУБОВСКОМУ, Дмитрию Анатольевичу ДОБРОВОЛЬСКОМУ, Андрею Анатольевичу ЗАЛИЗНЯКУ, Денису Викторовичу КАШТАНОВУ, Елене Леонидовне КОНЯВСКОЙ, Ивану Александровичу КОПЫЛОВУ, Анне Анатольевне КОТОМИНОЙ, Вадиму Мироновичу ЛУРЬЕ, Зое Юрьевне МЕТЛИЦКОЙ, Дарье Михайловне МИХЕЕВОЙ, Михаилу Юрьевичу МИХЕЕВУ, Николаю Михайловичу МИХЕЕВУ, Татьяне Михайловне НИКОЛАЕВОЙ, Наталье Викторовне ПАК, Владимиру Яковлевичу ПЕТРУХИНУ, Анджею ПОППЭ, Владимиру Владимировичу РЫБАКОВУ, Андрею Александровичу РЫБАЛКЕ, Ольге Игоревне ТОГОВОЙ, Алексею Петровичу ТОЛОЧКО, Константину ЦУКЕРМАНУ, Марии Николаевне ШИШЛИНОЙ и Анне Сергеевне ШПИЛЬКО я обязан за многочисленные ценные советы и замечания. Спасибо всем,

кто слушал мои доклады в РГГУ, в МГУ, в Институте славяноведения РАН, на различных конференциях.

Спасибо Институту славяноведения РАН и, в частности, всем сотрудникам Отдела типологии и сравнительного языкознания. Спасибо всем сотрудникам Центра «История частной жизни и повседневности» Института всеобщей истории, сотрудникам кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ.

Спасибо Тамаре Алексеевне ТОШТЕНДАЛЬ-САЛЫЧЕВОЙ, Марии Борисовне ЛЮДКОВСКОЙ и всем сотрудникам Шведского центра РГГУ. Спасибо Евгению Александровичу РЯБИНИНУ и Андрею Юрьевичу ЧЕРНОВУ за Старую Ладугу. Низкий поклон моим школьным учителям истории – Николаю Павловичу БЕЛАРЁВУ, Валентину Семеновичу КАРЕЛИНУ, Кириллу Германовичу МИТРОФАНОВУ.

Apparatus

Цитаты в книге приводятся в соответствии с используемыми изданиями или рукописями, древнерусский текст – в современной графике (за исключением «ѣ»). Титла раскрываются в круглых скобках: например, «С(вя)тополкъ». Киноварные заголовки не отображаются, иногда не воспроизводится деление на абзацы.

Все дополнения и исправления в цитатах (например, поправки по другим спискам) помещены в квадратных скобках. Все пропуски отмечены угловыми скобками.

Для обозначения реконструируемых вставок или различных версий сходных текстов несколько раз используются фигурные скобки, их значение оговаривается в каждом случае.

В цитатах из эпиграфических текстов в квадратные скобки берутся буквы, восстанавливаемые неоднозначно, в круглые – чистые коньектуры.

Подчеркивания в цитатах принадлежат мне.

Ссылки на источники в основном тексте помещаются в круглые скобки. После сокращенного названия памятника следуют книга и глава или год (для летописей), затем указываются листы рукописи, затем том и страницы издания. Если в ссылке отмечены и лист рукописи, и страница издания, то страницы издания берутся в круглые скобки. Например, ссылка на 32-ю главу восьмой книги «Хроники» Титмара Мерзебургского имеет следующий вид: «Thietmar VIII, 32, fol. 192–192' (S. 530)», где «192–192'» – листы рукописи, а «530» – страница издания.

Названия памятников приводятся в кавычках, если такие названия присутствуют в оригинальных текстах: «Повесть временных лет», Несторово «Чтение», «Эймундова прядь». Исследовательские названия реальных и реконструируемых текстов пишутся с заглавной буквы, однако не берутся в кавычки: Книга с Плоского острова, Новгородская первая летопись, Древнейший свод.

Обсуждаемые в книге взаимные отношения источников по возможности иллюстрируются схемами. На схемах по вертикали памятники по отношению друг к другу обычно располагаются по хронологическому принципу. Сплошные линии обозначают прямое происхождение одного текста от другого, пунктирные – влияние одних текстов на другие. Жирные линии обозначают влияние основных источников, а тонкие – дополнительных (если стрелки на схеме имеют разную толщину). Сплошными рамками обведены дошедшие до нас источники, пунктирными рамками – памятники, текст которых достаточно уверенно реконструируется. Гипотетические тексты рамками не обводятся. Курсивом на схемах обозначены сказания, бытовавшие в устной форме.

И НЫНЕ
ОЖЕ СѦ ГЪДѢ
БОУДОУ ОПИСАЛЪ И ЛН
ПЕРЕПИСАЛЪ И ЛН НЕ ДОПИСАЛЪ
УБѢТѢ НСПРАВЛЕНАА А НЕ КЛАНИТЕ
И НЕ ЗАЗЪРНТЕ МОЕМЪ ОКАЖАНСТВУ
ЗАНЕЖЕ КНИГЪИ ВЕТЪШАНЫИ А
СМЪ МОЛОДЪ НЕ ДОШЕЛЪ
ПИСАЛЪ БО УЕЛОВѢКЪ
ЗЕЛО НСПЪЛНЕНЪ
НЕВѢДЕННА

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга посвящена истории уособицы, которая развернулась после смерти киевского князя Владимира Святославича 15 июля 1015 года между Ярославом Владимировичем, больше известным теперь как *Ярослав Мудрый*, его наемниками-скандинавами, одним из предводителей которых был некий Эймунд, и Святополком, называемым в древнерусских текстах «окаанным».

В событиях 1015–1019 годов принимали участие не только русские и скандинавы, но и войска польского князя Болеслава Храброго. Благодаря его вмешательству в русские дела в нескольких латиноязычных хрониках мы находим сведения об уособице Владимировичей. Между тем в данной работе объект исследования ограничен древнерусским и скандинавским материалом, так как немецкие и польские тексты достаточно хорошо изучены и сами по себе, и как источники по древнерусской истории.¹ Ситуация же с древне-

¹ Наиболее ценным западноевропейским источником по истории уособицы 1015–1019 годов является «Хроника мерзебургских епископов» («Chronicon episcoporum Merseburgensium») Титмара (Thietmar) Мерзебургского. Эта латиноязычная хроника была создана непосредственно в то время, о котором рассказывает. Епископ саксонского города Мерзебурга Титмар умер в декабре 1018 года. До нас дошла фотокопия оригинала его «Хроники» (сам оригинал серьезно пострадал в результате бомбардировки Дрездена в 1945 году). В «Хронике» подробно описана борьба германского императора Генриха II с Болеславом Храбрым. Среди прочего Титмар сообщает о браке между Святополком и дочерью Болеслава, о заговоре Святополка против отца, о борьбе Болеслава (и Святополка) с Ярославом Владимировичем, в том числе о взятии Болеславом Киева в 1018 году.

А. В. Назаренко [2001: 451–476] показал, что в «Хронике» Титмара представлены как минимум два пласта сведений об исследуемой междоусобице. Первые известия о борьбе Болеслава и Святополка против Ярослава Титмар получил из Польши в 1017 году, когда Святополк бежал к Болеславу и они начали готовиться к большому походу на Русь. Вторая часть сведений о русских событиях была записана осенью 1018 года со слов информантов-саксонцев, участвовавших в киевском походе Болеслава.

русскими и скандинавскими памятниками, сведения которых во многом противоречат друг другу, совершенно противоположная.

Летописи, жития Бориса и Глеба Владимировичей (признанных на Руси святыми уже в XI веке) и скандинавские саги красочно описывают борьбу за наследство Владимира.

История формирования всех этих текстов изучена, на мой взгляд, недостаточно. Принципиально важно, что они относятся к разным типам источников и к разным традициям. Между тем те исследователи, которые задавались вопросом о взаимосвязи противоречивых сведений древнерусских и скандинавских источников об усобице Владимировичей², не сопоставляли особенности формирования этих источников.

Цель этой книги – определить границы верифицируемых исторических реконструкций событий 1015–1019 годов на основании дошедших до нас текстов. В первой главе рассматривается история древнерусских текстов, донесших информацию о событиях второго десятилетия XI века. Во второй главе реконструирована история скандинавских текстов, содержащих сведения об усобице 1015–1019 годов. В третьей главе сопоставляются сведения древнерусских и скандинавских источников о борьбе за наследство князя Владимира.

Некоторые сведения об интересующей нас междоусобице сообщает первый польский хронист Галл Аноним, писавший в начале XII века. В седьмой и десятой главах первой книги своей «Хроники и деяний князей или правителей польских» («*Chronicon et gesta ducum sive principum Polonorum*») Аноним передает, очевидно, сохранявшиеся при дворе устные легенды о борьбе Болеслава против Ярослава. Между тем «Хроника» Галла описывает все события довольно тенденциозно (ср. [Щавелева 1990: 36]).

Необходимо отметить, что набор сюжетов, описанных в скандинавских источниках, практически не пересекается с тематикой источников западного происхождения.

² Последняя попытка сколько-нибудь подробного разбора проблемы разногласий древнерусских и скандинавских источников предпринималась более полувека назад. См. статьи О. И. Сенковского [1834а] и А. И. Лященко [1926], книгу Н. Н. Ильина [1957].

ГЛАВА I. ДРЕВНЕРУССКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ УСОБИЦЕ 1015–1019 ГОДОВ

В данной главе рассматриваются древнерусские источники об усобице 1015–1019 годов. Все древнерусские источники согласны в том, что вскоре после смерти Владимира его младшие сыновья Борис и Глеб (а согласно «Повести временных лет», еще и Святослав) были убиты по приказу старшего брата – Святополка. Летописи и жития сообщают, что в последовавшем затем противостоянии Ярослав Владимирович одержал верх над Святополком.

Важнейшими из рассматриваемых источников являются памятники древнерусского начального летописания³. Начальная летопись дошла до нас в двух основных видах. «Повесть временных лет», созданная в 1110-е годы, отразилась во многих текстах, в первую очередь в Лаврентьевской (Лавр.), Ипатьевской (Ипат.) и Радзивилловской (Радз.) летописях. Предшествовавшая «Повести временных лет» Печерская летопись с анналистическим продолжением, как показали А. А. Шахматов и М. Х. Алешковский⁴, разным образом отразилась в старшем и младшем изводах Новгородской первой летописи⁵. При этом в младшем изводе Новгородской первой летописи вплоть до статей 6520-х годов текст Печерской летописи передается в полном виде. Несостоятельность попыток оспорить эту фундамен-

³ Под *начальным летописанием* и *Начальной летописью* я понимаю «Повесть временных лет» и все предшествовавшие ей древнерусские летописные памятники.

⁴ [Шахматов 1908: 3–7 (§§ 1²–1³), 394–395 (§ 220¹⁵); 2003 (1947); Алешковский 1971]. А. А. Шахматов условно называл эту летопись *Начальным сводом*, а М. Х. Алешковский – *Печерской летописью* или *авторской редакцией «Повести временных лет»*. Я в данной работе везде именуую данный памятник *Печерской летописью*.

⁵ В ссылках на эти источники я использую их сокращения – НовГ1ст и НовГ1мл.

тальную гипотезу А. А. Шахматова показали О. В. Творогов и А. А. Гиппиус⁶.

Кратко останавливаясь на предыстории дошедших до нас версий Начальной летописи, необходимо отметить, что Печерской летописи предшествовал по крайней мере еще один пространный нарратив об истории Руси. Предположения о точном количестве ранних вариантов Начальной летописи, а также об их составе, времени и обстоятельствах создания пока носят характер догадок, однако само их существование убедительно доказано в работах А. А. Шахматова, М. Х. Алешковского, А. А. Гиппиуса и других исследователей. О первоначальном ядре Начальной летописи (этот историографический текст я вслед за Т. В. Гимомом склонен называть *Древнейшим сказанием*⁷) определенно известно, что оно было цельным повествованием, не поделенным на годовые статьи.⁸

Кроме летописных источников в данной главе рассматриваются два жития Бориса и Глеба, сыновей Владимира, погибших в ходе усобицы 1015–1019 годов. Важнейшим периодом для становления культа Бориса и Глеба стала третья четверть XI века, а кульминацией можно назвать торжественный перенос мощей Бориса и Глеба в

⁶ [Творогов 1976; Гиппиус 2001; 2002: 72–74; 2006а: 59–60] (с указанием литературы).

⁷ Термин предложен Т. В. Гимомом в ходе доклада на московской конференции «“Повесть временных лет” и начальное летописание: К 100-летию книги А. А. Шахматова “Разыскания о древнейших русских летописных сводах”» 24 октября 2008 года.

⁸ См. [Алешковский 1971: 62–66; 1976: 147–149; Гиппиус 2006а].

А. А. Шахматов [2008: 398–420 (гл. XVI)] датировал реконструируемый им Древнейший летописный свод 1030-ми годами, а М. Н. Тихомиров и А. А. Гиппиус относили Сказание о русских князьях к концу X века [Тихомиров 1979 (1960): 57–66; Гиппиус 2001: 177 (прим. 33)].

новую церковь, состоявшийся 20 мая 1072 года.⁹ Интересующее нас подробное описание мученической кончины святых братьев можно найти в «Чтении о житии и о погублении блаженную страсотерпцю Бориса и Глѣба» киево-печерского монаха Нестора и в анонимном сочинении «Сказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глѣба». Эти памятники были созданы во второй половине XI – первой половине XII века.

Описания борьбы сыновей Владимира в житиях и в разных летописных сводах, восходящих к начальному летописанию, различаются между собой. В разных редакциях дошли до нас и рассказы об обстоятельствах гибели Бориса и Глеба, и повествования о ходе борьбы Ярослава со Святополком.

Приведем лишь два примера расхождения сведений древнерусских источников.

Во-первых, ряд уникальных известий содержится в «Чтении о Борисе и Глебе». Например, там говорится, что Глеб был убит, когда пытался убежать от Святополка на север (вероятно, в Новгород). Между тем, согласно всем остальным текстам, Глеб, напротив, направлялся в Киев, то есть к Святополку.

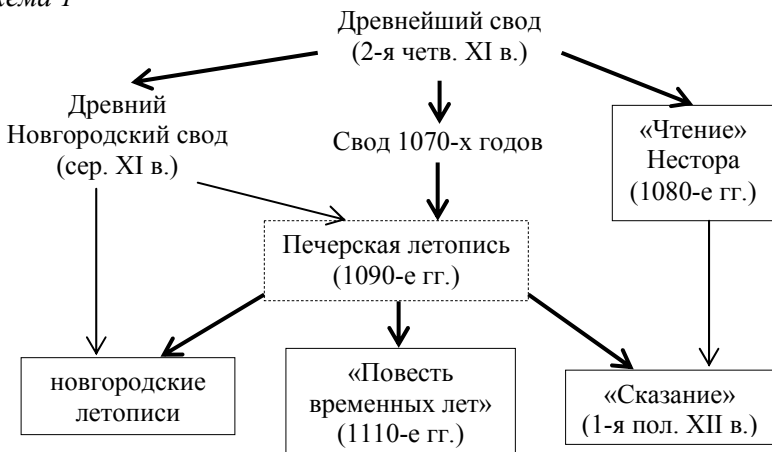
Во-вторых, согласно «Повести временных лет», утверждение Ярослава в Киеве произошло в результате ряда военных кампаний. Между тем в Новгородской первой летописи отсутствуют сведения о победе над Ярославом польского князя Болеслава I Храброго, пришедшего на Русь в 1018 году для помощи своему зятю Святополку, и о поражении Святополка от Ярослава в битве на реке Альте в следующем году. В Новгородской первой летописи повествование об усобице Ярослава и Святополка завершается рассказом статьи 6524 года о победе Ярослава под Любечем. Кроме того, описания этой битвы в Новгородской первой летописи и в «Повести временных лет» значительно различаются.

⁹ О времени становления борисо-глебского культа см. [Алешковский 1972: 110–125; Поппэ 1981: 45–53; 1995; Назаренко 2003: 47–49; 2007].

История текстов об усобице 1015–1019 годов интересовала многих исследователей. В течение XIX века были подняты такие вопросы, как (1) соотношение текстов летописи и «Сказания о Борисе и Глебе», (2) соотношение летописи и Несторова «Чтения», (3) предыстория летописного текста о событиях второго десятилетия XI века.

Вехой в истории изучения борисо-глебской проблематики стала книга А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», самая большая глава которой посвящена интересующей нас теме [Шахматов 1908: 29–97 (§§ 14–65)]. Исследователь предположил, что во второй четверти XI века было написано летописное сказание о Борисе и Глебе, которое вошло в Древнейший летописный свод. Событийная сторона этой версии рассказа о Борисе и Глебе, по мнению А. А. Шахматова, практически без изменений отразилась в Несторовом «Чтении», что дает нам возможность реконструировать содержание соответствующих страниц Древнейшего свода. В 1090-е годы, согласно А. А. Шахматову, фактическая часть летописного сказания о Борисе и Глебе была значительно видоизменена под влиянием различных новых источников, привлеченных редактором летописи, – по большей части местных легенд. Печерской летописью 1090-х годов, а также «Чтением», по мнению А. А. Шахматова, пользовался около 1115 года автор «Сказания». «Повесть временных лет», написанная чуть позже, как показал исследователь, передает сказание о Борисе и Глебе из Печерской летописи практически без изменений. История древнейших текстов, повествующих об усобице 1015–1019 годов, по А. А. Шахматову схематически может быть представлена следующим образом.

Схема 1

Несмотря на масштабность реконструкции А. А. Шахматова, ряд проблем остался вне интереса исследователя, а некоторые важные для него доводы впоследствии были поставлены под сомнение. Точка зрения А. А. Шахматова не была полностью принята ни кем из исследователей, изучавших после него соотношение текстов борисоглебского цикла.

Основной интерес долгое время вызывала история житийных текстов о Борисе и Глебе. Свои версии взаимоотношений летописи и житий представили за последние сто лет многие ученые¹⁰. Наиболее интенсивно изучались история формирования культа Бориса и Глеба (см. работы Л. Мюллера, М. Х. Алешковского, А. Поппэ), соотношение текстов, повествующих о чудесах над мощами святых братьев (С. А. Бугославский, Л. Мюллер, А. Поппэ), история текста анонимного «Сказания» и его соотношение с летописью (С. А. Бугославский,

¹⁰ См. монографические исследования, посвященные борисоглебской проблематике: [Бугославский 2007 (1940); Ильин 1957; Милютенко 2006], а также серию статей Л. Мюллера (см. библиографический раздел).

Н. Н. Ильин, Л. Мюллер, А. Поппэ, Н. И. Милютенко). С. А. Бугославский затрагивал также тему соотношения летописи с Несторовым «Чтением».

В последние годы вышло несколько работ, посвященных соотношению «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи в освещении событий 1015–1019 годов (А. А. Гиппиус, Т. Л. Вилкул, Л. Мюллер, П. В. Лукин).

По большинству из этих вопросов исследователям пока не удалось достигнуть согласия: все многочисленные варианты решения борисо-глебской проблемы отличаются друг от друга. Остаются открытыми и вопрос о соотношении «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи, и вопрос о соотношении летописи, «Сказания» и «Чтения». При этом никто после А. А. Шахматова не пытался ответить на *все* эти вопросы в совокупности.

Практически забытой в историографии последних ста лет темой является реконструкция предыстории дошедших до нас текстов об усобице 1015–1019 годов, к которой обращались С. М. Соловьев и А. А. Шахматов. Этот вопрос затрагивается в недавней работе Н. И. Милютенко, однако ее книга, к сожалению, грешит невниманием к историографии и некорректной работой с источниками¹¹.

¹¹ См. рецензии [Михеев 2006а], [Мусин 2006], [Пак 2007], [Артамонов 2008]. Как показано в данных рецензиях, труду Н. И. Милютенко свойственны (1) некорректная работа с источниками, (2) нелогичность построений, (3) плохое знание историографии борисоглебской темы, (4) умолчание данных источников и мнений ученых, противоречащих ее построениям, (5) некорректная передача приведенных в книге борисо-глебских текстов. В работе Н. И. Милютенко не только повсеместно находим вводимые без каких-либо оговорок отсылки к реконструируемым текстам, но и голословные утверждения, вообще не основанные на показаниях источников. Так, Н. И. Милютенко ошибочно пишет, что (1) Ярослав «почти сразу обвинил» Святополка в убийстве Бориса и Глеба [Милютенко 2006: 6]; (2) «все источники утверждают, что Борис безоговорочно признал старшинство Святополка, но брат ему не поверил» [Милютенко 2006: 13]; (3) «как свидетельствуют скандинавские саги, варяги на первых порах согласились служить без платы» Ярославу [Милютенко 2006: 103].

Очевидный кризис в сравнительном изучении текстов борисоглебского цикла приводит к тому, что многие историки используют для реконструкции событий сведения различных летописей и житий вообще без какой-либо оглядки на проблему взаимоотношения этих памятников и их предыстории.

Такое положение вещей обязывает нас предпринять новый подробный разбор данной проблемы.

Целью данной главы является выяснение истории формирования древнерусских текстов, повествующих о событиях второго десятилетия XI века.

Для достижения этой цели ставятся три задачи: (1) выяснить соотношение текстов разных летописей, восходящих к начальному летописанию; (2) выяснить соотношение летописного повествования с текстом житийных памятников – «Сказания о Борисе и Глебе» и Несторова «Чтения о Борисе и Глебе» и (3) реконструировать предысторию дошедших до нас текстов.

1.1. Отражение Начальной летописи в Новгородской I летописи

В данном разделе речь пойдет о различающихся между собой описаниях событий 1015–1019 годов в летописях, восходящих к начальному летописанию: (1) в летописях, отразивших в своем составе «Повесть временных лет», (2) в Новгородской первой летописи старшего извода и (3) в Новгородской первой летописи младшего извода.

Предваряя разбор конкретных фрагментов интересующих нас летописных памятников, необходимо отметить, что старший извод Новгородской I летописи, значительно отличающийся от младшего в передаче Начальной летописи, сохранился в неполном виде. Единственная рукопись старшего извода – Синодальный список – начинается с середины статьи 6524 года, где описывается Любечская битва между Ярославом и Святополком.

По мнению А. А. Шахматова, поддержанному многими другими исследователями¹², утраченное начало Синодального списка содержало один из поздних вариантов текста Начальной летописи. Эта догадка основывается на том, что сохранившаяся нумерация тетрадей Синодального списка свидетельствует об утрате 16-ти начальных тетрадей рукописи¹³. Если текст летописи начинался с первых листов Синодального списка и если этих листов в 16-ти тетрадах было 128 (ни то, ни другое, к сожалению, проверить невозможно), то его объем вплоть до статьи 6524 года должен был составлять около 98 тысяч букв. Объем соответствующей части младшего извода составляет немногим более 90 тысяч букв, а в «Повести временных лет» вплоть до статьи 6524 года насчитывается около 116 тысяч букв.¹⁴ Между тем представляется оправданным скепсис Т. Л. Вилкул, которая отмечает, что «[л]етописные своды могли помещать в составе компендиумов <...>, нелетописные дополнения вписывали перед основным текстом летописи, что отнимает у нас право на подобные вычисления». Т. Л. Вилкул справедливо заключает, что «мы в праве не оглядываться на гипотетическое соответствие» начальной части старшего и младшего изводов Новгородской I летописи [Вилкул 2003б: 10].

В младшем изводе Новгородской I летописи также не сохранился полный текст Начальной летописи. Вплоть до статей 6620-х годов в младшем изводе традиционно выделяют четыре участка. На

¹² [Шахматов 1908: 493–494 (§ 268); Бережков 1963: 216; Гиппиус 1997: 34].

¹³ На обороте 16-го листа – то есть последнего листа второй из сохранившихся тетрадей – Синодального списка проставлено число «18». Очевидно, это был последний лист 18-й тетради.

¹⁴ Для вычислений мной были использованы издания с раскрытыми титлами (то есть с раскрытием традиционных славянских сокращений).

Необходимо отметить ошибочность подсчета В. Л. Янина [1981: 167], который не учел то обстоятельство, что летопись в Комиссионном (Комисс.) списке Новгородской I летописи начинается лишь с 28-го листа рукописи. Ср. также приблизительные подсчеты А. А. Шахматова [1908: 386–387 (§ 220⁴)].

первом участке (оканчивающемся где-то в пределах повествования о междоусобице Владимиричей) Новгородская I летопись младшего извода следует за Печерской летописью и ее текст очень сходен с текстом «Повести временных лет». Начиная с рассказа об убийстве Глеба в статье 6523 года и вплоть до описания битвы под Любечем в статье 6524 года тексты Новгородской I летописи младшего извода и «Повести временных лет» несколько различаются. В конце статьи 6524 года в Новгородской I летописи младшего извода помещен текст «Русской Правды», после чего вплоть до 6550-х годов мы находим в Новгородской I летописи лишь краткие извлечения из Начальной летописи и несколько новгородских известий летописного характера (второй участок). С 6550-х годов и вплоть до статьи 6582 года (текст которой обрывается на полуфразе) в Новгородской I летописи младшего извода вновь содержится полный текст Начальной летописи, практически идентичной «Повести временных лет» (третий участок). Дальше в Новгородской I летописи находим лишь краткие выписки из Начальной летописи (четвертый участок).

Целью данного раздела является прояснение вопроса взаимоотношения текстов «Повести временных лет» и Новгородской I летописи. Для этого различающиеся тексты «Повести временных лет» и Новгородской I летописи последовательно сопоставляются между собой на интересующих нас участках.¹⁵

«Лице твое ангельское»

Рубеж первого и второго участков Новгородской I летописи

Первый участок, на котором Новгородская I летопись младшего извода последовательно передает Печерскую летопись, заканчивается на словах «лице твое ангельское» в рассказе об убиении Глеба в

¹⁵ Данный раздел является расширенным и обновленным вариантом статьи [Михеев 2008a].

Как показал в своем фундаментальном исследовании Новгородской I летописи А. А. Гиппиус [1997], основными источниками старшего и младшего изводов были новгородские Свод Всеволода 1110-х годов и Свод 1167 года.

статье 6523 года.¹⁶ До этих слов Новгородская I летопись младшего извода почти слово в слово совпадает с «Повестью временных лет»¹⁷, а после них переключается на почти дословное цитирование житийного «Сказания о Борисе и Глебе», опуская лишь часть лирических отступлений¹⁸ (см. *нечетные* фрагменты с 5 по 19 в представленной ниже таблице 1).

Таблица 1

	«Повесть временных лет» (6523 г.)	Новгородская I летопись младе- го извода (6523 г.)	«Сказание о Борисе и Глебе»
1	«и ста на Смядинѣ <u>в насадѣ</u> · в се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу <i>от</i> Передьславы · о отни см(е)рти · и посла Ярославъ к Глѣбу гл(агол)я не ходи о(ть)ць ти оумерль · а братъ ти оубень <i>от</i> С(вя)тополка · се слышавъ Глѣбъ · възпи велми съ слезами плачася по о(ть)ци · паче же по братѣ · и нача молитися съ слезами гл(агол)я · оувы мнѣ	«и ста на рѣкы на Смядынѣ <u>в кораблицѣ</u> . В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу <i>от</i> Передьславы о отни [смерти], и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: “отець ти умерль, а брат ти убиень <i>от</i> Святополка”. Се слышавъ Глѣбъ, възпи съ слезами, плачася по отци, паче же и о братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: “увы мнѣ,	«ста на Смядинѣ <u>въ кораблицѣ</u> . И въ се время пришла бяше вѣсть <i>от</i> Передьславы къ Ярославу о отъни съмърти. И присла Ярославъ къ Глѣбу, река: “не ходи, брате, отьць ти умърль, а братъ ти убиень <i>от</i> Святопѣлка”. И си услышавъ, блаженный възпи плачьмь горькымь и печалию срьдъчною, и сиче глаголаше: “о, увы мнѣ, господине мой! <i>Отъ</i> двою плачу плачюся и стеню, дъвою сѣтованию

¹⁶ Неожиданный обрыв воспроизведения Начальной летописи в данном месте отмечал еще А. А. Шахматов [1908: 389, прим. 2 (§ 220⁸)].

¹⁷ В приведенном ниже фрагменте исключением из этого правила является замена слов «в насадѣ» на «в кораблицѣ» (см. фрагмент 1 на таблице 1). Эта замена, очевидно, была сделана под воздействием соответствующего текста «Сказания о Борисе и Глебе».

¹⁸ Вторичность текста Новгородской I летописи по отношению к «Сказанию о Борисе и Глебе» доказала Т. Л. Вилкул [2003б: 11–13].

	Г(о)с(под)и · луче бы ми оумрети съ братомъ · нежели жити на свѣтѣ семь · аще бо быхъ брате мои видѣль	господи, луче бы ми умрети съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь прелестнѣмъ. Аще бо быхъ, драгии мои брате, видѣль бы есмь	сѣтую и тужю! Увы мнѣ, улы мнѣ! <...> Уне бы съ тобою умрети ми, неже уединену и усирену отъ тебе въ семь житии пожити. Азь мнѣхъ въ бързѣ узрѣти
2	лице твое анг(е)лское ·	лице твое аггельское,	лице твое ангельское,
3	оумерль быхъ с тобою · нынѣ же что ради остахъ азь единь · кдѣ суть слова твоя · яже гл(агол)а къ мнѣ брате мои любимы · нынѣ оуже не оуслышу тихаго твоего наказанья · да аще еси получилъ дерзновенье оу Б(ога) · молися о мнѣ да и азь быхъ ту же стр(а)сть прияль · луче бо ми было с тобою жити · неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ ·	то и селика постижемя; уне ми бѣ с тобою умрети, господине мои; нынѣ же азь что сѣтворю, умиленныи и очюжденныи от твоея доброты и от отца моего многыя доброты. О, честнѣишии мои господине и драгии брате, аще еси дерзновение получилъ у господа, моли о моемъ унынии, дабы и азь сподобленъ былъ ту же страсть прияти и с тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ”.	ти се селика туга състиже мя, и уныль быхъ съ тобою умрети, господине мой! Нынѣ же что сѣтворю азь умиленный, очюженный отъ твоея доброты и отъ отца моего многаго разума? О, милый мой брате и господине! аще еси уполучилъ дръзновение у Господа, моли о моемъ унынии, да быхъ азь съподобленъ ту же страсть въсприяти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ”!
4	и сице ему молящюся съ слезами · се внезапно придоша послании от С(вя)тополка на погубленье Глѣбу и ту абе послании яша корабль Глѣбовъ · и обнажиша оружье · отроци Глѣбови оуныша ·	И сице ему стенощю и плачущю и въздыхающю, слезами омачающю, и часто бога призывающе, приспѣша внезапно послании от Святополка злыя слугы.	И сице ему стенощю и плачущюся, и слъзами землю омачающю, съ въздыхании частыими Бога призывающю, приспѣша вънезапу посълании отъ Святопѣлка, зълыя его слугы,

5			немилостивии крѣвопи- ицѣ, братоненавидѣници люти зѣло, сверѣпа звѣ- ри, душо изимающе.
6		Святѣи же шедши въ кораблецѣ, и срѣтоша устѣ рѣкы Смядынѣ;	Святѣи же поиде въ ко- раблици, и срѣтоша и устие Смядины.
7			И яко узрѣ я святѣи, въздоровася душею, а они, узрѣвъше и, обра- чаахуся и гребяхуся къ нему. А съ цѣлования чаяше отъ нихъ прѣяти. И яко быша равѣно пло- вуца, начаша скакати зѣлии они въ лодию его, обнажены меча имуще въ рукахъ своихъ, бльща- щася акы вода, – и абие въсѣмъ весла отъ руку испадоша, и всѣи отъ страха омертвѣша. <...> Таче възрѣвъ къ нимъ, умиленьмъ гласемъ и измѣлкшымъ грѣтанымъ рече: “то уже сѣтво- ривше, приступльше, сѣтворите, на неже по- сълани есте”.
8		тогда оканнѣи осту- пиша в корабли.	
9	оканнѣи же посла- нѣи Горясѣрь · пове- лѣ		Тѣгда оканнѣи Горя- сѣрь повелѣ
10	вборзѣ зарѣзати Глѣба · поварь же Глѣбовъ именемъ Торчинъ · вынезѣ ножъ зарѣза Глѣба · акы агня не- порочно · принесеса	Поварь же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, иземъ ножъ, зарѣза Глѣба вборзѣ, яко агня незлобиво, мѣся- ца септября въ 5 день;	зарѣзати и вборзѣ. По- варь же Глѣбовъ, име- немъ Тѣрчинъ, иземъ ножъ и имъ блаженаго, и закла яко агня непо- рочно и безлобиво.

	на жертву Б(о)ви в воню бл(а)гоуханья · жертва словесная · и прия вѣнецъ вшедь въ н(е)б(е)сныя обите- ли · и оузрѣ желаема- го брата своего · и радовашеся с нимъ неиздреченною ра- достью · юже оулучи- ста братолюбьемъ своимъ · се коль доб- ро и коль красно · еже жити братама вкупѣ ·	и принесеся жертва чиста, и възиде на небесныя обители къ господу, и узри же- лаемаго си брата, и въсприаста вѣнца не- тлѣнныя.	Мѣсяца септября въ 5 днь, въ понедѣльникъ. И принесеся жьртва чиста Господеви и благовонь- на, и възиде въ небесныя обители къ Господу, и узрѣ желаемаго си бра- та, и въсприаста вѣнца небесныя,
11			егоже и въжелѣста, и възрадовастеся радос- тию великою, неиздре- ченною, юже и улучи- ста.
12	оканьнии же възра- тишася въспять ·	Оканьнии же убица възратишася, и при- идоша [къ] пославше- му я.	Оканьнии же они убои- цѣ, възвратившеся къ пославшюуму я,
13			яко же рече Давидъ: “възвратятся грѣшници въ адъ и вси забываю- щии Бога”, и пакы: “ору- жие извлекоша грѣшни- ци, напрягоша лукъ свой заклати правыя сръдъ- цьмъ, и оружие ихъ вънидетъ въ сръдъца, и луци ихъ съкрушатся, яко грѣшници погыб- нуть”.
14		Яко сказаша Свято- полку, яко “створи- хомъ повелѣная то- бою”; си слышавъ, възвеселися душею и сердцемъ.	И яко съказаша Свято- пѣлку, яко сътворихомъ повеленое тобою: и си слышавъ, възнесеся сръдцьмъ.
15			И събысться реченое псалмопѣвцемъ Дави- дъмъ: “что ся хвали- ши, сильный, о зльобѣ?

			безаконие въ съ днь, неправду умысли языкъ твой, възлюбилъ еси злюбу паче благостынѣ, неправду, неже глаголаати правду, възлюбилъ еси вся глаголы потопныя и языкъ льстивъ. Сего ради раздрушитъ тя Богъ до коньца, въстѣргнетъ тя и преселитъ тя отъ села твоего и корень твой отъ земля живущихъ”.
16	Глѣбу же оубьену бывшю · и повержену на брезѣ · межи двѣма колодама ·	И убиену же Глѣбови и повержену на мѣстѣ пусти межи двѣма колодама,	Убиену же Глѣбови и повржену на пустѣ мѣстѣ межу двѣма колодама,
17			и Господь не оставляяи своихъ рабѣ,
18		якоже рече Давидъ: “хранитъ господь вся кости ихъ, ни едина же отъ нихъ не скрушится”; и сему убо святому лежащу долго время, и не оста в невѣдѣнии и небрежении отинуд пребыти, нь показа, овогда видѣша столпъ огнень, овогда же свѣща горяща; и паки пѣния аггельская слышаху мимоходяще гостие, инѣи же, яко и ловы дѣюще и пасуще. Сиа же слышаще и видяще, не бы памяти ни единому же	яко же рече Давидъ: “хранитъ Господь вся кости ихъ, и ни едина отъ нихъ съкрушится”. И сему убо святууму лежащу дълго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении, отинуд пребыти неврежену, нь показа: овогда бо видѣша стълпъ огнень, овогда свѣщѣ горушѣ, и паки пѣния ангельская слышаху мимоходящи же путьмъ гостие, ини же, ловы дѣюще и пасуще, си же видяще и слышаще. Не бысть памяти ни единому же о възискании телесе святааго,

		их о възыскании телесе святого;	
19	посемъ же вземше везоша и · и положиша и оу брата своего Бориса · оу ц(е)рквесе(вя)таг(о) Василья · и съвкуплена тълomorphic».		<...> И начать въпрашати о тълomorphicхъ святоу, како или кде положена еста. И о святъмъ Борисѣ повѣдаша ему, яко Вышегородѣ положенъ естъ,
20		ясно бо вси вѣдаху, яко въ Смоленскѣ убиенъ, нь не вѣдаху, кде положенъ.	а о святъмъ Глѣбѣ не вѣси свѣдяху, яко Смоленскѣ убиенъ естъ.
21		Тогда помянуша, яко видѣша и свѣт велии в пустѣ мѣстѣ, и свѣща горяща; и то слышавше, послаша испокать телесе святого съчестными кресты, и налѣзоша его, идѣже бяху видѣли. И привезше и, и положиша его в Вышегородѣ, идеже лежит тѣло блаженаго Бориса, раскопавше землю, и тако положиша блаженое и святое тѣло, якоже бѣ лѣпо и честно».	И тѣгда съказаха ему, яже слышаша отъ приходящихъ отътуду, како видѣша свѣтъ и свѣщѣ въ пустѣ мѣстѣ. И то слышавъ, посъла Смоленску на възискание презвутеры, рекый, яко то естъ братъ мой. И обрѣтоша и, идеже бѣша видѣли. И шѣдше съкресты, и съ свѣщами мнѣзѣми, и съ кандилы, и съ чѣстною многоу, и вѣложше въ корабль, и пришедше, положиша и Вышегородѣ, идеже лежит и тѣло преблаженнаго Бориса. И раскопавше землю, и тако же положиша и, недоумѣюще, яко же бѣ лѣпо, пречѣстьнѣ».
	Лавр. 6523, л. 46 об.–47 (стб. 135–137) ¹⁹	НовГІмл, л. 77 об.–78 об. (с. 172–174)	Сказ., л. 13 б–16 в (с. 39–48)

¹⁹ Ср. Ипат. 6523, л. 51–51 об. (стб. 122–124); Радз. 6523, л. 76 об.–77 об.

Дальнейший текст Новгородской I летописи младшего извода также значительно отличается от версии «Повести временных лет». Рассказы об избиении варягов новгородцами, о мести Ярослава и о битве под Любечем читаются в Новгородской I летописи и в летописях, отражающих «Повесть временных лет», в разных редакциях, текст которых уже не совпадает слово в слово, как это мы видели вплоть до слов «лице твое ангельское» в статье 6523 года.

С 6524 по 6545 год в Новгородской I летописи младшего извода содержится ряд кратких выписок из какой-то редакции Начальной летописи, довольно близкой «Повести временных лет».

Статья 6524 года в Новгородской I летописи младшего извода начинается кратким сообщением:

«Бысть съца у Любца, и одолъ Ярославъ; а Святополкъ бѣжа в Ляхъ» (НовГмл 6524, л. 78 об. (с. 174)).

Дальше в этой статье следует подробный рассказ об избиении варягов в Новгороде, о мести Ярослава новгородцам и о битве под Любечем, в которой Ярослав победил Святополка и тот бежал к печенегам (а не в Польшу, как об этом говорится (1) и в кратком сообщении о Любечской битве в процитированном сообщении в начале данной статьи, (2) и в статье 6524 года в «Повести временных лет»). В конце статьи в младшем изводе Новгородской I летописи, как уже говорилось, помещен текст «Русской Правды».

Как отметил еще А. А. Шахматов [1908: 500 (§ 274)], процитированное сообщение Новгородской I летописи младшего извода, очевидно, является «дублем», возникшим при совмещении новгородского летописания с киевским. Других дублировок на рассматриваемом отрезке текста Новгородской I летописи нет. Между тем по своему объему и стилю краткое сообщение о Любечской битве в начале статьи 6524 года в младшем изводе, как заметил М. Х. Алешковский [1967: 85], очень напоминает сокращенный текст Начальной летописи, читающийся в младшем изводе Новгородской I летописи на ее втором (6525–6545 годы) и четвертом (6583–6623 годы) участках, а также в старшем изводе – с 6525 по 6623 год (то есть практически на

всем протяжении Начальной летописи, дошедшей до нас в составе Синодального списка). Ср. текст Новгородской I летописи младшего извода за 6525–6545 годы:

«В лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестию; и заложена бысть святыя Софѣя в Киевѣ. В лѣто 6526. В лѣто 6527. В лѣто 6528. Родися у Ярослава сынъ и наречень бысть Володимирь. В лѣто 6529. Побѣди Ярославъ Брячислава. В лѣто 6530. В лѣто 6531. В лѣто 6532. В лѣто 6533. В лѣто 6534. В лѣто 6535. В лѣто 6536. Знамение явися на небеси змиевъ видъ. В лѣто 6537. В лѣто 6538. В лѣто 6539. В лѣто 6540. В лѣто 6541. В лѣто 6542. В лѣто 6543. В лѣто 6544. В лѣто 6545. Заложы Ярославъ город Киевъ, и церковь святыя Софѣя сверши» (НовГлмл, л. 82–82 об. (с. 180))²⁰.

Как отмечалось исследователями, весь текст Новгородской I летописи на этом отрезке состоит из сокращенных выдержек из Начальной летописи начала XII века.²¹

Итак, начиная со слов «лице твое ангельское» в статье 6523 года Новгородская I летопись младшего извода перестает воспроизводить полный текст Начальной летописи. Таким образом, именно здесь заканчивается первый и начинается второй участок Новгородской I летописи младшего извода.

«И поиде на Святополка»

Рассказы об избиении варягов в Новгороде и о Любечской битве

Согласно летописям, в 1015 году в Новгороде, где еще не знали о смерти Владимира и о вокняжении Святополка, Ярослав собрал для борьбы с отцом много варягов. Возмущенные поведением скандинавских наемников, новгородцы устроили погром, после чего последовала месть Ярослава. Эти события описаны в летописях, отра-

²⁰ Ср. НовГлст 6526–6545, л. 1 об.–2 об.

²¹ См. [Гиппиус 1997: 34–37] (с указанием литературы).

жающих «Повесть временных лет», и в Новгородской I летописи младшего извода несколько по-разному.

Таблица 2

Новгородская I летопись младшего извода (6524 год)	«Повесть временных лет» (6523 год)
«В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насиліе дѣяти на мужатых женахъ. Ркоша новгородци: “сего мы насилья не можемъ смотрити”; и собращася в ночь, исѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ;	«Ярославу же не вѣдущо отънѣ с(ъ)м(ь)рти · Варязи бяху мнози оу Ярослава · и насиле творяху Новгородцем · и женамъ ихъ · вставше Новгородци избиша Варягы · во дворѣ Поромони ·
а князю Ярославу тогда в ту ночь сушу <u>на Ракомѣ</u> . И се слышавъ, князь Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и собра <u>вои славны тысящу</u> , и, обольстивъ ихъ, исѣче, иже бяху Варягы ти исѣклѣ; а дружи <u>и бѣжаша</u> изъ града.	и разгнѣвася Ярославъ · и шедъ <u>на Рокомѣ</u> ²² · сѣде въ дворѣ · пославъ к Новгородцемъ реч(е) · оуже мнѣ сихъ не крѣсити · и позва к собѣ <u>нарочитыѣ мужи</u> · иже бяху исѣкли Варягы · обльститъ и исѣче ·
И в ту же ночь ис Кыева сестра Ярославля Передслава присла к нему вѣсть, рекши: “отець ти умерль, а братья ти избиена”.	в ту же ночь приде ему вѣсть · ис Кыева <i>от</i> сестры его Передьславы си · о(ть)ць ти оумерль · а С(вя)тополкъ сѣдитъ ти Кыевѣ оубивъ Бориса · а на Глѣба посла · а блюдися его повелику ·
И се слышавъ, Ярославъ заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори <u>вѣче на полѣ</u> , и рече к ним: “любимая моя и честная дружина, юже вы исѣкохъ вчера въ безумии моемъ, не топѣрво ми	се слышавъ печалень быс(ть) · о о(ть)ци и о дружинѣ · заутра же собравъ избытокъ Новгородецъ Ярославъ реч(е) · о люба моя дружина юже вчера избихъ · [а н(ы)нѣ быша надобе · оутерль слезь · и реч(е) имъ] ²³ <u>на вѣчи</u> · о(ть)ць мои

²² Такое словоделение предлагают издатели Лаврентьевской летописи. Должно быть: «нарокомъ» (от слова «нарокъ» в значении ‘цель, намерение’ [СДРЯ, т. V: 185]).

²³ Так в Радз. и Ипат.

ихъ златомъ окупитѣ”. И тако рче имь: “братѣе, отецъ мой Володимиръ умерль есть, а Святополкъ княжитъ в Киевѣ; хоцю на него поити; потягнете по мнѣ”. И рѣша ему новгородци: “а мы, княже, по тобѣ идемъ”.	оумерль · а С(вя)тополкъ седми[тъ] ²⁴ Кыевѣ · избивая братью свою · и рѣша Новгородци · аще княже брат(ь)я наша исѣчена суть · можемъ по тобѣ бороти ·
И собра вои 4000: Варягъ бѣшеть тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на нь».	и събра Ярославъ Варягъ тысячу · а прочих вои ·40· <u>и поиде на С(вя)тополка</u> нарекъ Б(ог)а · <u>рекѣ</u> не я почахъ · избивати брат(ь)ю · но онъ · да будеть отместъникъ Б(ог)ъ крове брат(ь)я моя · зане без вины проля кровь Борисову · и Глѣбову праведноу · еда и мнѣ си[ц]е же створить · но суди ми Г(о)с(под)и по правдѣ · да скончается злоба грѣшнаго · <u>и поиде на С(вя)тополка</u> ».
НовГмл 6523, л. 78 об.–79 (с. 174–175)	Лавр. 6523, л. 48–48 об. (стб. 140–141) ²⁵

Соотношение приведенных текстов является предметом оживленной полемики²⁶, в ходе которой сделано два неопровержимых вывода.

²⁴ Так в Радз. и Ипат.

²⁵ Ср. Ипат. 6523, л. 53 (стб. 127–128); Радз. 6523, л. 79–80.

²⁶ См. [Вилкул 2003б: 14–16; Мюллер Л. 2006; Лукин 2007]. По мнению П. В. Лукина, доводы которого кажутся наиболее обоснованными, на большей части процитированного отрезка чтения Новгородской I летописи, скорее всего, первичны по отношению к чтениям летописей, отражающих «Повесть временных лет». В частности, П. В. Лукин считает первичными по сравнению с соответствующим текстом «Повести временных лет» два *lectio difficilior*, имеющиеся в тексте Новгородской I летописи: «въче на полѣ» [Лукин 2007: 14] и «вои славны тысящу» [Лукин 2007: 15–17].

По мнению А. А. Шахматова [1908: 617–618], поддержанному П. В. Лукиным [2007: 17], дошедший до нас текст Новгородской I летописи младшего извода восходит на рассматриваемом отрезке к реконструируемому новгородскому своду 1050 года. А. А. Шахматов считал, что к этому своду вос-

Во-первых, как отметил еще А. А. Шахматов [1908: 177–178 (§ 123)], чтение «Повести временных лет» «нарокомъ» вместо «на Ракомѣ» в Новгородской I летописи является ошибкой, вызванной незнанием географии Северной Руси одним из редакторов Начальной летописи. (Ракома – это село на озере Ильмень, близ Новгорода, служившее княжеской резиденцией.)

Во-вторых, А. А. Гиппиус обратил внимание на имеющуюся в тексте «Повести временных лет» форму «рекъ», которая отсутствует в древнейших частях летописи [Гиппиус 2001: 168]. Со своей стороны П. В. Лукин заметил, что в «Повести временных лет» имеется вставка, ограниченная повторяющимися и до и после нее словами «и поиде на С(вя)тополка» [Лукин 2007: 13]. Форма «рекъ» встречена именно внутри данной вставки.²⁷

Все вышесказанное свидетельствует в пользу того, что (1) текст Новгородской I летописи младшего извода и (2) тексты летописей, отражающих «Повесть временных лет», независимым образом восходят к общему источнику, текст которого более точно отразился в младшем изводе Новгородской I летописи. В летописях же,

ходят также, в частности, известия 6522 года об отказе Ярослава платить дань отцу [Шахматов 1908: 176–177 (§ 122), 497–499 (§ 272)]. Большинство новгородских известий реконструируемого свода 1050 года А. А. Шахматов, в свою очередь, возводил к новгородской летописи 1010-х годов [Шахматов 1908: 177–178 (§ 123), 499–500 (§ 273)].

²⁷ В статье [Михеев 2008а] я отмечал, что во фразе «Ркоша новгородци...» в Новгородской I летописи имеется новая форма аориста «рекоша» (вместо древней «рѣша»). Как показал А. А. Гиппиус, формы типа «рекоша» встречаются исключительно в тех фрагментах Начальной летописи, которые не относятся к ее первоначальному ядру [Гиппиус 2001: 152–162]. На этом основании я предполагал, что Новгородской I летописи описание избиения варягов было пересказано другими словами, не повторяя дословно первоначальную версию этого рассказа. Между тем, как справедливо указал мне П. В. Лукин, форма «ркоша» здесь может объясняться поздней правкой Новгородской I летописи.

восходящих к «Повести временных лет», мы встречаем искажения: чтение «нарокомъ», вставку о мести за Бориса и Глеба.

Перейдем к сопоставлению рассказов о битве под Любечем. Согласно летописям, в 6524 (1016) году под Любечем²⁸ произошло первое столкновение между Ярославом и Святополком. В «Повести временных лет» и в Новгородской I летописи младшего извода это событие описано по-разному, однако и там и там рассказ о битве следует непосредственно за историей избиения варягов в Новгороде и мести Ярослава новгородцам.

Таблица 3

	Новгородская I летопись младшего извода (6524 год)	«Повесть временных лет» (6523–6524 годы)
1	«Святополкъ же то слышавъ, и собра бещисла множество вои, изиде противу его къ Любцю,	«слышавше се С(вя)тополкъ · идуща Ярослава · пристрои бе-щисла вои · [Роус(и) · и Печеньгъ · и изыд(е) противу емоу · к Любичю ·
2	и съде ту на полѣ со множествомъ вои. Ярославъ же пришед, ста на березѣ на Днѣпрѣ;	об] ²⁹ онъ полъ Днѣпра · а Ярославъ объ сю ·:
3		Начало княженья Ярославля Киевѣ ·: В лѣт(о) · 6524 ·:
4		Приде Ярославъ и сташа противу · о полъ Днѣпра ·

²⁸ Любеч – древнерусский город на левом берегу Днепра западнее Чернигова, известный с X века. Любеч являлся северным форпостом южнорусских земель, так называемой «Русской земли» в узком смысле. Возможно, именно Любеч подразумевается под топонимом «Τελοῦτζαν» в трактате «De administrando imperio» Константина Багрянородного (см. [Мельникова, Петрухин, Зализняк и др. 1991: 313 (прим. 12)]). О Любече см. [Рыбаков 1960].

²⁹ Так в Радз. и Ипат.

5	стояша ту 3 мѣсяци, не смѣюще ся соступити,	и не смяху ни си онѣхъ · ни они сихъ начати и стояша м(ѣся)цѣ · 3 · Противу собѣ ·
6	Воевода Святополчъ, <u>именемъ Волчи</u> <u>Хвостъ</u> , ѣздя подлѣ рѣку, укаряти нача новгородци: “почто придосте с хромчемъ тѣмъ, ³⁰ а вы плотници суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубить”.	и воевода нача С(вя)тополчъ ѣздя възлѣ берегъ · оукаряти Новгородцѣ гл(агол)я · что придосте с хромцемъ симъ · о вы плотници суще · а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ ·
7		се слышавше Новгородци рѣша Ярославу · яко заутра перевежемься на не · аще кто не поидеть с нами · сами потнемъ ·
8	И нача Днѣпръ мрѣзнати.	бѣ бо оуже в заморозъ ·
9		С(вя)тополкъ стояше межи двѣма озеромъ ·
10		и всю ночь пиль бѣ с дружиною своею ·
11	И бяше Ярославъу мужъ воприязнь у Святополка; и посла к нему Ярославъ отрокъ свои <u>нощю</u> . <u>Рекъ</u> к нему: “оньсии, что ты тому велишь творити; <u>меду мало варено, а дружины много</u> ”. И тѣ рече мужъ: “рчи тако Ярославу: да аще меду мало, а дружинѣ много, да к вечеру дати”. И разумѣ Ярославъ, яко <u>в ноцѣ</u> велит сѣщися;	
12	А абие <u>того вечера</u> перевозися Ярославъ на ону страну Днѣпра и лодьи отринуша от берега; и <u>тои ноци</u> поидоша на сѣчу.	Ярослав же <u>заутра</u> исполчивъ дружину свою · <u>противу свѣту</u> перевезеся · и высѣдъ на брегъ · отринуша лодѣ <u>от</u> берега · и поидоша противу собѣ · и сступишася на мѣстѣ ·
13	И рече Ярославъ дружинѣ: “знаменайтеся, повивайте собѣ главы своя убрусомъ”.	

³⁰ С этого места начинается дошедший до нас текст Синодального списка.

14	И бысть съча зла,	быс(ть) съча зла ·
15		и не бѣ лзѣ озеромъ Печенѣгомъ помагати · и притиснуша С(вя)тополка с дружиною къзеру · и въступиша на ледь · и обломися с ними ледь ·
16	оже за руки емлющеса съчаху и по удолиемъ кровь течаше; мнозѣ вѣрнии видяху аггелы божиа помагающа Ярославу, ³¹	
17	И до свѣта побѣдиша Святополка. И бѣжа Святополкъ в Печенѣгы.	и одалати нача Ярославъ · [видѣв же С(вя)тополкъ и побеже · и одолѣ Ярослав] ³² · С(вя)тополкъ же бѣжа в Ляхы».
	НовГІмл 6524, л. 79–79 об. (с. 175) ³³	Лавр. 6523–6524, л. 48 об. (стб. 141–142) ³⁴

Выяснение взаимоотношения этих текстов также имеет долгую традицию.³⁵ Наиболее надежны выводы, сделанные в результате анализа двух особенностей приведенных рассказов о Любечской битве.

³¹ Данный фрагмент отсутствует в старшем изводе Новгородской I летописи.

³² Так в Радз. и Ипат.

³³ Ср. НовГІст [6524], л. 1.

³⁴ Ср. Ипат. 6523–6524, л. 53–53 об. (стб. 128–129), Радз. 6523–6524, л. 80–80 об.

³⁵ А. А. Шахматов считал, что до слов «и бяше Ярославу мужъ воприязнь» версия Новгородской I летописи восходит к недопереписанному тексту киевской версии Начальной летописи, но включает в себя вставку о предателе в лагере Святополка из Новгородского свода середины XI века. Дальнейший же текст Новгородской I летописи, по мнению исследователя, восходит к описанию Любечской битвы из древней новгородской летописи [Шахматов 1908: 504–505 (§ 275); 618–619]. По мнению Л. Мюллера [2006], версия «Повести временных лет» отражает Печерскую летопись, а версия Новгородской I летописи является вторичным искажением.

Особенность № 1. Следует отметить текстуальную близость процитированных фрагментов, которая носит примерно тот же характер, что и для рассмотренных выше описаний избиения варягов в Новгороде и мести Ярослава новгородцам. При этом немаловажно, что текст Новгородской I летописи за 6524 год и соответствующие фрагменты «Повести временных лет» значительно реже совпадают между собой *дословно*, нежели тексты тех же летописей на первом участке Новгородской I летописи (по 6523 год).

Особенность № 2. В «Повести временных лет» рассказ о битве прерывается заголовком «Начало княженья Ярославля Киевѣ» и указанием года: «В лѣт(о) 6524» (фрагменты 3–4). Данные фрагменты являются очевидной вставкой, что подтверждается тем, что после них повторяется сообщение о приходе Ярослава к Днепру. Таким образом, текст Новгородской I летописи младшего извода, вероятно, опосредованно отражает историографическую традицию, предшествовавшую летописи, поделенной на годы.³⁶

Н. Г. Бережков, подробно разбирающий данную вставку, делает вывод, что рассказ о Любечской битве изначально принадлежал статье 6523 года [Бережков 1963: 225]. Между тем этот вывод следует признать ошибочным, так как заголовок статьи 6524 года, очевидно, был вставлен в летопись тогда же, когда и остальная хронологическая сетка, в том числе и заголовок статьи 6523 года.

Вопрос о появлении хронологической сетки подробно изучен в историографии. Установлено, что текст древнейшего памятника русской историографии не был поделен на годы. Появление *летописи*, то есть повествования, в котором изложение ведется по годовым статьям, было важной вехой в истории древнерусской книжности. Большинство дат, вставленных в более ранний, не поделенный на годы текст, были разными способами вычислены самим летописцем, который, в частности, привлек для этого греческие по происхождению хронографические источники. Как показал

³⁶ Ср. [Шахматов 1908: 576, 618; Алешковский 1971: 66].

А. А. Гиппиус³⁷, одновременно с хронологической сеткой в летописи появились и тематические подзаголовки: «Начало земли Русской», «Начало княжения Святослава», «Начало княжения Володимеря» и т. п. Группа *заголовков + дата* часто разрывает цельные фразы древней летописи.³⁸

Вернемся к сопоставлению рассказов о Любечской битве и разберем еще несколько отличий Новгородской I летописи от «Повести временных лет». Отметим сразу, что ни для одного из них не удастся найти однозначного объяснения с точки зрения истории текстов.

Особенность № 3. В «Повести временных лет» говорится, что Святополк собрал для борьбы с Ярославом «роус(и) и печенѣгъ» (фрагмент 1 в таблице 3). В соответствующем тексте Новгородской I летописи русь и печенеги не упоминаются. Возможно, данные слова в «Повести временных лет» являются вставкой, сделанной для согласования с фрагментом 15, где говорится о том, что печенеги не смогли помочь Святополку в битве.

Особенность № 4 (фрагмент 6). В версии «Повести временных лет» опущено имя воеводы Святополка – Волчьего Хвоста. А. А. Шахматов высказывал догадку о том, что составитель «Повести временных лет» изъял упоминание Волчьего Хвоста «едва ли не для согласования со статьей 6492, где Волчий Хвост назван воеводой Владимира» [Шахматов 1908: 500 (§ 274)]. Если эта редакция действительно имела место, то, возможно, объясняется тем, что летописец не хотел создавать у своего читателя представление о преемственности власти Святополка по отношению к Владимиру.

³⁷ [Гиппиус 2006а: 79–81, особ. 79, прим. 21].

³⁸ О введении в летопись хронологической сетки см. [Соловьев 1988 (1853): 102; Ламбин 1874: 240, 243–244; Шахматов 1908: 97–99 (§ 68); Алешковский 1971: 53–71; 1976: 147–155]. Об искусственности многих дат Начальной летописи см. также [Вилкул 2003а, Цукерман 2007].

Особенность № 5 (фрагмент 7). В «Повести временных лет» сообщается о реакции новгородцев на провокацию воеводы Святополка: «се слышавше новгородци рѣша Ярославу · яко заоутра перевеземься на не · аще кто не поидеть с нами · сами потнемъ». Этот фрагмент, как отметил Л. Мюллер [2006: 268], находит себе параллель в описании победы Болеслава над Ярославом на Буге в 1018 году, где воевода Ярослава оскорбляет Болеслава:

«и сташа обаполь рѣкы · Буга · и бѣ оу Ярослава кормилецъ · и воевода · именемъ Буды · нача оукаряти Болеслава гл(агол)я · да то ти прободемъ трѣскою черево · твое тольстое · бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ · яко и на кони не могы сѣдѣти · но бяше смыслень · и реч(е) Болеславъ къ дружинѣ свои · аще вы сего оукора не жаль · азъ единъ погыну · всѣдъ на конь вбрѣде в рѣку и по немъ вои его · Ярослав же не оутягну исполчитися · и побѣди Болеславъ Ярослава» (Лавр. 6526, л. 48 об.–49 (стб. 143)).³⁹

Между тем не совсем ясно, читались ли слова новгородцев, аналогичные приведенной реплике Болеслава, в изначальном тексте о битве под Любечем. Эти слова могли быть опущены редактором летописи для согласования с легендой о предателе в лагере Святополка, как считает Л. Мюллер [2006: 269], а могли, наоборот, быть досочинены для логичного завершения эпизода с провокацией.⁴⁰

Особенность № 6 (фрагменты 9 и 15). В Новгородской I летописи отсутствует подробный рассказ о битве на берегу озера и сообщение о том, что под воинами Святополка проломился лед. А. А. Шахматов возводил этот рассказ к независимому от версии Новгородской I летописи киевскому описанию Любечской битвы

³⁹ Ср. Ипат. 6526, л. 52 об.–54 (стб. 130); Радз. 6526, л. 81.

⁴⁰ Л. Мюллер считает, что провокация в Новгородской I летописи не приводит ни к чему [Мюллер Л. 2006: 269]. Между тем и текст летописей, отражающих «Повесть временных лет», и текст Новгородской I летописи можно понять так, что нападение Ярослава и новгородцев на Святополка стало пусть и не мгновенной, но реакцией на слова Волчьего Хвоста.

[Шахматов 1908: 504–505 (§ 275), 576]. Возможны три версии объяснения выявленных различий: (1) повествование о битве на берегу озера было заменено на краткую фразу «бысть сеча зла»; (2) фрагменты 9 и 15 в «Повести временных лет» были сочинены редактором летописи из-за желания рассказчика развить сообщение своего предшественника о том, что Днепр начал замерзать (фрагмент 8);⁴¹ (3) повествование о битве на берегу озера отсутствовало в первоначальном рассказе о Любечской битве и происходит из какого-то дополнительного источника, возможно, восходящего к киевской дружинной традиции. Первый из трех предложенных вариантов кажется мне наименее вероятным.

Особенность № 7 (фрагменты 10–13). В версии «Повести временных лет» сообщается, что битва произошла утром, а не ночью (как в Новгородской I летописи); нет рассказа о предателе в лагере Святополка, но кратко указывается, что Святополк всю ночь пил со своей дружиной. Интересно, что в обеих версиях говорится о дружине, об употреблении горячительных напитков и о ночи (хотя контексты сильно различаются). Возможно, легенда о предателе и о ночной битве, дошедшая до нас в Новгородской I летописи, была построена книжником, творчески обработавшим сообщение своего источника,

⁴¹ Л. Мюллер (вслед за А. А. Шахматовым [1908: 576]) предположил, что первоначальное описание битвы под Любечем было почти идентично дошедшему до нас рассказу «Повести временных лет». В пользу такой гипотезы говорит нелогичное, по мнению Л. Мюллера, сообщение Новгородской I летописи младшего извода о том, что Днепр уже начал замерзать [Мюллер Л. 2006: 270]. Между тем, на мой взгляд, упоминание о времени года в рассказе о битве вполне закономерно. Таким образом рассказчик сообщает о том, что, во-первых, уже стало холодно (а эта информация вполне естественна в рассказе о людях, уже несколько месяцев живущих в разбитых на берегах реки лагерях), и, во-вторых, преодолеть покрывающийся льдом Днепр стало сложнее (то есть последовавшее нападение стало для войска Святополка большей неожиданностью, нежели могло быть раньше). Таким образом, нельзя исключать и ту версию, что первоначальный текст сообщения о Любечской битве уже содержал слова о мерзнувшем Днепре, но не включал в себя повествование о битве на берегу озера.

где говорилось, что Святополк всю ночь пил со своей дружиной. Вторичность версии Новгородской I летописи подтверждается тем, что в ней употребляется форма «рекъ», несвойственная древнейшему пласту начального летописания. Между тем эта вторичность не означает того, что в «Повести временных лет» сохранилась исходная версия текста описания Любечской битвы.

Итак, однозначно судить об истории текстов о сражении под Любечем позволяют лишь первые две из семи рассмотренных выше особенностей рассказов об этой битве в Новгородской I летописи и в летописях, отражающих «Повесть временных лет». Между тем они дают основания заключить, что обе редакции летописного рассказа, очевидно, независимо восходят к общему источнику. Это был более ранний текст, чем Печерская летопись, не поделенный на годовые статьи⁴². Ранний рассказ этой древней летописи о Любечской битве, вероятно, достаточно точно отразился в «Повести временных лет», однако некоторые его фрагменты, судя по всему, были несколько искажены, о чем свидетельствует сопоставление с текстом Новгородской I летописи.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема происхождения двух явных вставок в завершающей части рассказа о битве под Любечем в младшем изводе Новгородской I летописи. В параллельном тексте Синодального списка фрагменты, выделенные ниже курсивом и ограниченные фигурными скобками, отсутствуют:

*«И бысть сѣча зла, {оже за руки емлющесе сѣчаху и по удоли-
емь кровь течаше; мнозѣ вѣрнии видяху аггелы божиа пома-
гающа Ярославу;}* и до свѣта побѣдиша Святополка. И бѣжа
Святополкъ в Печенѣгы, {и бысть межи Чахы и Ляхы, никим
же гонимъ пропаде оканньи, и тако злѣ живот свои сконча;
яже дымъ и до сего дни есть;} а Ярославъ иде къ Киеву, сѣде

⁴² Если исходить из схемы А. А. Шахматова (см. схему I во введении данной главы), то этим общим источником должен был быть Древнейший свод (называемый мной *Древнейшим сказанием*), отразившийся в Новгородской I летописи через посредство Древнего Новгородского свода.

на столѣ отца своего Володимира» (НовГІмл 6524, л. 79 об. (с. 175))⁴³.

Как отметил А. А. Гиппиус, содержащееся в одной из отмеченных вставок известие о гибели Святополка, «будучи перенесено в статью 6524 г., выглядит в младшем изводе НПЛ явным анахронизмом» [Гиппиус 1997: 60]. Действительно, как известно из «Хроники» Титмара Мерзебургского, Святополк прожил самое меньшее до 1018 года. В «Повести временных лет» о смерти Святополка рассказывается в статье 6527 (1019) года.

А. А. Гиппиус высказал догадку, что дополнительный текст младшего извода восходит к «Повести временных лет» [Гиппиус 1997: 60]. Между тем, по мнению Т. Л. Вилкул, фрагмент «оже за руки емлющеса сѣчаху и по удолиемъ кровь течаше; мнозѣ вѣрнии видяху аггелы божиа помагающа Ярославу» заимствован в Новгородскую I летопись из описания битвы на Альте в Паримийнике [Вилкул 2003б: 15]. Действительно, соответствующий фрагмент Паримийных чтений о Борисе и Глебе оказывается ближе к тексту младшего извода Новгородской I летописи:

«И за руки ся емлюще, сѣцаху, и по удолиемъ кровь тѣчаше, и съступишася тришьды, и омеркоша биющеса. И бысть громъ великъ и тутнь, и дождъ, великъ, и мълнія блистание. Егда же облистаху мълнія, и блистахуся оружия в рукахъ ихъ, и мнози вѣрнии видяху аггелы помагающа Ярославу» (Парим. чт., л. 260 (с. 120)).

⁴³ Ср. НовГІст [6524], л. 1 об.

В «Повести временных лет» же читаем текст, не совпадающий с текстом младшего извода Новгородской I летописи:

«и за роуки емлюче⁴⁴ сѣцяхуся · и сступашася трижды · яко по
удольемь крови тещи⁴⁵» (Лавр. 6527, л. 49 (стб. 144))⁴⁶.

По мнению А. А. Гиппиуса, пропуск фразы про ангелов в списках «Повести временных лет» случаен. Исследователь склонен возводить этот фрагмент к одной из более ранних версий летописного текста, так как он обнаруживается в описании Альтской битвы в летописях Новгородско-Софийской группы⁴⁷ [Гиппиус 1997: 60]. Между тем очевидно, что в этой группе летописей фраза об ангелах заимствована из одного из основных источников Новгородско-Софийской группы летописей – новгородского владычного свода, бывшего одновременно главным источником младшего извода Новгородской I летописи.

Краткая вставка о гибели Святополка «межи чахы и ляхы», к сожалению, не позволяет судить о том, каким конкретно источником пользовался ее автор. Этим источником могло быть анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» (Сказ. л. 15 г–16 а (с. 47)), использованное новгородским летописцем и в описании убийства Глеба, о котором шла речь выше.

Таким образом, нет никаких оснований считать «Повесть временных лет» источником рассматриваемых вставок в Новгородской I летописи младшего извода.

⁴⁴ В Радз. – «емлючися».

⁴⁵ В Радз. – «текущи», в Моск.-Акад. – «течаху». В Ипатьевском списке Ипат. – «кровь течаше».

⁴⁶ Ср. Ипат. 6527, л. 54 об. (стб. 132); Радз. 6527, л. 82.

⁴⁷ См. СофI 6527, л. 111 об. (стб. 131); НовгIV 6527, л. 60 (с. 109); НовгКарамз. 6527, л. 247 об. (с. 62).

«Воздати комуждо противу трудом»**Использование в Новгороде дефектного списка Начальной летописи**

Как было показано выше, граница первого и второго участков Новгородской I летописи пролегает на словах «лице твое ангельское» в статье 6523 года. Чем же объясняется этот резкий переход новгородского летописца от копирования Начальной летописи, сходной с «Повестью временных лет», к ее сокращению и к использованию дополнительных источников – текста более ранней летописи и «Сказания о Борисе и Глебе»?

А. А. Шахматов видел причину отсутствия полного текста Начальной летописи на втором и четвертом участках Новгородской I летописи младшего извода в использовании в Новгороде дефектной рукописи с текстом Печерской летописи [Шахматов 1908: 10 (§ 1⁵)].

А. А. Гиппиус также объясняет переход к использованию «Сказания» вместо Начальной летописи дефектностью источника Новгородской I летописи младшего извода⁴⁸. Исследователь обратил внимание на столь же неожиданный, как и в случае с рубежом «лице твое ангельское», обрыв текста в более ранней части статьи 6523 года – в посмертной похвале Владимиру. Объем похвалы в «Повести временных лет» значительно превышает ее объем в Новгородской I летописи. При этом, как отметил А. А. Гиппиус, последняя фраза похвалы в Новгородской I летописи младшего извода является бессмысленной. Сопоставим эту фразу с ее соответствием в «Повести временных лет».

⁴⁸ Письмо А. А. Гиппиуса автору этих строк от 15 июня 2007 года.

Таблица 4

«Повесть временных лет»	Новгородская I летопись младшего извода
<p>«мнози бо праведнии творяще · и по правдѣ живуше · и къ см(е)рти совращаются праваго пути и погыбають · а друзии развращено пребывають · и къ см(е)рти въспомянутыся · и покаянемь добрымь оч(и)стить грѣхы» (Ипат. 6523, л. 49 (стб. 116))⁴⁹ <...>⁵⁰</p> <p>«съ бо в память держать Рустии людье · поминающе с(вя)тое кр(е)щ(е)ние и прославляюще Б(ог)а въ м(о)л(и)твах и въ пѣснехъ и въ псалмихъ поюще Г(о)с(по)деви · новии людье просвѣщени Д(у)х(о)мъ С(в)я(т)ымъ · чающе надежа великаго Б(ог)а Сп(а)са нашего · Ис(у)са Х(ри)с(т)а въздати комуждо противу трудомъ · неизреченьную радость · юже буди оулучити всимъ кр(е)стьяномъ» (Ипат. 6523, л. 49 об. (стб. 117–118))⁵¹.</p>	<p>«Мнози бо праведнии творяще, по правдѣ живуше, погыбають, въздати комуждо противу трудомъ [ихъ]⁵³ и неизреченною радостью [юже] буди же⁵⁴ оулучити всѣмъ крестيانомъ» (НовгІмл 6523, л. 75 (с. 169)).</p>

А. А. Гиппиус указал на то, что процитированная фраза Новгородской I летописи младшего извода склеена из двух фрагментов текста «Повести временных лет», подчеркнутых мною выше разными способами. По мнению исследователя, пропуск текста от слов «друзии развращено пребывають» по слова «Б(ог)а Сп(а)са нашего · Ис(у)са Х(ри)с(т)а» в Новгородской I летописи младшего извода

⁴⁹ В Лавр. и Радз. этот фрагмент отсутствует.

⁵⁰ Опускаем бóльшую часть похвалы – вплоть до ее заключительных фраз.

⁵¹ Ср. Лавр. 6523, л. 45 (стб. 131); Радз. 6523, л. 74.

⁵² В Академическом (Акад.) и Толстовском (Толст.) списках НовгІмл – «но».

⁵³ Слов, помещенных в квадратные скобки, нет в Комисс. Они вставлены из Акад. и Толст. списков.

⁵⁴ Это слово есть только в Комисс.

объясняется утратой листа или листов в переписывавшейся книжником рукописи с текстом Начальной летописи.

По остроумному наблюдению А. А. Гиппиуса, объем пропущенного фрагмента похвалы Владимиру почти ровно втрое меньше объема последующего текста статьи 6523 года вплоть до слов «лице твое ангельское». Данное замечание представляется чрезвычайно важным, так как позволяет вычислить объем текста, который располагался на листе рукописи, ставшей источником младшего извода Новгородской I летописи.

Листы рукописей обычно сшивались по восемь штук вместе, поэтому пропуск такого объема текста может объясняться утратой двух листов восьмилистовой тетради.

Если количество букв сохранившегося текста «Повести временных лет» от слов «въздати комуждо» вплоть до обрыва в рассказе об убийстве Глеба (4356 букв)⁵⁵ разделить на шесть, то мы получим значение 726, что будем предварительно считать средним количеством букв на условном листе рукописи, использованной новгородским книжником.⁵⁶

Полный объем текста Начальной летописи на первом участке Новгородской I летописи младшего извода (до слов «лице твое ангельское» в статье 6523 года, включая вычисленный по «Повести

⁵⁵ Для вычислений были использованы издания с раскрытыми титлами.

⁵⁶ Похвала Владимиру содержит много слов, которые в славянской традиции записывались под титлами (средняя частота таких слов здесь значительно выше, чем в «Повести временных лет» в целом), поэтому не следует удивляться тому, что вычисленный нашим методом объем пропуска (1530 букв) несколько превышает найденный усредненный объем двух листов.

временных лет» объем пропущенного фрагмента в похвале Владимиру) составляет около 81,5 тысячи букв⁵⁷.

Если общее количество букв в тексте Новгородской первой летописи младшего извода по слова «лице твое ангельское» (81,5 тысячи букв) разделить на условный объем листа (726 букв на лист), то мы получим результат 112,2 листа. Это с большой вероятностью свидетельствует в пользу того, что в распоряжении новгородского книжника или того, кто переписывал летопись для отправки в Новгород, имелись *первые 112 листов, то есть 14 восьмилстовых тетрадей рукописи с текстом Начальной летописи, а следующая – 15-я – тетрадь отсутствовала*. В конце 14-й тетради начинался рассказ об убиении Глеба. В этой части рукописи также не хватало седьмого и восьмого листов с конца (первого и второго листов 14-й тетради), где содержалась часть текста похвалы Владимиру.

Полноценное воспроизведение текста Начальной летописи уже не в виде кратких выписок в Новгородской I летописи младшего извода возобновляется со статей 6550-х годов.⁵⁸ Третий участок обрывается на словах «объщавься манастыремъ пещися» в статье 6582 года.

⁵⁷ Отметим, что данный расчет пока носит предварительный характер. Из него исключены (1) носящая вставной характер (ее заголовок повторяется после текста статьи) статья 6497 года (ср. [Шахматов 1908: 8, прим. 1 (§1⁴)]); (2) слова «честныя съ драгымъ каменемъ» в статье 6499 года (они есть только в Комисс. и приписаны там внизу листа № 72 для его заполнения).

⁵⁸ А. А. Шахматов считал, что третий участок Новгородской I летописи младшего извода начинается лишь со статей 6560–6561 годов [Шахматов 1908: 8 (§ 1⁴); 2003 (1947): 436–439]. Между тем А. А. Гиппиус обратил внимание на то, что уже начиная со статьи 6553 года (сообщающей, как и летописи, отражающие «Повесть временных лет», о закладке Софийского собора в Новгороде) в младшем изводе последовательно воспроизводится текст Начальной летописи за исключением только рассказа об устройении Печерского монастыря в статье 6559 года «Повести временных лет» [Гиппиус 1997: 35–37].

Суммарный объем текста на втором и третьем участках, если восстановить его по «Повести временных лет» (исключив сказание о Печерском монастыре под 6559 годом⁵⁹), составляет около 45 тысяч букв. Если разделить 45000 на 726, то мы получим 62. Это означает, что участок 6523–6582 годов в рукописи, легшей в основу младшего извода Новгородской I летописи, укладывался ровно в восемь тетрадей, в последней из которых, судя по всему, были утрачены два последних листа.

Объем текста этой реконструируемой рукописи от слов «умерль быхъ с тобою» в рассказе об убийстве Глеба (статья 6523 года) по статью 6551 года составлял около 18,5 тысяч букв (около 25,5 листов), а за 6552–6582 (до обрыва в словах «объщавъся манастыремъ пешися») – около 27 тысяч букв (около 37 листов). Вероятно, в рукописи были утрачены три – 15-я, 16-я и 17-я – восьмилстовые тетради (то есть 24 листа), а следующую тетрадь новгородский книжник стал использовать начиная с читавшегося в ней под 6553 годом сообщения о закладке собора святой Софии – главного храма Новгорода⁶⁰. 18-я тетрадь реконструируемого источника Новгородской I летописи, судя по всему, начиналась примерно с середины текста статьи 6551 года, а статья 6553 года читалась на втором листе 18-й тетради.

Приведем наши подсчеты количества букв текстов «Повести временных лет» (ПВЛ) и младшего извода Новгородской I летописи (НовГмл).

⁵⁹ При публикации предварительных результатов данного исследования в статье [Михеев 2008а] был подсчитан и объем повести о Печерском монастыре. Выводы той статьи подлежат пересмотру, так как эта повесть, судя по всему, была вставлена в летопись лишь на этапе составления «Повести временных лет».

⁶⁰ Ср. [Гиппиус 1997: 55].

Таблица 5

	Участки текста	Количество букв	
		ПВЛ	НовГІмл
	С начала летописи по начало статьи 6454 года	≈50000	<u>12212</u>
	{6454 про месть Ольги древлянам}	1749	-
	6454–6479	<u>10619</u>	<u>12322</u>
	{6479 про договор с греками}	1819	-
	6479–6496	<u>47335</u>	<u>47643</u>
	{6497 сообщение о крещении Новгорода; списки князей, церковных иерархов и посадников}	-	6073
1	С 6497 (пустая статья) по начало статьи 6501 года	<u>431</u>	<u>434</u>
	{6501 сказание о переяславском отроке}	1723	-
	С 6502 до 6505 (заголовок статьи)	<u>3130</u>	<u>3078</u>
	{6505 сказание о белгородском киселе}	1991	-
	С 6506 до 6523 (до слова «погыбають»)	<u>1866</u>	<u>1761</u>
	от слова «друзии» до слов «нашего Иисуса Христа» в тексте похвалы		
	6523 Владимиру	<u>1530</u>	-
	«воздати комуждо» – «лице твое ангельское»	<u>4352</u>	<u>4456</u>
2	С 6523 (со слов «умерль быхъ с тобою») по 6544	<u>14662</u>	8109
	6545–6550	<u>2557</u>	103
----	6551	<u>909</u>	9
	С 6552 до 6559 (до слов «и се да скажемъ что ради»)	<u>700</u>	681
	{6559 о Печерском монастыре}	5132	-
	С 6560 до 6563 про половцев	<u>1695</u>	<u>1721</u>
	{6563 про епископа Луку}	-	125
3	С 6564 до 6566 про голядь	<u>136</u>	<u>136</u>
	{6566 про епископа Луку}	-	116
	С 6567 до 6568 про торков	<u>440</u>	<u>423</u>
	{6568 про сосолов}	-	257
	6569–6582 (до «объщавъся манастыремъ пешися»)	<u>23957</u>	<u>23776</u>

Если суммировать количество букв на выделенных участках (см. подчеркнутые числа), то таблица примет следующий вид.⁶¹

Таблица 6

Участки текста		Количество			
		букв	условных листов (по 727 букв)	листов	тетрадей
1	начало – 6523	81475	112,07	112	14
2–3	6523–6582	45056	61,98	62	8
Всего		126531	174,05	174	22

Таблица 6 отражает состав начальной части реконструированной мной рукописи – предполагаемого источника Новгородской первой летописи.

Выводы

Итак, отличия Новгородской первой летописи младшего извода от летописей, отражающих «Повесть временных лет», объясняются тем, что в распоряжении новгородского книжника не было полного текста с рассказом о междоусобице Владимиричей из Начальной летописи конца XI – начала XII века. «Повесть временных лет» составителям Новгородской первой летописи, вероятно, не была знакома. Начиная с рассказа об убийстве Глеба в статье 6523 года и вплоть до статей 6540-х годов новгородский книжник, результатом работы которого является младший извод Новгородской первой летописи, восполнял недостачу текста различными способами. Рассказ о гибели Глеба был заимствован из житийного «Сказания о Борисе и Глебе», а для описания избиения варягов в Новгороде и Любечской битвы Ярослава против Святополка был использован некий источник, восходящий к историографической традиции, предшествующей

⁶¹ Усредненный объем листа в таблице 6 (727 букв) скорректирован по отношению к предварительному значению (726 букв), предложенному выше.

Печерской летописи. Кроме того, на участках с 6524 по 6545 и с 6583 года новгородским книжником были использованы готовые краткие выписки из Начальной летописи начала XII века.

1.2. Отражение междоусобицы в житиях Бориса и Глеба

Кроме Начальной летописи о событиях 1015–1019 годов подробно повествуют два древнерусских агиографических памятника: «Чтение о житии и о погублении блаженную страсотерпца Бориса и Глѣба» («Чтение»), написанное киево-печерским монахом Нестором⁶², и анонимное «Съказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глѣба» («Сказание»)⁶³. Рассказы об убийствах Бориса и Глеба в «Чтении» и «Сказании» более пространны, чем в летописи, а борьба между Святополком и Ярославом освещается в житиях менее подробно⁶⁴. После рассказа о междоусобице Владимиричей в

⁶² Перу Нестора принадлежит также «Житие Феодосия Печерского», которое начинается со слов: «Благодарю тя, владыко мой, Господи Исусе Христе, яко съподобиль мя еси недостойнаго съповѣдателя быти святымъ твоимъ въгодникомъ, се бо испърва писавъшю ми о житие и о погублении и о чудесьхъ святою и блаженою страсотръпцю Бориса и Глѣба, понудихъ ся и на другое исповѣдание приити» (Житие Феодосия, с. 352). О творчестве Нестора см. [Бугославский 1914а; 1914б; Артамонов 2003].

⁶³ Кроме этих текстов существуют также краткие Проложные и Паримийные чтения о Борисе и Глебе, основанные на летописи и житиях. Вторичности Паримийных чтений посвящена готовящаяся к печати работа А. А. Гиппиуса «Паримийные чтения о Борисе и Глебе: История текста и исторический контекст». Ее результаты были изложены исследователем в докладе «Летописный контекст “Паримийных чтений о Борисе и Глебе”» на петербургской конференции « *Borisoglebica: Тексты, связи, артефакты*» 12 апреля 2008 года.

⁶⁴ Только некоторые поздние редакции «Сказания» копируют подробный летописный рассказ о борьбе Ярослава и Святополка [Бугославский 2007 (1940): 150–151, 152–153].

Несторовом «Чтении» содержится подробное описание чудес, происходивших над гробами святых братьев.

Об этих чудесах рассказывается также в «Сказании чудесь святую страсотерпцю Романа и Давида». Этот памятник в рукописной традиции сохранился вместе с анонимным «Сказанием»: «Сказание чудес» читается после «Сказания» в большинстве списков последнего. Из-за этого исследователи иногда включают «Сказание чудес» в состав «Сказания». Однако такое объединение не совсем корректно, так как (1) эти произведения являются законченными, (2) между ними в рукописях помещается краткий рассказ о внешности Бориса, (3) «Сказание» и «Сказание чудес» имеют свои отдельные заглавия, вполне четко отражающие их содержание⁶⁵. Кроме того, необходимо отметить, что в «Сказании чудес» в отличие от «Сказания и страсти и похвалы» Борис и Глеб в большинстве случаев называются *Романом* и *Давидом* (своими крестильными именами). В «Сказании» же лишь кратко сообщается о том, какие имена были им даны при крещении. Такое различие, безусловно, было бы невозможно в рамках одного произведения. Судя по всему, «Сказание» и «Сказание чудес» окончательно оформились в дошедшем до нас виде одновременно⁶⁶, однако при написании «Сказания чудес» был использован более ранний рассказ о чудесах Романа и Давида.⁶⁷

Некоторые фактические подробности рассказа о событиях 1015–1019 годов различаются в летописи, «Чтении» и «Сказании»: в частности, противоречат друг другу сообщения о детстве Бориса и Глеба, о том, где и как они княжили, и о том, как были убиты.

⁶⁵ Заголовок «Сказания» в рукописях передается различно, однако ни в одном из его видов не упоминается о чудесах святых братьев.

⁶⁶ Это должно было произойти не ранее 1115 года, когда состоялся очередной перенос мощей Бориса и Глеба, описанный в самом конце «Сказания чудес».

⁶⁷ Обоснование этой схемы см. в работе [Тимберлейк 2006].

Проблема истории возникновения и развития текстов борисоглебского цикла и их взаимных отношений является предметом дискуссии.

Наиболее подробно в историографии изучено соотношение «Сказания чудес» с той частью «Чтения», где описываются чудеса, происходившие после гибели Бориса и Глеба.⁶⁸ Установлено, что «Сказание чудес» распадается как минимум на две части: более раннюю основу – вплоть по описание шестого чуда⁶⁹ – и более позднее дополнение, завершающееся описанием переноса мощей Бориса и Глеба в 1115 году.⁷⁰ Установлено также, что основная часть «Сказания чудес» либо была использована Нестором при написании «Чтения», либо эти два текста имели общий источник. К сожалению, исследование данной проблемы мало что дает для ответа на вопрос о

⁶⁸ См. [Макарий 1995 (1857): 196–197 (112–113), 204 (125–126); Шахматов 1908: 40–41 (§ 25), 56–61 (§§ 42–45); Бугославский 1914а: 133–142, 161–174; Шахматов 2003 (1916): 573–575 (LXIX–LXXIII); Мюллер Л. 1952; Поппэ 1969а; 1969б].

⁶⁹ В этой части «Сказания чудес» последовательно описаны (1) выкапывание и перенесение в церковь мощей Бориса и Глеба, (2) три первых чуда, (3) перенесение мощей в 1072 году и (4) еще три чуда. А. А. Шахматов датирует пятое чудо либо 1081, либо 1087 годом.

⁷⁰ К позднему слою также следует относить вступление «Сказания чудес». Примерно равные по объему ранняя и поздняя части кардинально отличаются друг от друга сразу по трем формальным показателям: (1) в ранней части нет ссылок на Библию, поздняя же ими изобилует, (2) текст ранней части разделен на небольшие фрагменты подзаголовками («О изнесении святою», «Чюдо 1 о хромѣмъ» и т. д.), а в поздней части никаких подзаголовков нет, (3) в ранней части ни разу не употреблено слово «убо», девять раз зафиксированное в остальном тексте. Все характеристики поздней части «Сказания чудес» сближают его со «Сказанием о Борисе и Глебе», что свидетельствует в пользу гипотезы А. Тимберлейка об одновременности оформления «Сказания» и «Сказания чудес» в том виде, в котором они до нас дошли.

соотношении летописи, «Сказания» и той части «Чтения», где идет речь о междоусобице Владимиричей.

Много внимания всегда привлекала и проблема времени канонизации Бориса и Глеба. Она напрямую связана с проблемой появления первых агиографических произведений о святых братьях. Между тем участников данной дискуссии⁷¹ практически не интересовала проблема отражения в источниках междоусобицы Владимиричей.

Что касается собственно проблемы взаимоотношения летописи, «Чтения» и «Сказания» в описании событий 1015–1019 годов, то в истории ее изучения следует выделить в первую очередь исследования А. А. Шахматова, С. А. Бугославского и Л. Мюллера.

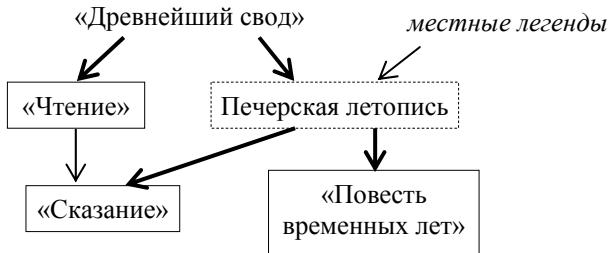
А. А. Шахматов предположил, что в Несторовом «Чтении» практически без изменений отразилась событийная сторона той версии рассказа о Борисе и Глебе, которая читалась в Древнейшем своде, что, по мнению А. А. Шахматова, дает нам возможность реконструировать содержание соответствующих страниц первоначальной летописи [Шахматов 1908: 64–66 (§§ 47, 49)]. Автор «Сказания», по мнению А. А. Шахматова, писал около 1115 года и пользовался (1) Печерской летописью, основанной на Древнейшем своде, но вобравшей в себя ряд местных легенд, и (2) Несторовым «Чтением» [Шахматов 1908: 36–40 (§§ 21–24)].

Гипотезу А. А. Шахматова схематично можно представить следующим образом.⁷²

⁷¹ См. [Поппэ 1995] с указанием литературы.

⁷² Ср. также схему 1, приведенную выше во введении к данной главе.

Схема 2

Концепция А. А. Шахматова была подвергнута критике со стороны разных исследователей.

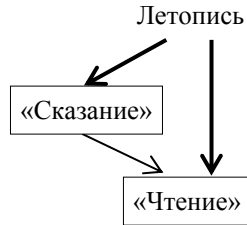
С. А. Бугославский, подробно изучивший соотношение «Чтения» и «Сказания чудес», считал, что «Чтение» было создано позже «Сказания» [Бугославский 2007 (1940): 227–303].⁷³ Его схема истории текстов такова.

⁷³ Н. Н. Ильин считал «Сказание» самым первым памятником борисоглебского цикла по времени возникновения. Согласно его схеме, летописный рассказ о Борисе и Глебе был создан уже на основании «Сказания», а «Чтение» – на основании «Сказания» и летописи [Ильин 1957].

Идеи С. А. Бугославского и Н. Н. Ильина были развиты польским исследователем А. Поппэ. По его мнению, первым письменным текстом о Борисе и Глебе было Сказание о страсти и чудесах Бориса и Глеба 1070-х годов – ранняя редакция «Сказания», дополненная затем описанием ряда чудес из Несторова «Чтения». Летописная повесть о Борисе и Глебе и Несторово «Чтение», по мнению А. Поппэ, были созданы на основании Сказания о страсти и чудесах [Поппэ 1969а; 1969б]. К сожалению, А. Поппэ в своих работах не изучает соотношение рассказов об убийстве Бориса и Глеба в житиях и летописях, рассматривая лишь рассказы о чудесах Бориса и Глеба и похвалу святым мученикам. Отказ польского исследователя от источниковедческого разбора описаний междуусобицы Владимиро-Владимиричей лишает его права судить о взаимоотношении интересующих нас текстов.

В свою очередь А. Тимберлейк [2006] возвращается к идее С. А. Бугославского о том, что «Чтение» было основано на «Сказании», и развивает ее.

Схема 3

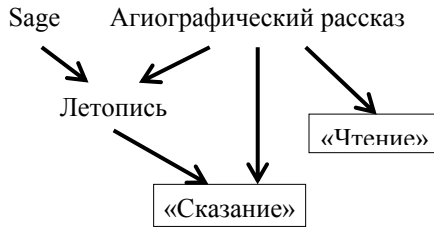

Более сложную гипотезу предложил Л. Мюллер, реконструкция которого оказывается ближе к построениям А. А. Шахматова. По мнению немецкого исследователя, все дошедшие до нас памятники борисо-глебского цикла основываются на двух недошедших до нас письменных источниках: (1) на светской Sage⁷⁴, содержащей придворные легенды о междоусобице Владимиричей,⁷⁵ и (2) на агиографическом рассказе о Борисе и Глебе. По мнению Л. Мюллера, эти два текста были в разной мере использованы создателями летописи, «Сказания» и «Чтения». Исследователь считал, что Sage была использована составителем летописи и через летопись повлияла на автора «Сказания». «Чтение» же, по мысли Л. Мюллера, не испытало на себе влияния Sage [Мюллер Л. 1952: 74–77; 1963].

⁷⁴ То есть 'преданий', 'сказаний' или 'легенде'.

⁷⁵ По мнению Л. Мюллера, эта Sage могла входить в состав цикла, включавшего в себя также описание усобицы между Ярополком, Олегом и Владимиром Святославичами [Мюллер Л. 1963: 299].

Схема 4

Выявленная выше пестрота взглядов на проблему взаимоотношения памятников борисо-глебского цикла убеждает нас в необходимости подробного рассмотрения различий в описании событий в летописи, «Сказании» и «Чтении».

В данном разделе проводится последовательное сравнение сведений об усобице 1015–1019 годов в трех рассматриваемых источниках.⁷⁶

«Сего мати преже бѣ чърницею»

Взаимные отношения Начальной летописи и «Сказания о Борисе и Глебе»

Обратимся к различиям анонимного «Сказания» и летописи.

В изложении фактической стороны событий «Сказание» почти везде согласно с «Повестью временных лет».

Между тем еще А. И. Соболевский указывал на отсутствие в «Сказании» некоторых конкретных сведений летописи: «Летопись говорит о вышегородских *болярцах* и о *насаде* Глеба; сказание не знает этих узких терминов и заменяет их более широкими и более свойственными литературному языку его времени: *мужи* и *кораблиць*. Замена узких понятий более широкими вполне естественна и легка (так мы можем свободно заменить узкое название *фрегат* широким названием *корабль*); что же касается до обратной замены, то

⁷⁶ Данный раздел является развитием работ [Михеев 2005б; 2007].

едва ли она была возможна: она была совсем не нужна для летописца, который, к тому же, любил шегольнуть книжным словом» [Соболевский 1890: 802]. Таким образом, описание событий в «Сказании» оказывается, вероятно, вторичным по отношению к летописи.

А. А. Шахматов принял точку зрения А. И. Соболевского и развил его аргументацию. «Отвергаю самым решительным образом возможность заимствования летописного сказания из подлежащего нашему исследованию житийного (то есть из “Сказания” – С. М.), – писал А. А. Шахматов. – Житийное сказание не содержит в себе ничего существенного, чего бы не было в летописном; оно отличается от летописного сказания одною риторикой⁷⁷; так, в нем вставлены длинные речи и причитания, сначала Бориса, потом Глеба; длинные размышления приписаны самому Святополку после того, что он убил Глеба. Летописное сказание полно определенных фактов; риторики в нем мало; в сущности, риторика прорвалась только в предсмертном причитании Глеба. Мы знаем ценность сообщаемых нашею летописью фактов; если летописец умел так или иначе представить длинный ряд событий X и XI века, то естественно ему же приписать занесение на письмо фактов, относящихся к убийству Бориса и Глеба; факты эти согласованы с другими, сообщенными им раньше и появляющимися у него позже» [Шахматов 1908: 33 (§ 18)].

А. А. Шахматов также отметил отсутствие «основания для допущения общего источника, которым руководились бы, с одной стороны, житийное, а с другой, летописное сказание». По мнению

⁷⁷ Единственной лишней фактической подробностью в жит. сказании оказывается место в сообщении о пронзении мечем Бориса на пути следования его убийц с места убиения в Вышегород: “и яко быша на бору, начать възскланяти святую главу свою”. (Прим. А. А. Шахматова. – С. М.)

То, что эта фактическая подробность уникальна в «Сказании», заставляет предположить либо знакомство автора «Сказания» с некоей местной легендой, где сообщалось о том, где именно произошло убиение Бориса, либо порчу текста в результате ошибочного прочтения слов «въ бързѣ» (ср. «И объртъвъше Бориса въ шатъръ, повезоша въ бързѣ» (Прол. сказ., л. 172 в (с. 96)) или выражения *«еще дышущю Борису». – С. М.

исследователя, «за исключением общих с летописью фактов, в житии останется одна риторика и лирика; следовательно, предполагать для жития отличный от летописи, не тождественный с летописью источник представляется совершенно излишним; риторика и лирика могла быть прямо сочинена составителем жития» [Шахматов 1908: 34 (§ 19)].

С. А. Бугославский, последовательно сопоставивший в своей диссертации весь сходный текст «Сказания» и летописи [Бугославский 2007 (1940): 227–242], пришел к следующим выводам: «[Д]етальное сравнение Ск[азания] с Л[етописью] свидетельствует, что автор Ск[азания] использовал весь материал летописного рассказа о смерти братьев. Очень немногое он опускает (см. отрывки 3, 5)⁷⁸, чаще же распространяет сказанное в летописи в риторически расширенных оборотах <...>, иногда из кратких сообщений Л[етописи] строит целые эпизоды с художественно создаваемыми деталями <...> Однако предоставленный самостоятельной работе, отдаляясь от летописного текста или пытаясь сочетать другие статьи Л[етописи], автор Ск[азания] теряется, впадает нередко в противоречия. Он не умеет согласовать созданные им фактические подробности с изложением своего источника, теряет нить хронологического повествования» [Бугославский 2007 (1940): 242–243].

«Автор летописной статьи, – отметил С. А. Бугославский, – не задавался целью написать житие; отсюда агиографические общие места у него случайны и немногочисленны. Автор Сказания старательно изложил весь текст летописной статьи, изредка отступая от ее фразеологии, опустив лишь несколько предложений. Поставив себе задачей написать житие Б[ориса] и Г[леба], автор Сказания не мог ограничиться историческим материалом летописной статьи 6523 г. и ее немногими агиографическими местами; он должен был обратиться к обще-агиографическому литературному материалу. В уста своих

⁷⁸ Здесь и в опущенных ниже фрагментах С. А. Бугославский отсылает к подробно разобранным им отрывкам летописи и «Сказания». – С. М.

героев автор Сказания влагает пространные молитвы и речи, где подчеркивается их непротивление злу и уважение к родовым понятиям, послушание старшим, любовь к ближнему, благочестие и религиозная настроенность. Описание смерти братьев, лаконическое и простое в летописи, автор Сказания расширяет в образные эпизоды, где проявилось его безусловное художественное дарование. Наибольшую независимость автор Сказания проявляет в лирических местах – в молитвах» [Бугославский 2007 (1940): 253].

Ряд доводов в пользу вторичности «Сказания» по отношению к летописи привел и Л. Мюллер [1956: 336–350]. Так, исследователь обратил внимание на более точное воспроизведение в летописном рассказе о смерти Святополка цитаты из древнерусского перевода «Хроники» Георгия Амартола⁷⁹ [Мюллер Л. 1956: 336–338]. В «Сказании» эта цитата дается в пересказе, однако – что чрезвычайно важно – в житии опущен тот же небольшой фрагмент цитаты, что и в «Повести временных лет», что доказывает вторичность «Сказания» по отношению к летописи.

Недавно к сравнению летописи и «Сказания» обратилась Н. И. Милютенко. Она отметила, что в отличие от летописи с ее «скупой образностью» в «Сказании» мы находим больше определений, причастных оборотов, антитез и повторов, значительно бóльшую роль в повествовании «Сказания» играют цитаты [Милютенко 2006: 160–166]. Разбирая употребление в текстах борисо-глебского цикла эпитетов «святой» и «блаженный» применительно к Борису и Глебу, Н. И. Милютенко продемонстрировала, что в летописи (в отличие от «Сказания») эти определения редки, и сделала предположение, что первоначально они в летописи отсутствовали и появились в нескольких фрагментах в результате поздних интерполяций [Милютенко 2006: 166–170].

⁷⁹ Отметим впрочем, что эта цитата могла быть заимствована летописцем не напрямую из Амартола, а из Хронографа по великому изложению [Творогов 1974: 107].

Та же особенность, что и для эпитетов «святой» и «блаженный» выявляется и в употреблении слова «окаянный» по отношению к Святополку.

Итак, доводы А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, С. А. Бугославского, Л. Мюллера и Н. И. Милютенко свидетельствуют о вторичности «Сказания» по отношению к летописи.

Противником точки зрения о зависимости «Сказания» от летописи был Н. Н. Ильин.

Он считал доказательством первичности «Сказания» более полное отражение в нем параллелей с житиями святого Вацлава, которому уподоблялись древнерусские князья-мученики [Ильин 1957: 65]. Между тем не подлежит сомнению, что влияние святовацлавской традиции испытали на себе все памятники борисо-глебского цикла. Уникальные параллели с памятниками святовацлавской традиции, отсутствующие в анонимном «Сказании», есть и в Несторовом «Чтении». В частности, как отметила Д. Ревелли, в «Чтении» и во всех святовацлавских житиях говорится о начитанности святых мучеников.⁸⁰

Н. Н. Ильин [1957: 194–197] считал вторичными по отношению к «Сказанию» летописные списки сыновей Владимира Святославича. Данные тексты требуют подробного рассмотрения.

В Начальной летописи есть два перечня сыновей Владимира. Под 6496 годом в большинстве летописей читается следующий текст:

⁸⁰ [Ревелли 1998а: 83; 2003: 75–77].

С мнением Н. Н. Ильина о первичности «Сказания» по отношению к летописи солидаризировался А. Поппэ [1969а; 1969б]. Между тем, как уже отмечалось выше, А. Поппэ в своих работах не ставит проблему соотношения рассказов об убийстве Бориса и Глеба в житиях и летописях, рассматривая лишь рассказы о чудесах Бориса и Глеба и похвалу святым мученикам. Исследователь не приводит никаких доводов в пользу первичности «Сказания» по отношению к летописи.

«Володимиръ же просвѣщенъ самъ и с(ы)н(о)ви его · и земля его · бѣ бо оу него с(ы)н(о)въ · 12 · Вышеславъ · Изяславъ · С(вя)тополкъ · и Яро[славъ]⁸¹ · Всеволодь С(вя)тославъ · Мьстиславъ · Борисъ и Глѣбъ · Станиславъ · Позвиздъ · Судиславъ · и посади Вышеслава в Новѣгородѣ · а Изяслава в Полотьсцѣ · а С(вя)тополкъ в Туровѣ · Ярослава в Ростовѣ · и оумершю же старѣишому · Вышеславу в Новѣгородѣ · и посади Ярослава в Новѣгородѣ · а Бориса в Ростовѣ · а Глѣба въ Муромѣ · С(вя)тос[л]ава⁸² в Деревѣхъ Всеволода в Володимѣрѣ · Мьстислава въ Тмутороканѣ» (Ипат. 6496, л. 45 об. (стб. 105–106))⁸³.

В процитированном фрагменте княжичи, безусловно, перечислены по старшинству.

Под 6488 годом летописи дают еще один список сыновей Владимира:

«бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женскою · и быша ему водимыя · Рогнѣдъ юже посади на Лыбеди · идеже ныне стоить сельце Предѣславино · от неяже роди · 4 · с(ы)ны · Изяслава · Мьстислава · Ярослава · Всеволода · а · 2 · тчери · от Грекинѣ · С(вя)тополка · от Чехинѣ · Вышеслава · а от другоѣ · С(вя)тослава · и Мьстислава · а от Болгарыни Бориса и Глѣба · а наложницъ бѣ оу него · 300 · Вышегородѣ · а · 300 · в Б[ѣл]городѣ⁸⁴ · а · 200 · на Берестовѣ · в селци еже зооуть ныне Берестовое» (Лавр. 6488, л. 25 об. (стб. 79–80))⁸⁵.

⁸¹ В Ипатьевском списке Ипат. вместо Ярослава здесь ошибочно указан Ярополк.

⁸² В Ипатьевском списке – «С(вя)тостава».

⁸³ Ср. НовГмл 6496, л. 68 (с. 159); Лавр. 6496, л. 42 (стб. 121); Радз. 6496, л. 66 об.–67. В Лавр. Святополк и Ярослав перечислены в обратном порядке. В Радз. пропущен текст после слов «Вышеслава в Новѣгородѣ» до слов «Ярослава в Новѣгородѣ» включительно.

⁸⁴ В Лавр. читается «в Болгарех».

⁸⁵ Ср. НовГмл 6488, л. 44 об.–45 (с. 128–129); Ипат. 6488, л. 31 об. (стб. 67); Радз. 6488, л. 45. В списках Ипат. второй Мстислав пропущен. В Ипатьев-

Как предположил И. Н. Данилевский [2004: 169–174], список 6488 года построен по образцу библейского списка сыновей Иакова в Книге Бытия:

«Бѣша же с(ы)нове Иаковли, 12, с(ы)нове Лии Рувимъ прѣвенець Иаковль, Симеонъ, Леви. Иоуда, Исихаръ, Зауолонъ. С(ы)нове же Рахили, Иосифъ, и Вениаминъ. С(ы)нове Валлины рабы Рахили Данъ и Нефалимъ. С(ы)нове же Зелфы рабы Лиины Гадъ, и Асиръ» (Острожская Библия, Быт 35: 22–26 (л. 16 об.)).⁸⁶

Непосредственным прототипом текста летописи мог быть один из древнерусских хронографов. Список сыновей Иакова в «Летописце Еллинском и Римском» очень сходен с библейским:

«У Иакова же родишася 12 сыновъ: от Лии Рувимъ, Сумеонъ, Леввии, Июда, Исакхаръ, Завлонъ, а от рабыни Рахилины Валлы: Данъ, Нефталимъ, а от рабыни Лиины Зелфы: Гаадъ и Асиръ, а от Рахили: Иосифъ и Веньяминъ» (Летописец Еллинский и Римский, л. 2 а–2 б (с. 13))⁸⁷.

ском списке на полях здесь приписан Станислав. Во всех летописях кроме Лавр. вместо «от другоѡ» читается «от другоя».

⁸⁶ Ср. Пятикнижие XIV в., л. 38 об.

⁸⁷ В славянском переводе «Хроники» Георгия Амартола список сыновей Иакова выглядит иначе (в фигурные скобки мною взяты слова, добавленные при переводе с греческого): «Ияковъ <...> избѣжа от Исава брата своег(о) и оуставися въ Хараонѣ Месопотамискою {рекше Межюрѣче} къ Лавѣ брата м(а)т(е)ре своея Ревеке · егоже пастырь овцамъ быс(ть) лѣт · 20 · и обѣ дщери ег(о) Лию · и Рахиль · женѣ поять · имяше с(ы)ны · 12 · и дщерь единою от свободною · {а} от рабыню Валлоу · и Зелфоу · от Лия бо роди Роувима · Соумеона · Левгию · Июдоу · Исакхара · Зауолона · и {е}диноу {дщерь} · от Рахили же Иосифа · напоследокъ же и Веньямина по вѣшествови · от Валы же {рабыня роди} · Даана · и Неффалима» (Георгий Амартол, л. 58 г–59 а (с. 196–197)). В греческом оригинале вместо «единою дщерь» читается «τῆν Δίνα» (Дина – имя дочери Иакова). В древнерусском переводе

Кроме отмеченного И. Н. Данилевским факта совпадения принципа распределения сыновей Иакова и детей Владимира именно по их матерям большое значение имеет структурное сходство, которым обладают летописный список 6488 года и перечень сыновей Иакова. При параллельном расположении сыновей Иакова и Владимира в таблице с указанием матерей (при соблюдении порядка их перечисления в источниках) образуются ячейки, которые четко соответствуют друг другу.

Таблица 7

Быт 35: 23–26		Летописец Еллин-ский и Римский		Летопись под 6488 г.	
матери	сыновья	матери	сыновья	матери	дети
Лия	Рувим	Лия	Рувим	Рогньдъ	Изяславъ
	Симеон		Симеон		Мьстиславъ
	Левий		Левий		Ярославъ
	Иуда		Иуда		Всеволодъ
	Иссахар		Иссахар		дѣвѣ
	Завулон		Завулон		дѣчери
Рахиль	Иосиф	Валла	Дан	грѣкыни	Святопѣлкъ
	Вениамин		Неффалим	чехыни	Вышеславъ
Валла	Дан	Зелфа	Гад	дрougая	Святославъ
	Неффалим		Асир	[чехыни]	Мьстиславъ
Зелфа	Гад	Рахиль	Иосиф	българыни	Борисъ
	Асир		Вениамин		Глѣбъ

Лишь при взгляде на таблицу 7 становится ясно, зачем летописцу понадобилось дополнять список двумя дочерьми⁸⁸ и перечис-

Амартола – в отличие от оригинала – сыновья Зелфы Гад и Асир не упоминаются.

⁸⁸ Дополнить список Станиславом, Судиславом или Позвиздом, которые перечислены на последних трех позициях в списке 6496 года, летописец не мог, потому что таким образом он сделал бы этих младших Владимиричей сыновьями Рогнеды, которая, согласно Лаврентьевской летописи (6636, л. 99 об.–100 (стб. 300–301)), была отослана Владимиром в Полоцк, когда Изяслав был еще ребенком.

лать более старших Святополка и Вышеслава после более младших сыновей от Рогнеды. Именно соответствие количества детей от каждой из жен имело решающее значение при составлении летописного списка.

Между тем в рассматриваемом тексте осталось два противоречия. Во-первых, правило о соответствии количества детей от каждой из жен не соблюдено в случае с Рахилью. Во-вторых, Святополк помещен перед более старшим братом Вышеславом.

Для выяснения причин этих противоречий следует рассмотреть летописные сведения о гречанке—матери Святополка.

Первое упоминание матери Святополка в Начальной летописи содержится после описания смерти Олега Святославича:

«И погребоша Ольга на мѣстѣ оу города Вручюга · и есть могила его и до сего д(ь)не оу Вручюга · и прия власть его Ярополкъ · оу Ярополка же жена Грекини бѣ · и бяше была черницею · бѣ бо привель о(ть)ць его С(вя)тославъ · и вда ю за Ярополка красоты ради лица ея · слышав же се Володимѣрь в Новѣгородѣ · яко Ярополкъ оуби Ольга · оубоявся бѣжа за море · а Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ · и бѣ володѣя единъ в Руси» (Лавр. 6485, л. 23 об. (стб. 75))⁸⁹.

Второе упоминание матери Святополка помещено после рассказа об убийстве Ярополка Святославича:

«Тако оубьень быс(ть) Ярополкъ · Варяшко же видѣвъ яко оубьень быс(ть) Ярополкъ · бежа со двора в печенѣгы · и много воева Володимера с печенѣгы · одва приваби⁹⁰ · и заходи к нему ротѣ · Володимер же заляже жену братню грекыню и бѣ непрадна · от нея же роди С(вя)тополка · от греховнаго бо корене плод золь бываетъ · понеже бѣ м(а)ти его была черницею а второе Володимиръ залеже ю · не по браку ·

⁸⁹ Ср. Ипат. 6485, л. 29 об.—30 (стб. 63); Радз. 6485, л. 41 об.—42; НовгІмл 6485, л. 42 (с. 125).

⁹⁰ То есть ‘призвал / привлек к себе’.

прелюбодѣчичь быс(ть) оубо · тѣм ни о(ть)ць ег(о) не любяше · бѣ бо *от* двою о(ть)цю · *от* Ярополка и *от* Володимера · по сем рѣша варязи Володимиру · се град нашъ мы прияхом · да хотим окупъ имати на них по 2 · две гривне *от* ч(е)л(овѣ)ка» (Радз. 6488, л. 44–44 об.)⁹¹.

Еще Н. Н. Ильин обратил внимание на то, что рассказы о женьтѣ Ярополка на чернице и о ее захвате Владимиром в статьях 6485 и 6488 годов носят явный характер вставок [Ильин 1957: 193–194]⁹². Если убрать эти фрагменты, то в летописи останется следующий связный текст.⁹³

«И погребоша Ольга на мѣстѣ оу города Вручого · и есть могила его и до сего д(ь)не оу Вручого · и приа власть его Ярополкъ <...> слышав же се Володимѣръ в Новѣгородѣ · яко Ярополкъ оуби Ольга · оубоявся бѣжа за море · а Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ · и бѣ володѣя единъ в Руси».

«Тако оубьень быс(ть) Ярополкъ · Варяшко же видѣвъ яко оубьень быс(ть) Ярополкъ · бежа со двора в печенѣгы · и много воева Володимера с печенѣгы · одва приваби и · и заходи к нему ротѣ <...> по сем рѣша варязи Володимиру · се град нашъ мы прияхом · да хотим окупъ имати на них».

Отметим, что еще по крайней мере два сходных по тематике фрагмента считал поздними вставками в летописи А. А. Шахматов.

⁹¹ Ср. Лавр. 6488, л. 25 (стб. 78); Ипат. 6488, л. 31 (стб. 66); НовГмл 6488, л. 44 (с. 127).

⁹² А. А. Шахматов считал, что оба фрагмента о гречанке первоначально читались подряд после рассказа об убийстве Ярополка [Шахматов 1908: 554]. Между тем данная догадка никак не была обоснована исследователем.

⁹³ В качестве еще одного подтверждения вставного характера фрагментов, в которых повествуется о матери Святополка, следует отметить их лексическую обособленность. В частности, слово «понеже» встречается в летописи почти всегда в составе библейских цитат.

По его мнению, составитель Печерской летописи заимствовал «отрывок о блудной жизни Владимира (в статье 6488 года – С. М.) из особой повести о Владимире, которую предположительно отождествляем с Корсунскою легендой» [Шахматов 1908: 138 (§95)]. А. А. Шахматов отмечал, что данное предположение «подтверждается тем, что фраза “бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое” в статье 6494 года (в рассказе о приеме Владимиром мусульманских послов – С. М.) оказывается явною вставкой, ибо и перед нею и после нее повторяются слова “послушаше ихъ”» [Шахматов 1908: 667]. Если А. А. Шахматов был прав, вставки о матери Святополка, возможно, следует отнести к тому же этапу редактирования Начальной летописи из-за объединяющей их тенденции к описанию блудной жизни Владимира до крещения.

Другой возможный подтекст вставок о гречанке был отмечен И. Н. Данилевским. Он объясняет указание на то, что мать Святополка была монахиней, желанием летописца провести параллель между Святополком и Антихристом, так как, согласно «Откровению Мефодия Патарского», Антихрист должен родиться от черницы [Данилевский 2004: 179].

В свою очередь Л. Мюллер обратил внимание на то, что в «Чтении о житии и о погублении блаженную страсотерпцю Бориса и Глѣба» монаха Нестора сведения о гречанке отсутствуют [Мюллер Л. 2004: 35], и предположил, что все упоминания о гречанке–*матери Святополка* являются вставками, помещенными в Начальную летопись редактором Печерской летописи⁹⁴.

По мнению Л. Мюллера [2004: 34], появление легенды о матери Святополка могло быть вызвано тем, что княжича перепутали с другим носителем того же имени. Дело в том, что, согласно Титмару Мерзебургскому⁹⁵, женой польского князя Мешка (отца Болеслава I)

⁹⁴ [Мюллер Л. 2004: 45]. Эта датировка кажется мне достаточно вероятной (ср. также приводившиеся выше соображения А. А. Шахматова).

⁹⁵ Thietmar IV, 57, fol. 70'–71 (S. 196).

и матерью его сыновей Мешка и Свентепулька была расстриженная монахиня Ода, дочь маркграфа Северной марки Тидрика. Свентепульк Мешкович был не только тезкой, но и родственником и примерным ровесником русского князя.

Попробуем представить себе набор сведений, дошедших до того летописца, который, согласно предположению Л. Мюллера, «сочинил» легенду о матери Святополка. Книжнику было известно, что (1) древнерусский князь по имени Святославъ был язычником и побеждал христиан-греков, (2) двух сыновей Святослава звали Яроплькъ и Володимирь, (3) сын Владимира по имени Святоплькъ уже после крещения Руси приказал убить своих братьев Бориса и Глеба, (4) Святополк был близок к польскому князю Болеславу, (5) некий родственник Болеслава по имени Святоплькъ⁹⁶ был сыном расстриженной монахини. Совмещение всех этих достоверных данных, судя по всему, и вызвало к жизни легенду о гречанке–матери Святополка и о том, что этот княжич родился «от двух отцов».⁹⁷

⁹⁶ В действительности – брат Болеслава.

⁹⁷ А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский считают, что имянаречение Святополка, одна из основ имени которого повторяет часть имени Ярополка, может свидетельствовать о достоверности легенды о том, что Святополк был сыном «от двух отцов» [Литвина, Успенский 2006: 49–50]. Между тем необходимо отметить, что имя Ярослава сложено таким же образом: одна основа – из имени Святославъ (и элемент Свято-, и элемент -славъ имеются и у других сыновей Владимира), а другая – из имени Яроплькъ (и элемент Яро-, и элемент -плькъ отсутствуют у других сыновей Владимира), и в нем тоже нет ни одного элемента имени Володимирь. Однако на основании этих совпадений никто не считает Ярослава сыном Ярополка.

В качестве еще одного довода в пользу достоверности легенды о гречанке А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский приводят тот факт, что имена Яроплькъ и Святоплькъ с середины XI века в династии Рюриковичей традиционно давались двум родным братьям (начиная с сыновей Изяслава Ярославича) [Литвина, Успенский 2006: 50]. Между тем парность этих имен, на мой взгляд, нельзя считать свидетельством о степени близости родства Ярополка Святославича со Святополком. Имена Яроплькъ и Святоплькъ были единственными в русском княжеском антропонимиконе именами с элемен-

Л. Мюллер предположил, что при помещении в летопись вставок о гречанке книжник отредактировал и список сыновей Владимира под 6488 годом, где первоначально сообщалось о том, что сыновьями первой чешской жены Владимира были Вышеслав и Святополк [Мюллер Л. 2004: 33].⁹⁸ Эта гипотеза Л. Мюллера снимает оба выявленных мной выше противоречия. Находят себе объяснение и несоответствие количества детей от каждой из жен между списками сыновей Владимира и Иакова, и нарушение принципа старшинства. Дело в том, что книжник, который счел Святополка сыном гречанки, а не «чехини», не мог просто поменять в тексте списка 6488 года «чехиню» на «грекиню», потому что таким образом он бы сделал и Вышеслава сыном расстриженной монахини. Кроме того, если бы Вышеслав и Святополк остались бы перечисленными по старшинству (как это, вероятно, было в первоначальном тексте списка сыновей), то Святослав и Мстислав оказались бы сыновьями «другой *грекини*», а не «другой *чехини*». Во избежание такой путаницы Святополк был помещен редактором летописи перед Вышеславом.

Первоначальный летописный список сыновей Владимира под 6488 годом можно реконструировать следующим образом.

том *-пълк-*. Другой такой пары двусоставных имен с уникальным вторым элементом у русских князей не было.

Созвучие имени Святополка с именем Ярополка, вероятно, было одной из причин распространения легенды о сыне «от двух отцов».

⁹⁸ О том, что Святополк мог быть сыном чешской жены Владимира, писал и А. Поппэ [1975: 571].

Таблица 8

м а т е р и	д е т и
Рогънѣдь	Изяславъ
	Мьстиславъ
	Ярославъ
	Вьсеволодь
	дѣвѣ дѣчери
* чехъни	* Вьшеславъ
	* Святотѣлкъ
дроугая [чехъни]	Святославъ Мьстиславъ
българъни	Борисъ
	Глѣбъ

Какую идею хотел донести до своего читателя летописец, выстраивая список сыновей Владимира в полном соответствии с библейским перечнем сыновей Иакова?

Возможны две версии ответа на этот вопрос. Во-первых, автор списка мог проводить аналогию между самими Иаковом и Владимиром. Параллель между этими героями достаточно прозрачна: как заметил И. Н. Данилевский [2004: 173], оба они добились главенства в обход своих старших братьев.⁹⁹ Во-вторых, как предположил И. Н. Данилевский, летописец мог сопоставлять кого-то из сыновей Владимира с кем-то из сыновей Иакова.

Исследователь обратил внимание на то, что любимые сыновья Иакова Иосиф и Вениамин упомянуты *последними* в перечне (как Борис и Глеб в летописи) в Толковой Палее. Поэтому И. Н. Данилевский предположил, что образцом для летописца служил именно рассказ Толковой Палеи, основанный на «Сказании о двенадцати драгоценных камнях на ризе первосвященника» Епифания Кипрского.

⁹⁹ Иаков, согласно Книге Бытия, купил у своего брата Исава право первенства, а потом хитростью получил предсмертное благословление отца вместо Исава (Быт 25: 21–34; Быт 27). Владимир же, согласно летописи, стал править в обход погибших в междоусобной борьбе Олега и Ярополка.

Между тем следует отметить, что в перечне камней на ризе первосвященника в Толковой Палее¹⁰⁰ мы не находим *списка* сыновей Иакова в чистом виде. В этом тексте лишь рассказывается по очереди о каждом из сыновей Иакова в связи с перечислением камней на ризе первосвященника иерусалимского Храма: (1) говорится порядковый номер камня, (2) камень уподобляется сыну Иакова с тем же номером по старшинству, что и номер камня, (3) дается характеристика этого сына Иакова¹⁰¹. Сходство исследуемого летописного отрывка прослеживается исключительно с перечнем сыновей Иакова с распределением по матерям и является сходством не только количественным, но и – что более важно – структурным. Если даже гипотетически предположить, что летописец пользовался при сопоставлении Толковой Палеей, то при этом не удастся определить, какими по порядку в списке 6488 года следует считать Святополка и Бориса, так как порядковые номера сыновей Владимира в этом перечне не указаны, а двух дочерей Владимира, упомянутых после первых четырех сыновей, можно принимать в расчет, а можно и не принимать.

Порядок старшинства братьев в Толковой Палее не соответствует ни описанному в Библии порядку рождения сыновей Иакова, ни порядку, в котором они перечислены в приводившемся выше отрывке Быт 35: 23–26. Согласно Библии, Иссахар и Завулон были рождены Лией после рождения всех сыновей Иакова от Валлы и Зелфы. В Толковой Палее же они названы пятым и шестым сыновьями Иакова,

¹⁰⁰ Толковая Палея, с. 273–278 (стб. 546–556).

¹⁰¹ Как отметили В. В. Мильков и С. М. Полянский, в характеристиках сыновей Иакова составитель Толковой Палеи использовал мотивы апокрифических «Заветов двенадцати патриархов» [Мильков, Полянский 2002: 594 (прим. 920)].

Комментируя рассказ Палеи о четвертом камне – карбункуле, исследователи делают вывод, что «[с]опоставление камня с Христом дается в характерной для Палеи манере христологических толкований, что может косвенно свидетельствовать о принадлежности дополнений в “Сказании о 12 камнях” Составителю Палеи» [Мильков, Полянский 2002: 594 (прим. 925)].

а сыновья от Валлы и Зелфы перечислены после них.¹⁰² Отметим также, что в сочинении Епифания Кипрского «О камне алмазе» порядок старшинства сыновей Иакова дан в соответствии с библейским рассказом¹⁰³, а в его «Сказании о двенадцати камнях» (не путать с основанным на этом сказании текстом Толковой Палеи!) сыновья Иакова вообще не упоминаются.¹⁰⁴

Какой же текст использовал летописец, если это была не Толковая Палея? При обращении к «Летописцу Еллинскому и Римскому» мы обнаруживаем в нем, во-первых, распределение сыновей Иакова по их матерям и, во-вторых, тот же порядок их перечисления, что и в Толковой Палее.¹⁰⁵ Судя по всему, образцом для летописного перечня Владимиричей послужил хронографический текст, сходный с тем, что читается в «Летописце Еллинском и Римском».

¹⁰² Как полагают В. В. Мильков и С. М. Полянский, Толковая Палея перечисляет сыновей Иакова в таком порядке вслед за апокрифическими «Заветами двенадцати патриархов» [Мильков, Полянский 2002: 594 (прим. 927, 939)].

¹⁰³ Епифаний, «О камне алмазе», с. 281–282.

¹⁰⁴ Епифаний, «О 12 камнях»; ср. Изборник 1073, л. 152 об.–154.

Основываясь на догадке А. А. Шахматова [1940: 80], И. Н. Данилевский утверждает, что «создателю Повести временных лет <...> было хорошо известно Сказание о 12 драгоценных камнях Епифания Кипрского» [Данилевский 2004: 172]. Между тем это мнение А. А. Шахматова не может влиять на выбор образца для составления списка сыновей Владимира, так как в указанном сочинении Епифания сыновья Иакова не упоминаются. Для обоснования точки зрения И. Н. Данилевского было бы логичнее допустить вслед за А. А. Шахматовым [1940: 80] использование составителями «Повести временных лет» и Толковой Палеи одного и того же хронографа, в котором – если следовать И. Н. Данилевскому – при перечислении камней на ризе первосвященника упоминались бы сыновья Иакова.

¹⁰⁵ На порядок перечисления Иосифа и Вениамина в цитирувавшемся мной тексте «Летописца Еллинского и Римского» остроумно обратила мое внимание Н. В. Пак (письмо автору этих строк от 28 апреля 2008 года). Ранее я считал, что летописец не хотел сопоставить никого из Владимиричей с сыновьями Иакова.

Основными параллелями, которые хотел провести составитель летописи, очевидно, были параллель Владимир – Иаков и параллель Борис и Глеб – Иосиф и Вениамин.

По мнению И. Н. Данилевского, летописец также сопоставлял Святополка с Даном. Исследователь обратил внимание на то, что в Толковой Палее мы находим особенную характеристику Дана, который представлен человеком, желавшим совершить братоубийство, но удержанным от этого Богом.¹⁰⁶ Сопоставление с Даном, как полагает И. Н. Данилевский, указывает на желание летописца осторожно и скрытно показать, что Святополк невиновен в приписываемом ему убийстве Бориса, уподобляемого библейскому Иосифу [Данилевский 1998: 353]. Между тем, как было показано выше, Толковая Палея не могла быть источником для исследуемого перечня Владимиричей.¹⁰⁷

¹⁰⁶ «Сии оубо камень · оуподобленъ быс(ть) Дану · 7·му с(ы)ну Ияковлю с(ы)ну Валину рабы Рахилины · иже въ завѣтъ пиша пред своими с(ы)ны поноси гл(агол)я · а(зъ) · реч(е) бѣхъ · имѣя с(ь)рд(ь)це и оутробу нем(и)-л(о)стиву на брата Иосифа · и бѣхъ стрегыи его акы рысь козлища · но б(ог)ъ о(ть)ца моего избави и от руку мою · и не да ми сего зла створити» (Толковая Палея, л. 277 (стб. 533–534)).

¹⁰⁷ Отметим также, что кроме описания Дана похожие идеи обнаруживаются в Толковой Палее в рассказе о втором сыне Иакова Симеоне: «Сии камыкъ оуподобленъ есть · 2·му с(ы)ну Ияковлю · Семеону · иже имѣяше гнѣвъ · и нем(и)л(о)с(ь)рдие на брата своего Иосифа · хотяхъ и реч(е) оубити но запя ми г(о)с(подь) · и разрѣши ми мочь ручную яко рука моя десная · малы не быс(ть) суха за · 60 · д(ь)ни · разумѣхъ реч(е) · яко Иосифа ради то ми ся случи · и покаявѣся плаках(ь)ся къ г(о)с(поде)ви» (Толковая Палея, л. 274 (стб. 547–548)). Как этот текст применим к Мстиславу – второму сыну Владимира согласно списку 6488 года – И. Н. Данилевский не объясняет.

Еще более странно, что мы не находим никакой параллели между Рувимом и Изяславом. В Книге Бытия непосредственно перед цитированным списком сыновей Иакова рассказывается о том, что Рувим переспал с Валлой – наложницей своего отца (Быт 35: 22). Ничего подобного об Изяславе неизвестно.

Перейдем теперь от формы списков сыновей Владимира к их содержанию.

Сведения о матерях Владимиричей в перечне 6488 года, как кажется, достаточно достоверны.

Во-первых, именно сыновья от скандинавки Рогнеды—*Ragneiðg* и их потомки известны своими скандинавскими связями: Изяслав получил в княжение Полоцк, принадлежавший прежде его деду по матери Рогволоду (< *Ragnvaldr*); Брячислав Изяславич в борьбе против Ярослава использовал помощь шведа Эймунда; скандинавские связи Ярослава общеизвестны; Всеволод, возможно, упоминается в исландских сагах.

Во-вторых, Ярослав давал имена своим сыновьям поочередно либо в честь прямых предков по мужской линии, либо в честь родных (единоутробных) братьев¹⁰⁸. Первый сын¹⁰⁹ получил имя *Володимирь* в честь деда, второй — *Изяславь* — в честь родного дяди, третий — *Святославь* — в честь прадеда, четвертый — *Всеволодь* — в честь родного дяди, пятый — *Игорь* — в честь прапрадеда¹¹⁰. Имена единокровных братьев (кроме имени *Святославь*, которое в первую очередь воспринималось как имя Святослава Игоревича, деда Яро-

¹⁰⁸ Ср. [Толочко П. 2008: 14].

¹⁰⁹ Не считая Илью, о котором см. в прим. 126 ниже.

¹¹⁰ Выявленная четкая закономерность позволяет наиболее просто объяснить имянаречение Игоря Ярославича. Имя *Игорь* (< *Ingvarr*) очень долгое время не встречалось в роду Рюриковичей — и до рождения Игоря Ярославича, и после его смерти. Эта уникальность привела к тому, что причиной возрождения имени в семье Ярослава исследователи стали видеть вторичное влияние скандинавского именослова на именослов русских князей через посредство династии шведских Инглингов, к которой принадлежала Инггерд — мать Игоря Ярославича [Литвина, Успенский 2006: 38–39], а также, вероятно, Ингвар Путешественник, судя по всему, принимавший участие в походе Владимира Ярославича на греков в 1043 году (о происхождении Ингвара см. ниже, в главе II). Выявленная закономерность позволяет утверждать, что если это вторичное влияние и имело место, то его значение было минимальным.

слава) Ярослав вообще не использовал для наречения своих сыновей. Имя родного брата Мстислава не было использовано для наречения Ярославичей, вероятно, потому, что так же звали единокровного брата Ярослава – Мстислава Тмутороканского, с которым Ярослав воевал.

В-третьих, ни один из сыновей Владимира не боролся в междоусобицах против родного (единоутробного) брата.¹¹¹

Несмотря на все вышесказанное сведения списков сыновей Владимира часто ставятся под сомнение. Многие «скептики» пытались преувеличить роль тех сыновей Владимира, которые упоминаются в списках 6488 и 6496 годов среди младших Владимиричей.

Во-первых, как отметил А. П. Толочко, уже с XVI века в летописных сборниках бытовала легенда о том, что Борис и Глеб были сыновьями последней жены Владимира, византийской принцессы Анны¹¹². Как показал А. П. Толочко [2005: 445–458], эти сведения родились под пером книжника, который попытался согласовать представление о том, что Владимир после крещения стал жить моногамным браком, с информацией житий Бориса и Глеба, которые сообщают о молодости Бориса и Глеба. Стоящая на таком зыбком основании догадка о царском происхождении Бориса и Глеба благополучно дожила до наших дней, поддержанная В. Н. Татищевым [1963 (1773): 227 (прим. 163)], С. М. Соловьевым [1988 (1851): 195], А. Поппэ [2003: 308–313].

Во-вторых, вполне распространена точка зрения, что Станислав, вообще не упомянутый в списке 6496 года и присутствующий

¹¹¹ Брячислав был племянником Ярослава, а Мстислав Тмутороканский, судя по всему, был сыном не Рогнеды, а чешской жены Владимира.

¹¹² См., например, Тверской сборник 6488, стб. 73.

лишь в перечне 6488 года среди младших Владимиричей¹¹³, был одно время киевским князем. На этом заблуждении следует остановиться подробно.

Дело в том, что исковерканным отражением имени *Станиславъ* ряд исследователей считает упоминание некоего Зинислава в византийской «Хронике» Иоанна Скилицы (XI – начало XII века)¹¹⁴. Под 1036 годом Скилица сообщает:

«ἐτελεύτησαν δὲ καὶ οἱ τῶν Ῥῶς ἄρχοντες, Νεσισθλάβος¹¹⁵ καὶ Ἱεροσθλάβος¹¹⁶, καὶ ἄρχειν προεκρίθη τῶν Ῥῶς συγγενῆς τῶν τελευτησάντων Ζινίσθλαβος¹¹⁷» (Scyl., p. 515 (p. 399)).

‘Скончались архонты росов Несислав¹¹⁸ и Иерослав, и был избран править росами родственник скончавшихся Зинислав’.

Имя *Νεσισθλάβος* / *Νεστιλάβος* традиционно интерпретируется в историографии как отражение древнерусского *Мьстиславъ*.¹¹⁹ Смерть Мстислава Владимировича Тьмутороканского – брата и сопра-

¹¹³ Упоминание Станислава в ряде летописей в списке 6488 (980) года на месте второго Мстислава (см., например: СофI 6488, л. 55 об. (стб. 67); Ермолинская летопись 6488, л. 18 (с. 13)) является поздней заменой. Дело в том, что имя *Мьстиславъ* было опущено в нескольких летописях, так как один Мстислав в данном списке уже упоминался выше. В Ипатьевском списке на полях вместо пропуска на месте второго Мстислава приписан Станислав.

¹¹⁴ См. [Шахматов 1908: 89–90, прим. (§62); Прицак 2003: 918–919].

¹¹⁵ Вариант – «Νεστιλάβος».

¹¹⁶ Вариант – «Ἱεροσλάβος».

¹¹⁷ Варианты – «Ζινίσθλάβος», «Ζινίσλαβος», «Ζωνίσθλαβος».

¹¹⁸ См. варианты выше.

¹¹⁹ Первым, кто предположил тождество Несислава / Нестилава с Мстиславом, был, как кажется, М. С. Грушевский [1899: 317].

вителя Ярослава (Мудрого) – летописи датируют 6544 (1036) годом¹²⁰.

Необходимо отметить, что в 1947 году при раскопках древнерусского Белгорода (под Киевом) была обнаружена печать, несущая на себе надпись «+ ΜΕΣΙΘΛΑΒΟΣ ΜΕΓΑΣ ΑΡΧΩΝ ΡΩΣΙ[Α]С»¹²¹. А. В. Назаренко [1993: 167] обратил внимание на то, что транскрипция имени *Мьстиславъ* здесь сходна с чтением Скилицы.

Под *Иерославом* у Скилицы, безусловно, подразумевается Ярослав Владимирович (умерший, однако, лишь в 1054 году).

Разночтения рукописей хроники Скилицы позволяют представить себе тот вид, который имена перечисленных им архонтов имели в протографе. Очевидно, что некоторые рукописи опускали, а некоторые сохраняли в славянских именах букву *θ* при передаче элемента *-ςθλάβος* < -славъ. В протографе «Хроники» Скилицы первый архонт, вероятно, был назван **Νεστισθλάβος*. Имя третьего князя, видимо, звучало как *Ζινισθλάβος* (с ударением либо на второй *ι*, либо на *α*).

На отображение иностранных имен греками оказывала большое влияние народная этимология. В *Ίεροσ-* (вместо фонетически более закономерного **Ίαροσ-* < *Ίαρος-*) очевидно воздействие греческого *Ίερόσ* ‘священный, святой’. Форма *Σφενδοσθλάβος*¹²² (< *Свато-*), вероятно, возникла под влиянием греческого *σφενδόνη* ‘праща’. В оформлении начальной части имени **Νεστισθλάβος* можно усмотреть

¹²⁰ Лавр. 6544, л. 51 (стб. 150); Радз. 6544, л. 86.

В Ипат. и некоторых других летописях сообщение о смерти Мстислава, как отметил М. С. Грушевский [1899: 316], по ошибке попало в статью 6542 года (Ипат. 6542, л. 56–56 об. (стб. 138); СофI 6542, л. 152–152 об. (стб. 176–177)). В этих летописях отсутствуют годовые статьи 6543 и 6544 годов, а во всех остальных летописях статьи 6542 и 6543 года являются пустыми. Подзаголовки «въ лѣто 6543» и «въ лѣто 6544» пропущены в Ипат. – вероятно, из-за гаплографической ошибки.

¹²¹ См. [Янин 1970: 20–23, 252 (рис. 31), 284 (рис. 31)].

¹²² Так у греков всегда называется Святослав Игоревич.

влияние греческого имени *Νέστωρ*. Аналогичным образом и форма *Зинислав* могла возникнуть из-за сопоставления с греческим именем *Ζήνων* (*Zήνων*).¹²³ Под воздействием этой аналогии начальная часть переданного в форме *Zivισθλαβος* славянского имени могла претерпеть некоторые изменения.

Недавно комментатор Скилицы Ж.-К. Шене [2003: 331, п. 33] предложил идентифицировать Зинислава с Изяславом Ярославичем.

На мой взгляд, форму *Zivισθλαβος* действительно следует возводить к славянской *Изяславъ* [Izɛslávŋ] < **Jьzɛslavъ*¹²⁴. Это слово грек должен был услышать со слов своего славянского информанта как [Izenslávŋ] или [Izinslávŋ] и представить себе в виде *Ιζενσθλάβος* или *Ιζινσθλάβος*. То, что отражение славянских носовых при передаче древнерусских имен еще возможно для середины XI века, подтверждается греческой надписью «BENTE[Θ]ΛΑΒΩ» на древнерусской печати, атрибутируемой Вячеславу (*Вачеславъ* < **Vetjeslavъ*) Ярославичу¹²⁵. Причиной вставки лишней *-i-* перед *-σθλάβος*, вероятно, стала аналогия с другими славянскими именами, в которых перед

¹²³ Последнее соображение принадлежит А. Ю. Виноградову.

¹²⁴ Имя образовано от основы глагола **jьzeti* ('вынуть, взять') и основы **slav-* [ЭССЯ, вып. 9: 26].

¹²⁵ Об этой печати см. [Янин 1970: 16]. Ср. также постоянное отражение древнерусского имени *Святославъ* в виде *Σφενδοσθλάβος* у самого Скилицы (Scyl., р. 372–413 (р. 276–310)). Процесс деназализации носовых гласных, безусловно, происходил с разной скоростью в разных позициях. Долше всего они сохранялись в корневых морфемах (не в начальной позиции) и в ономастике (ср. [Бернштейн 1961: 244–245]). А. А. Зализняк предполагает, что «процесс деназализации носовых гласных в принципе мог проходить в разных восточнославянских говорах отнюдь не одновременно» [Мельникова, Петрухин, Зализняк и др. 1991: 311 (прим. 8)]. Я не берусь с уверенностью утверждать, что назализованные гласные сохранялись в древнерусском языке в XI веке. Между тем констатировать обратное можно будет только после серьезного изучения этого вопроса лингвистами. До сих пор такого исследования, к сожалению, проведено не было.

элементом *-славъ* всегда стояла гласная буква (ср., например, *Мѣстиславъ* > **Νεστισθλάβος*).

Кто из русских князей по имени *Изяславъ* мог подразумеваться Скилицей под Зиниславом? На Руси в первой половине XI века известно два носителя имени *Изяславъ*. Первый из них – второй по старшинству сын Владимира Святославича – умер в 6509 (1001) году. Вторым носителем имени *Изяславъ* был второй по старшинству¹²⁶ сын Ярослава. Согласно «Повести временных лет», Изяслав Ярославич родился в 6532 (1024) году, непосредственно после сражения между его отцом и Мстиславом Владимировичем (**Нестиславом* Скилицы). Летопись сообщает, что Мстислав, победив брата, предложил ему разделить Русь по Днепру:

«и посла Мѣстиславѣ по Ярославѣ гл(агол)я · сѣди ты на столѣ своемъ Киевѣ · понеже ты еси старѣи брате · а мнѣ буди стона · и не смѣяше Ярославъ в Киевѣ ити · донележе смири-
стася · и сѣдѣше Ярославъ в Новѣгородѣ · и бяху сѣдѣше в

¹²⁶ *Изяславъ* – традиционное имя для вторых сыновей у Рюриковичей [Литвина, Успенский 2006: 17]. *Изяславами* были названы вторые сыновья Владимира Святославича (Святого) и Владимира Всеволодича Мономаха.

Источники как будто сообщают нам о *двух* Ярославичах, которые были старше Изяслава – Илье и Владимире. Однако *Илья* могло быть крестильным именем Владимира Ярославича [Карпов 2005: 67, 181–182 (прим.)]. (Никаких сведений о крестильном имени Владимира Ярославича мы не имеем.) Данные об Илье имеются только в списке новгородских князей, помещенном в одной из статей Новгородской первой летописи младшего извода (НовгІмл 6497, л. 69 (с. 161)), и в аналогичном списке в Летописи Авраамки (Летопись Авраамки, стб. 313). Предположение о тождестве Ильи и Владимира подтверждается и тем, что Владимир называется в источниках «старым», «старейшим» и «большим» из сыновей Ярослава (Лавр. 6560, л. 54 об. (стб. 160); Ипат. 6560, л. 60 (стб. 149); Радз. 6560, л. 93 об.; Толковые пророки, л. 262).

Если *Илья* – все же не крестильное имя Владимира Ярославича, то очевидно, Илья уже умер, когда родился его брат Изяслав, ставший таким образом все равно вторым по старшинству (после Владимира Ярославича). Ср. [Литвина, Успенский 2006: 565–566].

Киевѣ мужи Ярославлѣ · в том же лѣтѣ · родися оу Ярослава · другии с(ы)нѣ · и нареч(е) имя ему Изяславъ» (Ипат. 6532, л. 55 об.–56 (стб. 136)).

Изяслав Ярославич наследовал отцу после его смерти в 1054 году и прожил до 1078 года.

Итак, очевидно, в сообщении Скилицы закралась ошибка. Тожество датировки сообщения Скилицы и летописной датировки смерти Мстислава заставляет думать, что, располагая неким источником, в котором говорилось о смерти Мстислава, Скилица (или какой-то его предшественник) ошибочно привязал к тому же времени смерть Ярослава и сообщил под 1036 годом (ошибившись таким образом на 18 лет) о занятии киевского стола известным ему (греку второй половины XI века) князем Изяславом Ярославичем.

Очень вероятно, что информация Скилицы почерпнута им из какого-то письменного источника. Это могла быть анналистическая запись о смерти Мстислава. Очевидно, что она изначально не должна была содержать грубой хронологической ошибки.

Мне кажется вероятным, что представление о столь ранней смерти Ярослава возникло у самого Скилицы. Источником этого заблуждения могли стать сведения о походе руси на греков в 1043 году. Дело в том, что этим походом, согласно всем источникам, в том числе и «Хронике» Скилицы (Scyl., p. 551 (p. 430)), руководил Владимир Ярославич; Ярослав в связи с событиями 1043 года нигде кроме летописи даже не упоминается.

Пытаясь представить себе содержание реконструируемой анналистической записи, можно вслед за А. А. Шахматовым предположить, что Скилица поменял местами имена князей, о которых сообщал его источник¹²⁷. Нельзя исключать, что в его сообщении

¹²⁷ [Шахматов 1908: 90, прим. (§ 62)]. О. Прицак принимает точку зрения А. А. Шахматова (без каких-либо ссылок на нее); исследователь «цитирует» текст Скилицы, переставив местами Зинислава с Иерославом и никак не оговаривая эту перестановку [Прицак 2003: 919].

должна была идти речь о том, что в середине 1030-х годов власть перешла к Ярославу / Иерославу (как это и было на самом деле после смерти его соправителя Мстислава), а умерли Нестислав и некий *Изинслав.¹²⁸ Зная о существовании Изяслава Ярославича, Скилица мог поменять местами имена *Изинслав и Иерослав, сочтя сведения своего источника ошибочными. Между тем эта версия крайне гипотетична ввиду того, что имя *Изяславъ* передано у Скилицы в исковерканном виде: Зинислав им уже, вероятно, не отождествлялся с Изяславом Ярославичем.

Гораздо вероятнее предполагать не один, а два источника исследуемого сообщения византийского историка. В первом из них, вероятно, говорилось о смерти архонта росов Нестислава (Мстислава Владимировича) в 1036 году, а во втором – о смерти архонта Иерослава

¹²⁸ «Повесть временных лет» под 6541 (1033) годом сообщает о смерти некоего сына Мстислава Тмутороканского по имени *Евстафий*. К сожалению, до нас дошло только его крестильное или иноческое имя. Между тем очевидно что у Евстафия было и мирское имя. Возможно, таким именем было как раз *Изяславъ*. В таком случае можно предположить, что в источнике Скилицы сообщалось о смерти Мстислава и его вероятно единственного наследника *Изяслава Мстиславича, скончавшихся примерно в одно и то же время, и о начале правления Ярослава.

Если это так, то *Изяслав–Евстафий должен был быть уже взрослым к этому времени. Он мог родиться вскоре после 1001 года и быть назван в честь своего умершего дяди – Изяслава Владимировича. В свою очередь Изяслав Ярославич в этом случае, безусловно, получил свое имя в честь старшего двоюродного брата – *Изяслава–Евстафия Мстиславича – в знак примирения между Ярославом и Мстиславом. (Возможно, время рождения Изяслава Ярославича указано в летописи не совсем верно [Вилкул 2003а]. Он мог появиться на свет и после смерти *Изяслава–Евстафия. О дальнейшей истории имени *Изяславъ* в роду Рюриковичей см. [Литвина, Успенский 2006: 16–17].)

Отметим также, что в случае правильности этой догадки внук Владимира–Василия Мономаха Изяслав Мстиславич оказался тезкой своего троюродного прадеда *Изяслава–Евстафия по личным именам его самого, его отца и деда.

(Ярослава Владимирича) и начале правления *Изинслава (Изяслава Ярославича), то есть о событиях 1054 года. Сочтя, что к 1043 году Ярослав был уже мертв, Скилица совместил эти два источника в одном известии.

Итак, рассмотрев возможное происхождение сообщения Скилицы об архонте Зиниславе, можно с уверенностью утверждать, что сведения византийского историка не могут использоваться для того, чтобы ставить под сомнение достоверность информации древнерусских перечней сыновей Владимира.

Сопоставим теперь летописные списки сыновей Владимира с аналогичным списком, обнаруживающимся в «Сказании о Борисе и Глебе». Житийный перечень Владимиричей сильно отличается по своей структуре от летописных:

«Съ убо Володимиръ имѣяше сыновъ 12, не отъ единая жены, нъ отъ раснь матеръ ихъ, въ нихъ же бяше старѣй Вышеславъ, а по немъ Изяславъ, 3 – Святополкъ, иже и убиство се зълое изъобрѣтъ. Сего мати преже бѣ чърницею, гръкыни суци, и поялъ ю бѣ Яропѣлкъ, братъ Володимиръ, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея, и зача отъ нея сего Святоплѣка оканьнааго. Володимиръ же, поганѣй еще, убивъ Яропѣлка и поять жену его, непраздну сущю, отъ нея же родися сий оканьный Святопѣлкъ. И бысть отъ дѣвою отцю и брату сущю, тѣмъ же и не любляше его Володимиръ, акы не отъ себе ему сущю. А отъ Рогнѣди 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода. А отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ Болгарынѣ Бориса и Глѣба. И посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении, иже инде съкажемъ. Сихъ же сыновѣмъ убо, о нихъ же и повѣсть си есть. Посади убо сего оканьнаго Святопѣлка въ княжении Пиньскѣ, а Ярослава – Новѣгородѣ, а Бориса – Ростовѣ, а Глѣба – Муромѣ. Нъ се остаану много глаголати, да не многописании въ забытъ вѣлѣземъ» (Сказ., л. 8 в–8 г (с. 27–28)).

А. А. Шахматов показал, что в этом фрагменте «Сказания» склеены два летописных списка Владимиричей – 6496-го и 6488-го годов. По наблюдению А. А. Шахматова, «согласно с летописью, со-

ставитель житийного сказания сообщил о том, что у Владимира было 12 сыновей от нескольких жен; старшим назван Вышеслав (ср. Пов. вр. лет под 988 г.), вторым – Изяслав (ср. там же), третьим назван Святополк (в Пов. вр. л. под 988 он также назван третьим, в Радз. и Ипат. списках); при этом читаем: “сего мати преже бѣ чърницею <...>¹²⁹ тѣмъ же и не любляше его Володимиръ, акы не от себе емоу соущю” (ср. Пов. вр. л. под 977 и 980 г.г.). Обращение от статьи 988 года к статье 980 года имело следствием, что выписки продолжались уже из этой статьи: “а отъ Рогнѣди 4 сыны имѣяше <...> а отъ Българынѣ Бориса и Глѣба” (ср. совершенно то же в Пов. вр. л. под 980)» [Шахматов 1908: 34–35 (§ 20)].

Кроме того, как отметил Л. Мюллер [1956: 336], перейдя к цитированию списка 6488 года, автор «Сказания» создал в своем тексте серьезное противоречие. У него осталось заимствованное из списка 6496 года прямое указание на то, что у Владимира было двенадцать сыновей, однако ниже оказались приведены лишь имена *десяти* (Изяслав упомянут дважды – в обеих частях списка «Сказания») – как в списке 6488 года, где число *двенадцать* заявлено не было.

Добавим также, что в той части перечня, которая заимствована из списка 6496 года, автор «Сказания» – в соответствии со своим источником – указывает порядок старшинства братьев, а в части, взятой из статьи 6488 года, – нет. В летописном перечне 6488 года порядок старшинства сыновей Владимира также не уточняется.

Выявленные особенности структуры списка Владимиричей в «Сказании» могут быть проиллюстрированы таблицей 9.

¹²⁹ См. приведенную чуть выше цитату из «Сказания». – С. М.

Таблица 9

Летописи			«Сказание»		
под 6488 годом		под 6496 годом			
		<i>бѣ бо оу него сыновъ 12</i>	<i>имѣяше сыновъ 12</i>		
матери	дети	сыновья	порядок	матери	сыновья
		<u>Вышеславъ</u>	<i>старѣй</i>		Вышеславъ
		<u>Изяславъ</u>	<i>по немъ</i>		Изяславъ
		<u>Святопѣлкъ</u>	3	грѣкыни	Святопѣлкъ
<u>Рогнѣдъ</u>	<u>Изяславъ</u>	Ярославъ		Рогнѣдъ	Изяславъ
	<u>Мьстиславъ</u>	Вьсеволодъ			Мьстиславъ
	<u>Ярославъ</u>	Святославъ			Ярославъ
	<u>Вьсеволодъ</u>	Мьстиславъ			Вьсеволодъ
	двѣ дѣчери	Борисъ Глѣбъ			
грѣкыни	<u>Святопѣлкъ</u>	Станиславъ			
чехыни	<u>Вышеславъ</u>	Позвиздъ			
<u>другая</u>	<u>Святославъ</u>	Соудиславъ		иная	Святославъ
	<u>Мьстиславъ</u>				Мьстиславъ
<u>българыни</u>	<u>Борисъ</u>			българыни	Борисъ
	<u>Глѣбъ</u>				Глѣбъ

Итак, несмотря на то, что летописный список 6488 года был построен по схеме списка сыновей Иакова, в «Сказании» структурное сходство с библейским перечнем оказалось нарушено в результате контаминации нескольких фрагментов летописи. Для автора «Сказания», вероятно, было важнее собрать имевшуюся в летописи прямую негативную информацию о признанном убийцей собственных братьев Святополке – сыне нечестивого союза с расстриженной монахиней.¹³⁰

¹³⁰ Как отметил Л. Мюллер, в списке сыновей Владимира в «Сказании» перечислено слишком много братьев, чтобы признавать этот список естественной частью вступления «Сказания» [Мюллер Л. 1954: 204–205]. Это наблюдение еще раз подтверждает изначальность летописной версии.

Итак, сопоставление списков сыновей Владимира в различных текстах борисо-глебского цикла убеждает нас в зависимости «Сказания» от летописи.

Рассмотрим теперь вопрос о соотношении летописных и житийных рассказов о рождении Святополка. В «Сказании» упоминания матери Святополка помещены внутрь уже цитировавшегося списка сыновей Владимира и отражены практически полностью и подряд.

Таблица 10

Летопись	«Сказание»
«оу Ярополка же жена Грекини бѣ · и бяше была черницею · бѣ бо привель о(ть)ць его С(вя)тославъ · и вда ю за Ярополка красоты ради лица ея».	«Сего (Святополка – С. М.) мати преже бѣ чърницею, гръкыни сущи, и <u>пояль ю бѣ Яропѣлкь</u> , братъ Володимирь, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея, и <u>зача отъ нея сего Святопѣлка оканьнааго</u> .
Лавр. 6485, л. 23 об. (стб. 75)	Володимиръ же, поганый еще, убивъ Яропѣлка <u>и поять жену его, неспраздну сущю</u> , отъ нея же родися сий оканый Святопѣлкь. И бысть отъ дѣвою отцю и брату сущю, тѣмъ же и не любляше его <u>Володимиръ</u> , акы не отъ себе ему сущю».
«Володимеръ же залеже жену <u>братню · Грекиню · и бѣ неспрадна · от неяже родися С(вя)тополкъ · от греховнаго бо корени золь плодъ бываетъ · понеже бѣ была м(а)ти его черницею · а второе Володимеръ залеже ю · не по браку прелюбодѣи быс(ть) оубо · тѣм и о(ть)ць его не любяше · бѣ бо от двою о(ть)цю · от Ярополка и от Володимера».</u>	Сказ., л. 8 в (с. 27–28)
Лавр. 6488, л. 25 (стб. 78)	

Казалось бы, логично предположить, что если в разных местах летописи мы находим две сходные по тематике вставки, а в «Сказании» они даются подряд, то это говорит о первичности версии «Сказания» по сравнению с летописными фрагментами [Ильин 1957: 193].

Между тем это предположение не выдерживает критики. Во-первых, как было показано выше, список сыновей Владимира в «Сказании», внутри которого помещен единый рассказ о гречанке,

безусловно, вторичен по отношению к летописным перечням Владимиричей. Во-вторых, Святополк в «Сказании» в отличие от летописи назван «окаянным». В случае заимствования из «Сказания» этот эпитет в летописи, вероятно, был бы сохранен. В-третьих, в летописи говорится, что Владимир «залеже» жену брата, то есть 'вступил с ней в половые отношения'¹³¹, а в параллельном тексте «Сказания» применяется глагол «пояти» – 'жениться'¹³². Это изменение является примером типичной для «Сказания» деконкретизации. В-четвертых, в «Сказании» смысл летописного сообщения оказывается переиначен: Святополк безапелляционно называется сыном Ярополка, хотя во вставке в летопись происхождение Святополка обрисовано довольно туманно.

Последнее обстоятельство заслуживает отдельного рассмотрения. Дело в том, что многие исследователи вслед за автором «Сказания» считают Святополка сыном Ярополка.

Вставка о гречанке в летописи может истолковываться по-разному. Фраза «Володимеръ же залеже жену братьню · Грекиню · и бѣ непрадна · *от* неяже родися С(вя)тополкъ» должна переводиться следующим образом: 'Владимир же стал спать (*или*: 'переспал') с женой брата, гречанкой; и она забеременела (*или*: 'и выяснилось, что она беременна')¹³³ и родила Святополка'. Затем в летописи Владимир четырежды напрямую называется отцом Святополка: во фразе «тѣм и о(ть)щѣ его не любяше», во фразе «Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци»¹³⁴ и в обоих цитированных выше списках сыновей. Таким образом, очевидно, что образное выражение летописца «бѣ бо *от* двою

¹³¹ [СДРЯ, т. III: 322]; ср. также значения глагола «лечи» [СДРЯ, т. IV: 398].

¹³² [СДРЯ, т. VII: 424–429; Сл. РЯ XI–XVII, вып. 18: 94–95; SJS, III: 238].

¹³³ Если принимать вариант перевода 'она забеременела', то отцом Святополка здесь однозначно назван Владимир; если чтение 'выяснилось, что она беременна', то фраза является двусмысленной.

¹³⁴ НовГмл 6523, л. 75 (с. 169); ср. Лавр. 6523, л. 45 (стб. 132); Ипат. 6523, л. 49 об. (стб. 118); Радз. 6523, л. 74.

о(ть)цю · от Ярополка и от Володимера» было тенденциозно интерпретировано автором «Сказания», которому было выгодно обелить Владимира, не признав его отцом окаянного Святополка¹³⁵.

В пользу версии отцовства Ярополка исследователи приводят несколько доводов.

Во-первых, дошедшие до нас древнейшие русские монеты несут на себе княжеские знаки Владимира и Святополка. Знаком Владимира оказывается трезубец, а знаком Святополка – двузубец с крестообразным завершением левого зубца. В. Л. Янин предположил, что столь отличная от знака Владимира и от знаков его сыновей тамга Святополка (известные нам знаки остальных Владимировичей имеют форму трезубца с некоторыми добавлениями) основана на недошедшем до нас знаке Ярополка [Янин 1970: 40]. Между тем можно лишь утверждать, что знак Святополка явно ближе простому двузубцу, который, судя по всему¹³⁶, был княжеским знаком Святослава Игоревича, нежели трезубцу Владимира.

Во-вторых, как отметил А. В. Назаренко, версия об отцовстве Ярополка вроде бы подтверждается «Хроникой» Титмара Мерзбургского, где сообщается, что Болеслав в 1018 году отправил киевского митрополита к Ярославу с предложением обменять свою дочь (то есть захваченную Ярославом жену Святополка) на плененных Болеславом в Киеве родственниц Ярослава, в том числе его мачеху и сестер¹³⁷. По мнению А. В. Назаренко, «если бы Святополк считал себя Владимировичем, то это были бы также и его мачеха и сестры» [Назаренко 1999: 331]. Между тем Титмар неоднократно напрямую

¹³⁵ Ср. также облагораживающую Владимира замену грубого «залеже» на более корректное «поять».

¹³⁶ См. [Фетисов 2008: 218–223] с указанием литературы.

¹³⁷ «Nac elatus prosperitate Bolizlavus archiepiscopum predictae sed[is ad] Iarizlavum misit, qui ab eo filiam suimet reduci peteret et uxorem suam cum noverca et consorioribus reddi promitteret» (Thietmar VIII, 33, fol. 192' (S. 530)).

называет Святополка сыном Владимира и братом Ярослава¹³⁸. Нельзя исключать, что родство мачехи и сестер Ярослава оказалось не соотнесено Титмаром с родством между Ярославом и Святополком по той причине, что в предыдущей главе мачеха, жена и девять сестер короля Руси (Ярослава) упоминались как присутствовавшие при приветствии прибывшего в Киев Болеслава¹³⁹.

Итак, мы, к сожалению, не имеем достаточно оснований для однозначного ответа на вопрос, кто был отцом Святополка – Ярополк или Владимир. Более надежным кажется сделанный мной вывод о том, что в первоначальном тексте летописи сообщение о происхождении Святополка «от двою отьцу» отсутствовало.

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношении текстов летописи и «Сказания», можно сделать вывод, что вся событийная канва «Сказания» была заимствована из летописи, содержание которой, судя по всему, почти не отличалось от содержания Печерской летописи и от «Повести временных лет».

«Единъ отъ губитель, притекъ, удари въ сердце его» Взаимные отношения летописи и «Чтения» Нестора

Рассмотрим теперь взаимоотношения Начальной летописи и «Чтения о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глѣба».

Несторово «Чтение» отличается от летописи в первую очередь тем, что в нем отсутствует множество конкретных сведений,

¹³⁸ Thietmar VII, 65, fol. 171 (S. 478); VII, 72, fol. 174–174' (S. 486–488); VII, 73, fol. 175 (S. 488).

¹³⁹ Thietmar VIII, 32, fol. 192' (S. 530). Нельзя забывать, что последние главы (а их всего 34) последней восьмой книги «Хроники» Титмара остались не выправлены автором по причине его смерти. В них встречается ряд «шероховатостей, которые впоследствии тщательно сглаживались хронистом прямо в беловом автографе» [Назаренко 2001: 465].

Ср. также возражения Л. Мюллера [2004: 27] на доводы А. В. Назаренко об отцовстве Ярополка.

известных по летописи¹⁴⁰. Эта особенность выражена в «Чтении» значительно сильнее, чем в «Сказании». Вместо перечисления сыновей Владимира автор «Чтения» кратко сообщает: «быша сынове мнози у Владимира», вместо перечисления их столов говорит: «Пусти же благовѣрный князь сыны своя кождо на свою область, яко же даль имь самъ». Вместо печенегов в «Чтении» фигурируют «ратнии». Нет в «Чтении» подробностей захоронения Владимира. Альта и Смядынь (места убийств Бориса и Глеба соответственно) не упоминаются вовсе. Золотая гривна и отсечение головы Борисова слуги Георгия не упоминаются. Дружине соответствуют у Нестора «сущии с нимь (Борисом – С. М.) вои». «Вышегородские мужи», перечисленные в летописи поименно, в «Чтении» просто названы «слугами» Святополка. Вместо Новгорода находим «полунощные страны». Не упоминается главарь посланных Святополком убийц Глеба Горясер. Опущено Нестором и имя повара Глеба Торчина, который назван просто «старѣшина поваромъ». О борьбе Ярослава со Святополком говорится кратко: «нѣ и на прочюю братью въздвизаше гонения».¹⁴¹

¹⁴⁰ См. [Бугославский 1914а: 184–185; Бугославский 2007 (1940): 286; Ильин 1957: 99].

¹⁴¹ А. А. Шахматов объяснял отсутствие указания на точное место гибели Бориса в «Чтении» тем, что его не было в источнике «Чтения» – Древнейшем своде. По мнению ученого, «если оно было в Древнейшем своде, Нестору не было бы основания опустить его: вместо того, чтобы сказать “а самъ съ отроки пребысть на мѣстѣ томъ день тѣи”, он мог бы поставить: “на Льтѣ день тѣи”» [Шахматов 1908: 83 (§ 59)]. Очевидно, А. А. Шахматов не придавал большого значения тому факту, что в «Чтении» отсутствуют *практически все* аналогичные конкретные детали.

А. А. Шахматов также полагал, что в Древнейшем своде не сообщалось имя слуги Бориса, Георгия: «Сомневаюсь, чтобы Нестор умышленно умолчал его имя, если оно было бы ему известно; мне кажется, что это было бы противно обычным агиологическим приемам. Одно дело – не назвать окаянных убийц или опустить имя того властелина града, сын которого удостоен был исцеления, и другое дело – скрыть имя угодника Божия» [Шахматов 1908: 85 (§ 60)].

Кроме того, рассказ Нестора местами выглядит более логичным, чем в летописи. Совершенно очевидно, что Нестор иногда не следовал детально за своим источником. Так, летописному повествованию об убиении Бориса, где сначала говорилось о произошедшем «около» шатра нападении на Бориса, находившегося *в* шатре, а затем об убиении Бориса, которого везли с места первого нападения, *одним из* двух варягов¹⁴², в «Чтении» соответствует более логичный рассказ об убийстве Бориса, выскочившего из шатра после нападения, *одним из* убийц:

«Бориса же оубивше оканьнии оувертѣвше в шатерь · възложивше на кола повезоша и · и еще дышнощю ему · оувѣдѣвше же се оканьнии С(вя)тополкъ яко еще дышетъ · посла два Варяга прикончатъ его · онѣма же пришедшема [и видѣвшема]¹⁴³ · яко и еще живъ есть · единъ ею извлекъ мечъ пронъзе и къ с(ь)рд(ь)цю · и тако скончася бл(а)ж(е)ныи Борисъ» (Лавр. 6523, л. 46 (стб. 134)).

«Се же ему рекшо, единъ отъ губитель, притекъ, удари въ сердце его, и тако блаженный Борисъ предасть душу в руцѣ Божии» (Чтен., л. 99 в–99 г (с. 11)).

Таким образом Нестор (1) исправил путаницу своего источника с убийством то ли *в* шатре, то ли «около» него, (2) исправил путаную историю с повторным посылаем убийц, (3) убрал конкретику, заменив «варягов» на «губителей».

¹⁴² В этом повествовании было неясно, откуда Святополк узнал о том, что Борис еще жив.

¹⁴³ Реконструкция А. А. Шахматова [2003 (1916): 749 (171)]. В Лавр. слов, помещенных в квадратные скобки, нет, в Радз. и НовГІмл «и видѣша», в Ипат. «и видившима», в Хлебн. «видѣвше».

Есть у Нестора и некоторые подробности, отсутствующие в соответствующем тексте летописи: о Вышгороде¹⁴⁴ уточняется, что он находится в 15 стадиях от Киева, о Киеве – то, что он – столица.

Все эти особенности заставляют нас предположить, что при написании «Чтения» Нестор ориентировался на широкую славяноязычную аудиторию, а не только на древнерусских читателей.¹⁴⁵ Как отметил П. С. Билярский, в Несторовом «Чтении» вместо употребляемых летописцем специфически древнерусских лексем выступают нехарактерные для речи восточных славян старославянизмы [Билярский 1862: 112–119].

Как показала Д. Ревелли, композиционно Несторово «Чтение» очень похоже на памятники святовацлавской традиции [Ревелли 1998а; 1998б]. Очевидно, что стремление соответствовать агиографическому канону и конкретным образцам житий было для Нестора очень важным фактором при создании текста «Чтения».

Сравнив «Чтение» с летописью, А. А. Шахматов писал: «Итак, связь Несторова сказания с летописным очевидна; в них можно отметить даже общие фразы. Особенно важно, что ход рассказа одинаков в том и другом сказании. Объяснить эту связь можно, конечно, трояко: Нестор пользовался летописью; летопись пользовалась Нестором; Нестор и летопись пользовались одним общим источником. | Я не могу признать состоятельным первое объяснение, если под летописью будем разуметь Нач. свод или Повесть вр. лет. Не стану выдвигать того аргумента, что летопись эта моложе Несторова сказания; я отрицаю самую возможность того, что Нестор знал летописное сказание в том его виде, в каком оно дошло до нас, в составе хотя бы Начального свода;

¹⁴⁴ Княжеская резиденция на правом берегу Днепра, севернее Киева. Упоминается в трактате «De administrando imperio» Константина Багрянородного (см. De adm. imp., 9 (с. 44)). Здесь был похоронен Борис.

¹⁴⁵ Отмечая те же самые особенности, Д. В. Айналов заключал, что Нестор пользовался греческим источником [Айналов 1910: 40–41].

отрицаю потому, что решительно не понял бы причины резкого отклонения Нестора от фактической части дошедшего до нас летописного сказания, еслибы это последнее было ему известно» [Шахматов 1908: 64 (§ 47)].

Приведем отличия «Чтения» от летописи, которыми А. А. Шахматов обосновывал точку зрения о том, что летопись конца XI – начала XII века не могла быть источником Несторова жития.

Во-первых, согласно летописи, Борис получил от отца Ростов. Между тем А. А. Шахматов считал, что в «Чтении» Нестор сообщает о княжении Бориса во Владимире-Волынском [Шахматов 1908: 65 (§ 47)]. Здесь А. А. Шахматов исходил из интерпретации следующей фразы агиографа: «посла и (Бориса – С. М.) потомъ отецъ и на область Владимиръ юже ему дасть а святого Глѣба у себе остави» (Чтен., л. 94 в (с. 6)). Слово «Владимеръ» А. А. Шахматов понимал как топоним.

Между тем С. А. Бугославский объяснил этот пассаж следующим образом: «[П]риняв во внимание последовательный прием Нестора не называть собственных имен, даже важных для его рассказа, как Киев, Вышгород, Ярослав, Глебовы убийцы, с другой стороны, зная, что Нестор пользуется фактическим материалом только летописи и Сказания, мы полагаем, что “Владимер” здесь собственное имя князя (его Нестор не избегает), а не название области; слово “Владимер”, таким образом, является приложением к слову *отець*, но поставлено, с точки зрения современного языка, не на месте. Стало быть, в Чтении здесь нет ничего нового по сравнению со Сказанием и летописью» [Бугославский 2007 (1940): 287]. Предположение С. А. Бугославского о том, что «Владимеръ» у Нестора – это антропоним, подтверждается при обращении к рукописной традиции: по данным Д. Ревелли, слова «Владимеръ юже ему дасть» отсутст-

вуют в 11 из 26 рукописей «Чтения» [Ревелли 1993: 628 (прим. 33–36)].¹⁴⁶

Во-вторых, А. А. Шахматов считал серьезным расхождением «Чтения» и летописи в описании событий то, что, согласно Нестору,

¹⁴⁶ Ср. [Бугославский 1928: 185 (прим. 180)], где также приводится текст Нестора с разночтениями.

Даже если отсутствие этих слов в нескольких списках не доказывает вторичности данного фрагмента, оно демонстрирует, что эти слова воспринимались переписчиками как синтаксическое единство.

По мнению А. В. Назаренко, трактовка С. А. Бугославского «плохо вписывается в логику рассуждений пр[е]п[одобного] Нестора, к[ото]рый именно в посажении Владимиром Б[ориса] на стол усматривает первопричину гнева княжившего в Турове Святополка на своего младшего брата. Б[орис], сидевший в далеком Ростове, не представлял бы никакой угрозы для туровского князя, тогда как вокняжение Б[ориса] на Волыни могло повести к уменьшению удела Святополка (Волынь и Туров нередко представляли собой единый владельческий комплекс) и во всяком случае ставило под угрозу связи Святополка с польск[им] кн[язем] *Болеславом I*, на дочери к[ото]рого был женат Святополк» [Назаренко 2003: 46]. Отметим, что Нестор говорит об иных причинах гнева Святополка. Главной причиной оказывается желание дьявола прекратить благотворительную деятельность Бориса в его области. Из-за происков «врага» у Святополка появляется желание «всю страну погубити и владѣти единь»: «Блаженный же Борисъ много показа милосердие во области своеи, не точью же къ убогымъ, нь и къ всимъ людемъ, яко же всимъ чюдитися милосердию его и кротости. Бѣ бо блаженный кротокъ и смиренъ. Таче же того не терпя врагъ, нь, яко же преже рекохъ, вниде въ сердце брату его, иже бы старѣй, имя ему Святополкъ. Нача мыслити на правѣднаго, хотяше бо оканьный всю страну погубити и владѣти единь» (Чтен., л. 94 в–94 г (с. 6–7)). Ни о какой туровской геополитике в «Чтении» Нестора (которое, как уже говорилось, практически лишено упоминаний исторических реалий) речи нет. Автор «Чтения» вообще не упоминает о том, что Святополку давался какой-нибудь стол. Ср. [Парамонова 2003: 294].

Сообщение Нестора о том, что Владимир вернул Бориса из его «области», могло возникнуть, в частности, из-за желания Нестора согласовать летописные данные о посажении Бориса в Ростове с сообщением об участии его в походе против печенегов близ Киева.

Владимир оставил Глеба при себе в Киеве, хотя по летописи Глебу был дан в удел Муром [Шахматов 1908: 64–65 (§ 47)]. Против этого мнения А. А. Шахматова вновь выступил С. А. Бугославский: «Нестор отступает здесь от Ск[азания], которое называет уделы Б[ориса] и Г[леба]; – писал С. А. Бугославский; – он (Нестор – С. М.) говорит, что Владимир у себя держал Бориса и Глеба “занеже единаче детеска беста” [(XVI; 108)]. Если бы Нестор сказал это об одном Глебе, мы могли бы думать, что высказывание его восходит к иному источнику; но ведь он говорит, что и Борис остался у отца; ниже, однако, и Нестор сообщает, что Б[орис] был послан “на область” [(XVI; 179)]; стало быть, в этом отступлении можно было видеть лишь литературный мотив: Нестор хотел нарисовать картину благочестивого сожительства обоих братьев (см. XVI; 119)¹⁴⁷. Ниже Нестор (XVI; 196) все же, согласно Ск[азанию], заставляет Бориса *явиться* к отцу, боявшемуся, чтобы Святополк не пролил крови праведного» [Бугославский 2007 (1940): 263]. Если прочесть еще несколько строк «Чтения», увидим, что Нестор уподобляет Бориса и Глеба Иосифу и Вениамину:

«Бѣ бо, рече, любяй Осифа Яковъ и Веньямина, бяста бо уна тѣломъ. И сега ради братья вельми гнѣвахуся на нею» (Чтен., л. 95 а (с. 7)).

Как отметила Н. В. Пак, обратившая мое внимание на эту важную параллель, «Владимир оставляет при себе Глеба, потому что библейский Иаков оставляет при себе младшего Вениамина»¹⁴⁸. Таким образом, и второй довод А. А. Шахматова нельзя признать убедительным.

¹⁴⁷ Здесь С. А. Бугославский отсылает к словам «Сице же ему (Борису – С. М.) молящася по вси часы, а святыи Глѣбъ послушаше его, сѣдя и не отлучашеся отъ блаженаго Бориса, но с нимъ день и нощь послушаше его» (Чтен., л. 93 а–93 б (с. 5)). – С. М.

¹⁴⁸ Письмо автору от 28 апреля 2008 года.

В-третьих, А. А. Шахматов относил к значительным отклонениям фактического содержания «Чтения» от летописи то, что, согласно Нестору, Глеб встретил своих убийц, когда шел из Киева на север в ладьях, а не из Мурома в Киев – сначала на конях и только потом в ладьях – как об этом сообщает летопись [Шахматов 1908: 76 (§ 55)]. А. А. Шахматов считал сюжет «Чтения» первоначальным по отношению к летописному *lectio difficilior*, однако не привел никаких доводов в пользу этого мнения. Между тем проще представить себе обратное развитие: Нестор мог упростить сюжет своего источника для того, чтобы не описывать странные передвижения Глеба, сочтя это чтение – так же, как и А. А. Шахматов – не совсем ясным.¹⁴⁹

Критикуя мнение А. А. Шахматова, для которого было «трудно допустить, чтобы Нестор умышленно извратил летописные данные» [Шахматов 1908: 65 (§ 47)], А. Тимберлейк отмечает, что «различия сложно объяснить иначе как тем, что Нестор позволял себе определенные вольности. Например, Нестор заявляет, что Святополк бежал из-за народного сопротивления (“крамолѣ бывшеи отъ людий”) [Чтен. 14.4], без всякого вмешательства Ярослава. Невозможно представить того, чтобы какой-либо из источников, которым мог располагать Нестор, не упоминал о том, что Ярослав, а не неизвестные люди

¹⁴⁹ К менее значительным отличиям «Чтения» от летописи А. А. Шахматов [1908: 91–92 (§ 64)] относил сообщение Нестора о том, что Святополка не было в Киеве, когда умер Владимир. Это расхождение легко объясняется. Очевидно, что Нестор, написавший, что в Киеве при отце были Борис и Глеб, не мог оставить там же Святополка, который, по версии агиографа, испытывал к своим братьям ненависть.

А. Поппэ считает еще одним отличием «Чтения» от летописи слова Нестора о том, что намерение Святополка перебить остальных братьев не было осуществлено. По мнению исследователя, так не мог написать книжник, знакомый с летописным рассказом об убийстве по приказу Святополка третьего брата – Святослава. Ввиду этого А. Поппэ признает «недостоверным» летописное сообщение [Поппэ 2003: 305 (прим. 3)].

выгнали Святополка из Киева. Часть сведений “Чтения” является плодом личного творчества Нестора¹⁵⁰» [Тимберлейк 2006: 173–174].¹⁵¹

Итак, доводы А. А. Шахматова в пользу первичности многих сведений «Чтения» на проверку оказываются крайне сомнительными. Сделанные выше наблюдения заставляют отказаться от точки зрения А. А. Шахматова, утверждавшего, что летопись, сходная своими фактическими данными с «Повестью временных лет», никак не могла быть источником «Чтения». Совершенно очевидно, что Нестор при написании этого жития преследовал в первую очередь не историографические, а агиографические цели. Он не стремился наиболее достоверно описать события 1015–1019 годов, а создавал образ страстотерпцев в назидание потомкам.

Итак, можно заключить, что основным источником «Чтения о Борисе и Глебе», вероятно, был текст, содержание которого было практически идентично содержанию дошедших до нас летописных сводов. Я считаю, что это была именно летопись, а не сходная с ней по содержанию отдельная житийная повесть о Борисе и Глебе, так как краткий рассказ о деятельности князя Владимира у Нестора содержит ряд параллелей с летописью. Во-первых, как и в летописи, в «Чтении» сразу после описания крещения Руси говорится о постройке Десятиной церкви и о посадении сыновей Владимира на княжение. Во-вторых, в обоих текстах Владимир назван «вторым Константином»¹⁵². После сжатого пересказа летописи Нестор переходит к наполненному агиографическими топосами рассказу о молодости Бориса и Глеба.

¹⁵⁰ В англоязычном оригинале статьи: «Some of Nestor’s facts are his own invention».

¹⁵¹ Ср. также [Мюллер Л. 2008: 21].

¹⁵² Впрочем, это уподобление есть и в других текстах о Владимире.

Перейдем теперь к вопросу датировки «Чтения». Как показал Ю. А. Артамонов [2003], другое произведение Нестора – «Житие Феодосия Печерского» – было написано во время киевского княжения Святополка Изяславича, примерно в 1107–1108 годах. В «Житии Феодосия» Нестор прямо говорит, что раньше написал «житие и о погублении и о чудесьхъ святоу и блаженоу страсотръпцю Бориса и Глѣба» (Житие Феодосия, с. 352). Вероятно, «Чтение о Борисе и Глебе» следует датировать началом XII века, так как в нем также обнаруживаются «просвятополковские» черты.

«И искочи и шатъра въ оторопѣ»

Взаимные отношения текстов «Сказания» и «Чтения»

Сравним теперь между собой два агиографических памятника, повествующих об убиении Бориса и Глеба.

А. А. Шахматов давно обратил внимание на то, что в «Чтении» и «Сказании» мы находим ряд параллельных чтений, не имеющих прообразов в тексте летописи [Шахматов 1908: 38–40 (§ 24)]. Большая часть параллелей между «Чтением» и «Сказанием» связана с комментариями и риторическими украшениями агиографического характера, однако есть и дополнительные по отношению к летописи фактические сведения. Так, и «Чтение», и «Сказание» упоминают крестильные имена Владимира, Бориса и Глеба. И там и там сообщаются даты гибели Бориса и Глеба.

Очевидная близость обнаруживается при сопоставлении описания гибели Бориса.

Таблица 11

«Чтение» Нестора	Анонимное «Сказание»
<p>«Нечестивии же, яко шедше, не дерзнуша напасти на праведнаго: не попусти имъ Богъ, дондеже конца заутренею. Тако же по кончаньи цѣлова вся, възлеже на одрѣ своемъ и отверзъ уста своя къ беззаконникомъ, рече: “<u>влѣзьше, братие, скончайте волю пославшаго вы</u>”. И они же, акы звѣрие дивии, нападоша на нь и внизоша во нь сулицы свои. И се единъ отъ престоющихъ ему слугъ паде на немъ, они же и того пронизоша, и мнѣвъ же блаженаго мертва суша, изидоша вонъ. Блаженный же воскочи, <u>въ оторопѣ</u> бывъ, изиде <u>изъ шатра</u> и въздѣвъ на небо руцѣ, моляшеся, сице глаголя. “Благодарю Тя, Владыко Господи, Боже мой, <u>яко сподобил мя</u> еси недостойнаго съобщнику быти страсти Сына твоего, Господа нашего Исуса Христа. <...>».</p>	<p>«И яко бысть уранень, и искочи <u>и шатра въ оторопѣ</u>. И начаша глаголати стояще округъ его: “что стоите зряще? <u>Приступивъше, сконъчаимъ повелѣное намъ</u>”. Си слышавъ, блаженный начать молитися и миль ся имъ дѣяти, глаголя: “братия моя милая и любимая, мало ми время отдаите, да понѣ помолюся Богу моему”. И възрѣвъ на небо съ слъзами и горѣ въздъхнувъ, начать молитися сицими глаголы. “Господи Боже мой, многомилостивый и милостивый и премилостиве! Слава Ти, <u>яко съподобилъ мя</u> убѣжати отъ прельсти жития сего льстьнааго. <...>” И възрѣвъ къ нимъ умиленама очима и спадъшемъ лицемъ, и вьсь слъзами обливъся, рече: “<u>братие, приступивъше, сконъчайте службу вашу</u>, и буди миръ брату моему и вамъ, братие”».</p>
Чтен., л. 99 а–99 в (с. 11)	Сказ., л. 11 г–12 а (с. 35–36)

Все подчеркнутые фрагменты не имеют параллелей в Начальной летописи и явно указывают на текстуальную связь между «Чтением» и «Сказанием».

Это говорит о том, что (1) либо автор «Чтения» пользовался «Сказанием», (2) либо автор «Сказания» пользовался «Чтением», (3) либо они оба черпали из общего источника, но не из летописи.

А. А. Шахматов и С. А. Бугославский делали диаметрально противоположные выводы относительно взаимоотношений «Чтения» и «Сказания». А. А. Шахматов предположил, что автор «Сказания» пользовался Несторовым «Чтением» [Шахматов 1908: 38–40 (§ 24)],

а С. А. Бугославский отстаивал мнение о зависимости «Чтения» от «Сказания».¹⁵³

Рассмотрим аргументацию С. А. Бугославского.

Исследователь сравнил между собой тексты о чудесах Бориса и Глеба в «Чтении» и в «Сказании чудес» и показал, что «Сказание чудес» (возможно, в своей ранней редакции) было использовано Нестором при создании «Чтения» [Бугославский 1914а: 133–142, 161–174].

Вывод о зависимости «Чтения» от «Сказания чудес» С. А. Бугославский перенес и на соседствующее со «Сказанием чудес» в рукописях «Сказание и страсть и похвалу»: «Почти все рассмотренные нами параллели (особенно наши отрывки 1, 5, 7, 9, 16, 18, 25, 26, 27, 34, 35, 38, 39¹⁵⁴) указывают на прямую зависимость Нестора от текста Сказания. Здесь не может быть речи об общем источнике Чт[ения] и Ск[азания]. Однако параллели 14, [19] и 21 сближают Чтение и с летописью. Стало быть, Нестор знал и летописное повествование о Б[орисе] и Г[лебе] (ниже покажем, что он пользуется и другими местами летописи). Вся фактическая сторона Сказания с последующими чудесами использована Нестором частично с изменениями; он излагает свое Чтение в той же последовательности, в какой ведется рассказ Сказания (некоторые отступления в Ск[азании] о чуд[есах] отмечены выше). Стало быть, Сказание было основным источником Чтения¹⁵⁵. Сказание было неизменно пред глазами

¹⁵³ Ср. также реакцию А. А. Шахматова на выводы С. А. Бугославского [Шахматов 2003 (1916): 576–577 (LXXIII–LXXVI)]. К сожалению, желанию А. А. Шахматова продолжить изучение соотношения летописи и борисоглебских житий не было суждено осуществиться.

¹⁵⁴ В последних пяти из 13-ти пунктов С. А. Бугославский сопоставляет «Чтение» и «Сказание чудес». – С. М.

¹⁵⁵ В таком случае нам не придется вместе с Д. В. Айналовым создавать недошедшую до нас и нигде не упоминаемую повесть о Б[орисе] и Г[лебе], написанную якобы митр[ополитом] Иоанном I [Айналов 1910: 41–48] (формат ссылки унифицирован – С. М.). Все ссылки на “неизвестного автора” (“рече”) относятся к анон[имному] Ск[азанию] и др. известным памятникам. В

Нестора во время его работы над “житием” Б[ориса] и Г[леба], т[ак] к[ак] он его использовал и в отношении текста. Однако он не считал его удовлетворяющим требованиям византийского агиографического стиля; оттого он и принялся за свое Чтение; потому он и не заимствует текста из молитв и речей действующих лиц Сказания, потому он старательно перерабатывает и фактическую и стилистическую сторону своего основного источника» [Бугославский 2007 (1940): 285].

Между тем все наблюдения, на которых строит свои заключения С. А. Бугославский, могут быть истолкованы иначе. Длинный список текстуальных параллелей «Чтения» и «Сказания», приводимый исследователем [Бугославский 2007 (1940): 262–270], может свидетельствовать и о зависимости «Чтения» от «Сказания», и «Сказания» – от «Чтения», и их вместе – от общего источника.

С. А. Бугославский лишь в двух случаях пытается обосновать утверждение, что «Сказание» *первично* по отношению к «Чтению».

По мнению исследователя, доказательством такой зависимости является различное указание на время правления Владимира, содержащееся во введениях к двум борисо-глебским житиям:

«Сие убо бысть мальмь преже сихъ¹⁵⁶, сущю самодръжцю въсеи Русьскѣи земли Володимиру» (Сказ., л. 8 б (с. 27)).

«Бысть бо, рече, князь въ тыи годы, володый всею землею Рускою, именемъ Владимиръ» (Чтен., л. 91 г (с. 4)).

С. А. Бугославский считает слово «рече» в «Чтении» ссылкой на «Сказание», а не на летопись, «т[ак] к[ак] в летописи подобного

упомянутой нашей статье о Несторе выписаны эти ссылки и их источники (гл[ава] 1); здесь же разобраны те недоуменные вопросы, которые возникают, если предположить, что Ск[азание] пользуется Чтением. (Примечание С. А. Бугославского. Под «упомянутой статьей» исследователь подразумевает работу [Бугославский 1914а; 1914б]. – С. М.)

¹⁵⁶ В некоторых списках добавлено «лѣтъ».

текста нет» [Бугославский 2007 (1940): 262].¹⁵⁷ Между тем летопись подробно описывает время княжения Владимира, поэтому неясно, что имел в виду С. А. Бугославский. Кроме того, с тех же самых слов, что и «Сказание», начинается краткое житие Владимира:

«Сиче убо бысть малом преже сихъ лѣтъ, суцю самодрѣжцю всеа Рускыа земля Володимеру, внуку же и Олжину, а правнуку Рюрикову. Ходиша слугы его в Болгары и в Нѣмци и видѣша сквернаа дѣла ихъ, и оттолѣ идоша въ Царьградъ» (Распр. житие Владимира, с. 462).

Далее в этом житии кратко рассказывается о крещении Руси.

Нельзя исключать того, что данное житие Владимира принадлежит перу автора «Сказания». Продолжим цитату, оборванную С. А. Бугославским в его книге:

«Сиче убо бысть малѣмъ преже сихъ, суцю самодрѣжцю въсеи Русьскѣи земли Володимеру, сыну Святославлю, вѣнуку же Игореву, иже и святыимъ крѣщениемъ въсю просвѣти сию землю Русьску. Прочая же его добродѣтели инде съкажемъ, нынѣ же нѣсть время, а о сихъ по ряду сиче есть» (Сказ., л. 8 б–8 в (с. 27)).

Подчеркнутые слова, вероятно, являются ссылкой автора «Сказания» на написанное им же краткое житие Владимира.

¹⁵⁷ Само по себе выражение «малѣмъ преже сихъ лѣтъ» не может служить доказательством древности написания «Сказания». Эти слова нельзя однозначно понимать как ‘совсем недавно’: с тем же успехом их можно перевести как ‘не так давно’. Есть также некоторая вероятность того, что автор «Сказания» подразумевал под «сихъ» не свое время, а время, о котором он рассказывал, то есть фразу «малѣмъ преже сихъ» следует понимать как ‘незадолго до времени мученичества Бориса и Глеба’, о котором сказано чуть выше в заголовке «Сказания». Даже признание раннего происхождения выражения «малѣмъ преже сихъ» не доказывает зависимость «Чтения» от «Сказания», так как «Сказание» и «Чтение» могут восходить к общему источнику, текст которого использует автор «Сказания».

В качестве второго основания гипотезы о вторичности «Чтения» по отношению к «Сказанию» С. А. Бугославский приводит параллель между описаниями передвижений Бориса, которого вызвал к себе Святополк.

Исследователь пишет: «Согласно со Ск[азанием] (см. пред[ыдущую] главу, отрыв[ок] 10), которое заставляет Бориса идти каким-то неведомым путем, Нестор говорит: “блаженны же путем своим идяше” (Ск[азание] X; 141/18). Несколькими строками выше Нестор, следуя Сказанию (“идяше къ брату своему”, X; 140/30), говорит: “блаженному идуцю къ брату своему” [(XVI; 258)] и еще ниже: “въставъ... иде къ брату своему” (XVI; 340). Итак, Чтение следует несообразности Сказания, неумело переработавшего сообщение летописи. Если бы летопись была источником этого отрывка, этой несообразности мы не имели бы у Нестора» [Бугославский 2007 (1940): 264]). Непонятно, почему С. А. Бугославский считает, что, выявив в «Сказании» и «Чтении» общую для обоих текстов несообразность (отмечу, что, на мой взгляд, и в «Чтении», и в «Сказании» процитированные отрывки очень органичны), можно обосновывать ее наличием зависимость одного текста от другого.

Все остальные параллели между «Чтением» и «Сказанием», приведенные С. А. Бугославским, также подтверждают лишь тесную связь этих памятников, но никак не то, что Нестор пользовался «Сказанием».¹⁵⁸

Между тем, отмечая возможность обратного развития текстов, С. А. Бугославский задает противникам своей точки зрения следующие вопросы:

«Если мы предположим, что анонимное Сказание воспользовалось Чтением, использовав и летописный рассказ, как доказали акад.

¹⁵⁸ Неубедительность аргументации С. А. Бугославского по вопросу о соотношении «Сказания» и «Чтения» отмечали еще А. А. Шахматов [2003 (1916): 576–577 (LXXIV–LXXVI)] и Н. К. Гудзий [2007 (1940): 613].

Ср. также малоубедительные доводы А. Тимберлейка в пользу гипотезы С. А. Бугославского [Тимберлейк 2006: 177–179].

А. И. Соболевский и акад. А. А. Шахматов, то мы должны были бы дать ответ на такие вопросы. [№ 1.]¹⁵⁹ Почему Сказание не отразило ни одного факта и выражения, которые являются продуктом личного творчества преп. Нестора, или взяты им из других источников, помимо летописи? [№ 2.] Почему, имея готовое житие, более полное и близкое к агиографическим образцам, автор анонимного Сказания все же положил в основу своего рассказа летопись, черпая у Нестора лишь отдельные разбросанные в разных местах жития выражения и создавая из них цельную Похвалу (в конце Сказания), при этом ему приходилось разгадывать неясные места своего источника? [№ 3.] Почему на анонимном Сказании о чудесах не отразилось сказание о чудесах преп. Нестора; если же мы предположим, что Сказание о убиении и Сказание о чудесах написаны одним автором, то почему он не принял подробной редакции чуда о жене сухорукой, которую Нестор слышал от самой исцеленной, а передает по другому менее осведомленному источнику? [№ 4.] Почему автор Сказания там, где преп. Нестор не сходится с летописью, обращался к этой последней, а не к Чтению? [№ 5.] Почему, наконец, автор Сказания, если он пользовался Чтением, где Похвала в конце, после Сказания о чудесах, вставил ее в середине произведения выделив Сказание о чудесах в отдельную повесть?» [Бугославский 1914а: 142–143].

Ответим на вопросы С. А. Бугославского по порядку.

№ 1. Сам С. А. Бугославский обнаружил немало параллелей между «Чтением» и «Сказанием», которые не имели прообразов в тексте летописи. Ни для одного из них не доказана первичность версии «Сказания».

№ 2. Как известно, «Сказание» дошло до нас в значительно большем количестве списков, чем «Чтение», следовательно, вероятно, было ближе древнерусскому читателю, нежели «Чтение». Таким образом, представляющийся С. А. Бугославскому бессмысленным труд автора «Сказания» таковым отнюдь не был. Одной из целей

¹⁵⁹ Нумерация вопросов моя. – С. М.

анонимного агиографа, очевидно, было рассказать о мученичестве Бориса и Глеба более подробно, чем это сделал Нестор.¹⁶⁰

№№ 3, 5. Как показал сам С. А. Бугославский и как уже говорилось выше, «Сказание чудес» (по крайней мере, его первая часть – вплоть по описание шестого чуда) – независимый от «Сказания» памятник, бывший либо источником второй («чудесной») части «Чтения», либо имевший с ней общий источник.

№ 4. Как уже говорилось, С. А. Бугославский выявил то, что многие расхождения «Чтения» с летописью объясняются тенденци-

¹⁶⁰ Некоторые исследователи проблемы взаимоотношения текстов борисоглебского цикла обращались к вопросу о том, почему «Чтение» было менее популярно на Руси, чем «Сказание».

П. В. Голубовский и Н. И. Серебрянский считали, что причиной малой популярности «Чтения» стала его примитивность [Голубовский 1900: 126; Серебрянский 1915: 106–107]. Между тем С. А. Бугославский отмечал, наоборот, значительный литературный талант Нестора [Бугославский 2007 (1940): 298–299, 319] (ср. также [Ревелли 2003: 70]). По мнению С. А. Бугославского, «Чтение» написано более «мастерски», чем «Сказание» [Бугославский 1928: XXXII].

С. А. Бугославский видел причину малого распространения списков «Чтения» в большой распространенности «Сказания». «Ко времени появления Чтения Нестора (первое десятилетие XII в.) Сказание неизвестного автора, несомненно, из среды духовных лиц, близких к великому князю, получило уже всестороннее признание и широкое распространение в списках; поэтому-то, вероятно, более выдержанное житие-Чтение киево-печерского монаха Нестора, написанное более совершенно с точки зрения церковного писателя начала XII в., не могло уже вытеснить Сказания и заменить его в княжеских, монастырских, церковных библиотеках» [Бугославский 2007 (1940): 305–306]. Между тем, на мой взгляд, даже если бы «Чтение» было создано после «Сказания», это ни в коей мере не могло заставить древнерусских книжников чаще переписывать «Сказание», нежели «Чтение».

Популярность «Сказания», по моему мнению, следует объяснять тем, что это произведение было создано именно для древнерусской аудитории и включило в себя много интересных для древнерусского читателя подробностей из летописного рассказа о междоусобице Владимиричей, опущенных Нестором при написании «Чтения».

озностью агиографа. Очевидно, что этот факт мог быть выявлен и составителем «Сказания».

Итак, судя по всему, мнение С. А. Бугославского о первичности «Сказания» по отношению к «Чтению» следует признать результатом априорного представления этого ученого о времени составления «Сказания» и «Чтения». Это представление возникло у него после того, как он проследил зависимость «Чтения» от «Сказания чудес».¹⁶¹

Таким образом, проблема соотношения «Сказания» и «Чтения» требует дальнейшего исследования.

Рассмотрим описания убийства Бориса в летописи, «Сказании» и «Чтении».

Вот как описывается заключительная часть убиения Бориса в Лаврентьевской летописи, судя по всему, достаточно точно отразившей на данном отрезке Печерскую летопись¹⁶²:

(1) «и помолившюся ему · възлеже на одрѣ своем · и се нападоша акы звѣрье дивии около шатра · и насунуша и копыи · и прободоша Бориса»¹⁶³

¹⁶¹ С. А. Бугославский считал, что «Сказание» было написано раньше 1072 года, так как не упоминает о произошедшем в этом году перенесении мощей Бориса и Глеба. По убеждению исследователя, «изложив факт обретения мощей Глеба при Ярославе, автор Ск[азания] о Б[орисе] и Г[лебе] не мог не упомянуть о более выдающемся подобном церковном событии» [Бугославский 2007 (1940): 244]. Между тем ничто в «Сказании» не противоречит тому, что его автор знал о том, что мощи Бориса и Глеба были перенесены. С. А. Бугославский не поясняет, почему автор «Сказания» «не мог не упомянуть» об этом событии и почему для агиографа перенесение мощей должно было быть более важным событием, нежели обретение. Между тем все это не столь очевидно.

¹⁶² Рассказ об убиении Бориса не имеет серьезных различий в древнейших списках «Повести временных лет» и в Новгородской I летописи младшего извода. Вероятно, как предположил еще А. А. Шахматов, он примерно в таком же виде читался в Печерской летописи [Шахматов 1908: 30–32 (§§ 15–16)].

(2) и слугу его · падша на нем прободоша с нимь · бѣ бо се любимь Борисомь · бяше отрокъ съ родомь с(ы)нѣ Оугърескъ · именемь Георги · егоже любляше повелику Борисъ · бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику · в неже предъстояше пред нимь · и избѣша же и ины отроки Борисовы многы · Георгеви же сему не могуще вборзѣ · сняти гривны съ шиѣ · усѣкнуша главу его · и тако сняша [гривноу · а главою отвергоша проч]¹⁶⁴ и тѣмъже послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупи ·

(3) Бориса же оубивше оканьнии оувертѣвше в шатерь · възложивше на кола повезоша и · и еще дышюцю ему · оувѣдѣвше¹⁶⁵ же се оканьнии С(вя)тополкъ яко еще дышетъ · посла два Варяга прикончатъ его · онѣма же пришедшема [и видѣвшема] · яко и еще живъ естъ · единъ ею извлекъ мечъ пронъзе и къ с(ѣ)рд(ѣ)цю · и тако скончася бл(а)ж(е)нии Борисъ» (Лавр. 6523, л. 46 (стб. 133–134)).

В этом фрагменте можно выделить три неравных части: (1) описание ранения Бориса копьями в шатре (22 слова), (2) более подробное описание убийства его слуги Георгия (77 слов) и (3) описание убийства Бориса двумя варягами, специально посланными Святополком, узнавшим о том, что Борис еще жив¹⁶⁶ (52 слова).

¹⁶³ Разделение на абзацы и их нумерация арабскими цифрами за круглыми скобками здесь и ниже в тексте источников мои. – С. М.

¹⁶⁴ Слова, помещенные в квадратные скобки, отсутствуют в Лавр. Текст вставлен из Радз. В Ипатьевском списке Ипат.: «гривну ту · а главу отвѣргъше прочь», в Хлебниковском списке (Хлебн.) Ипат.: «гривну ту · главу отвѣргъше прочь». В НовГІмл: «отвергъша главу его прочь» (Комисс.), «отвергъ главу его прочь» (Акад.).

¹⁶⁵ В Радз., в Комисс. и Троицком списках НовГІмл – «увидѣвъ». В Ипат. «оувидивше». В Акад. НовГІмл «увидѣвше», Толстовском списке НовГІмл «уѣдѣвше».

¹⁶⁶ Отметим, что слова «Бориса же оубивше» следует переводить не как ‘убив же Бориса’ [Леже 1884: 113; Лихачев 1950: 291; Творогов 1997: 179; Лихачев 1999: 197], а как ‘ранив Бориса’ [Милютенко 2006: 144].

В тексте «Чтения» эпизод с добиванием Бориса двумя варягами вроде бы отсутствует, хотя вместо этого имеется мотив добивания «одним из губителей»:

- (1) «И они же, акы звѣрие дивии, нападоша на нь и внизоша во нь сулицы свои.
- (2) И се единъ отъ престоющихъ ему слугъ паде на немь, они же и того пронизоша,
- (3) и мнѣвъ же блаженаго мертва суца, изидоша вонъ.
- (4) Блаженный же воскочи, въ оторопѣ бывъ, изиде изъ шатра
- (5) и въздѣвъ на небо руцѣ, моляшеса, сице глаголя. <Молитва Бориса.>
- (6) Се же ему рекшу, единъ отъ губитель, притекъ, удари въ сердце его, и тако блаженный Борисъ предасть душу в руцѣ Божии,
- (7) мѣсяца июля въ 24 день» (Чтен., л. 99 б–99 г (с. 11)).

Таким образом, мы видим в «Чтении»: (1) краткое описание ранения Бориса (15 слов), (2) краткое описание ранения его слуги (15 слов), (3) упоминание о выходе убийц из шатра (8 слов), (4) упоминание о том, что Борис выбежал из шатра, (9 слов), (5) молитву Бориса (97 слов), (6) описание добивания Бориса и его смерти (21 слово), (7) указание даты смерти Бориса (5 слов).

В «Сказании» аналогичный фрагмент выглядит так:

- (1) «И абие узрѣ текущихъ къ шатру блистание оружия и мечное оцѣщение. И без милости прободено бысть чьстное и многомилостивое тѣло святааго и блаженааго Христова страсотърпца Бориса: насунуша копии оканьнии Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько.
- (2) Видѣвъ же, отрокъ его вържеса на тѣло блаженааго, рекий: “да не остану тебѣ, господине мой драгый, да идеже красота тѣла твоего увядаеть, ту и азъ съподобленъ буду съконеци животь свой”. Бяше же съ родъмь Угринь, имьнымъ же

Георгий, и бѣаше възложилъ на нь гривну злату, и бѣ любимъ Борисъмъ паче мѣры. И ту же и пронзоша.

(3) И яко бысть уранень, и искочи и шатъра въ оторопѣ.

(4) И начаша глаголати стояще округъ его: “что стоите зряще? Приступивъше, сконъчаимъ повелѣное намъ”.

(5) Си слышавъ, блаженный начать молитися и милъ ся имъ дѣяти, глаголя: “братия моя милая и любимая, мало ми время отдаите, да понѣ помолюся Богу моему”.

(6) И възрѣвъ на небо съ слъзами и горѣ въздъхнувъ, начать молитися сицими глаголы. <Молитва Бориса.¹⁶⁷>

(7) И възрѣвъ къ нимъ умиленама очима и спадъшемъ лицемъ, и въсь слъзами облиявъся, рече: “братие, приступивъше, съконъчайте службу вашу, и буди миръ брату моему и вамъ, братие”. Да елико слышаху словеса его, отъ слъзы не можаху ни словесе рещи, отъ страха же и печали горькы и мьногихъ слъзь; нь съ въздыханиемъ горькымъ жалостьно глаголааху и плакаахуся, и къждо въ души своей стонааше. “Увы намъ, кънъже нашъ милый и драгий и блаженный, водителю слѣпымъ, одеже нагымъ, старости жъзле, казателю ненаказанымъ! Кто уже си въся исправить, како не възхотѣ славы мира сего, како не възхотѣ веселитися съ чьстными вельможами, како не възхотѣ величия, еже въ житии семь? Къто не почюдится великууму съмирению, къто ли не съмѣрится, оного съмѣрение видя и слыша?”

(8) И абие усьпе, предавъ душу свою въ руцѣ Бога жива,

(9) мѣсяца июлия въ 24 днь, преже 9 каландѣ августа.

(10) Избиша же и отроки многы; съ Георгия же не могуще съняти гривны, и отсѣкъше главу, отъвъргоша и кромѣ, да тѣмъ и послѣдъ не могоша познати тѣла его.

(11) Блаженааго же Бориса обьртѣвъше въ шатъръ, възложивъше на кола, повезоша, – и яко быша на бору, начать въскланяти святую главу свою. И се увѣдѣвъ, Святоплѣкъ пославъ

¹⁶⁷ Содержание молитвы в «Сказании» не пересекается с молитвой Бориса в «Чтении».

два Варяга, и прободоста и мечьмь въ срьдце, и тако съкнь-
 чая» (Сказ., л. 11 г–12 г (с. 35–37)).

Этот текст оказывается еще длиннее и сложнее по структуре. Он состоит из описания (1) ранения Бориса (33 слова), (2) ранения Георгия (56 слов), (3) выбегания «его» из шатра (10 слов), (4) призыва убийц добить Бориса (13 слов), (5) просьбы Бориса о времени на молитву (25 слов), (6) молитвы Бориса (177 слов), (7) призыва Бориса к убийцам добить его и смиренной речи убийц (119 слов), (8) смерти Бориса (10 слов), (9) указания даты смерти Бориса (9 слов), (10) убийства слуг Бориса и отсечения главы Георгия (27 слов), (11) добивания Бориса двумя варягами и его смерти (36 слов).

Сопоставим все приведенные тексты (цифры в графах таблицы обозначают количество слов в каждом из выделяемых отрезков).

Таблица 12

Эпизоды		Летопись	«Чтение»	«Сказание»
1	ранение Бориса копьями	22	15	33
2	ранение слуги (Георгия)	(47+	15	56
3	выход убийц из шатра	-	8	ср. № 5
4	выбегание Бориса из шатра	-	9	ср. № 5
5	выбегание «его» из шатра	-	ср. № 4	10
6	призыв убийц добить Бориса	-	-	13
7	просьба Бориса о молитве	-	-	25
8	молитва Бориса	-	97	177
9	призыв Бориса к убийцам добить его и смиренная речь убийц	-	-	119
10	смерть Бориса	ср. № 13	ср. № 13	<u>10</u>
11	указание даты смерти Бориса	-	ср. № 14	9
12	убийство слуг Бориса, отсечение головы Георгия	+30) ¹⁶⁸	-	27
13	добивание Бориса и его смерть	52	21	<u>36</u>
14	указание даты смерти Бориса	-	5	ср. № 11

¹⁶⁸ В летописи описания убийства Георгия (№ 2) и отсечения главы Георгия (№ 12) – это единый текст.

Рассмотрим выявленные различия.

Во-первых, обращает на себя внимание ошибка в тексте «Сказания», где говорится, что после того, как убийцы пронзили Георгия, «яко бысть уранень, и искочи и шатъра въ оторопѣ» (фрагмент № 5 на таблице 12). Из последующего текста совершенно очевидно, что в данной фразе подразумевается, что из шатра выскочил Борис, а не Георгий. Прямым текстом это сказано в «Чтении»: «Блаженный же воскочи, въ оторопѣ бывъ, изиде изъ шатра». Несостыковку в тексте «Сказания» можно объяснить только тем, что автор этого жития контаминировал тексты «Чтения» (или памятника, сходного по содержанию с «Чтением») и летописи и, переходя от одного из своих источников к другому, по невнимательности исказил смысл.

Во-вторых, на таблице 12 видно, что внутрь рассказа об убийстве слуги Бориса – Георгия – в «Сказании» оказался вклинен большой «риторический» фрагмент, который состоит из молитвы и сопутствующих сюжетов. Все они имеют параллели в тексте «Чтения», где эпизод с Георгием сокращен. Между тем в летописи рассказ о Георгии един (см. фрагменты №№ 2 и 12 на таблице 12). Очевидно, автор «Сказания» поочередно использовал летопись и «Чтение» (или сходный с «Чтением» текст); следуя за «Чтением» во фрагментах №№ 3–11, со следующего эпизода он вернулся к воспроизведению летописи.

В-третьих, в «Сказании» дважды говорится о смерти Бориса. Как уже говорилось выше, описание убийства Бориса возле шатра в «Чтении» (фрагмент № 13) является переработкой летописного рассказа о добивании Бориса двумя варягами. Автор «Сказания» не понял, что в «Чтении» и в летописи рассказывается об одном и том же¹⁶⁹, поэтому он сначала передал версию «Чтения» (фрагмент № 10 в «Сказании» – смерть около шатра), а после – версию летописи (№ 13 – повторное убийство двумя варягами).

¹⁶⁹ На это обстоятельство не обращали внимания не только автор «Сказания», но и исследователи борисо-глебских текстов. Ср. [Шахматов 1908: 74–76 (§ 54); 83–85 (§ 59)].

Итак, «Сказание» использовало и летопись, и текст, сходный по содержанию с «Чтением». «Сказание» сначала следует тексту летописи (№№ 1–2), затем сходно с «Чтением» (№№ 3–11), а потом опять возвращается к использованию летописи (№№ 12–13).

Л. Мюллер предложил следующее объяснение двуслойности текста «Сказания». Он считает, что фрагменты «И без милости прободено бысть чьстьное и многомилостивое тѣло святааго и блаженнааго Христова страстотърпца Бориса: <...> Бяше же съ родьмь Угринь, имьньмь же Георгий, и бѣаше възложилъ на нь гривну злату, и бѣ любимь Борисьмь паче мѣры. И ту же и проньзоша. И яко бысть уранень» (№№ 1–3) и «Избиша же и отрокы многы <...> И се увѣдѣвъ, Святоплѣкъ пославъ два Варяга, и прободоста и мечьмь въ срьдце, и тако съконьчася» (№№ 12–13) в «Сказании» являются поздними вставками из летописи.¹⁷⁰ Как считает Л. Мюллер, эти вставки были инкорпорированы в первоначальный агиографический рассказ о Борисе и Глебе, который стал основным источником «Сказания». По мысли исследователя, автор «Сказания» использовал этот первоначальный текст практически целиком, дополнив его вставками из летописи. Вычлняя эти вставки в монолитное, по его мнению, повествование, Л. Мюллер реконструирует текст первоначального рассказа [Мюллер Л. 1959; 1962].¹⁷¹

Кроме предположения о наличии поздних вставок из летописи в рассказе об убийстве Бориса Л. Мюллер приводит еще несколько наблюдений в подтверждение своей реконструкции. По мнению исследователя, в рассказе «Сказания» о совещании Святополка с вышгородцами – убийцами Бориса, так же, как и в рассказе о самом убийстве, часть текста вставлена из летописи¹⁷².

¹⁷⁰ [Мюллер Л. 1956: 351–352; 1959: 316, 317, 319, 322].

¹⁷¹ См. выше схему 4.

¹⁷² [Мюллер Л. 1956: 353; 1959: 304–305].

Приведем параллельные тексты летописи, «Сказания» и «Чтения», выделив курсивом и ограничивая фигурными скобками предполагаемые Л. Мюллером вставки.

Таблица 13

	Летопись	«Сказание»	«Чтение»
1	«С(вя)тополкъ же сѣде в Киевѣ · по о(ть)ци своемъ · и созва Кыяны · и нача имѣние имъ даяти а они приимаху и не бѣ с(ь)рд(ь)це ихъ с нимъ яко братья ихъ быша с Борисомъ · Борису же возвратившюся с воины не обрѣтшю Печенѣгъ · вѣсть приде ему · яко о(ть)ць ти оум(ь)рль · и плакса по о(ть)ци велми · любимъ бо бѣ о(ть)ц(ь)мъ · паче всех ·	«Отшедшю же ему и не обрѣтшю супостатъ своихъ, възвратившюся въспять ему, – и се приде вѣстникъ къ нему, повѣдая ему отчю сѣмръть <...> <u>Идый же путьмъ</u> , помышляше о красотѣ и о добротѣ телесе своего, и слъзами разливаашеся въсь, и хотя удръжати – и не можаше. <...> <u>И поиде радьстьнъмъ</u> сьрдьцьмъ: не презри мене, рекый, Господи премилостиве, <u>уповающааго на Тя</u> , нь спаси душу мою”.	«И <u>отшедшю</u> же ему блаженому, умре отецъ его <...> Блаженный же Борисъ, яко же ркохъ, <u>отшоль</u> бѣ с вои на ратъныя и не вѣдше того всего. Ратъныи же, яко же услышаша блаженаго Бориса, идуща с вои, бѣжаша: не дерзнуца стати блаженому. Таче дошедъ, блаженный, умиривъ грады вся, възвратися вспяты. <u>Идущу же ему</u> , повѣдоша ему отца умерша, брата старѣйшаго Святополка сѣдша на столѣ отци. Блаженный же, яко слыша отца умерша, възрѣвъ на небо, помолися сице: <...> Яко Ты еси покой, воскресение <u>уповающимъ на Тя</u> , и Тебе славу всылаемъ въ вѣкъ”. Слышавъ же, яко братъ ему старѣйший на столѣ сѣдитъ отчи, <u>възрадovася</u> , рекый: “сий ми будетъ яко отецъ”. <u>Идыше же путемъ своимъ</u> , яко
2		{ <i>Святопѣлкъ же, сѣдя Киевѣ по отци, призвавъ Кыяны, многы дары имъ давъ, отпусти.</i>	

			овця незлобиво, не помышляше никоего же зла на брата своего.
3	и ста на Алтѣ пришедь · рѣша ему дружина от(ь)ня · се дружина оу тебе от(ь)ня и вои · поиди сяди в Киевѣ на столѣ от(ь)нѣ онъ же реч(е) не буди то мнѣ възнати руки на брата на старѣишаго · аще о(тѣ)ць ми оумре то сѣи ми будеть въ о(тѣ)ца мѣсто · и се слышавше вои и разиидошася от него · Борисъ же стояше съ отроки своими ·	¹⁷³	
4	С(вя)тополкъ же исполнися безакония · Каиновъ смыслъ примѣ · посылая к Борису гл(агол)я · яко с тобою хоцю · любовь имѣти · и к отню ти придамъ · лъстя под нимъ · како бы погубити ·	<i>Посла же къ Борису, глаголя: “брате, хочю съ тобою любовь имѣти и къ отню ти придамъ”. Лъстно, а не истину глаголя.</i>	Бѣ же немилосердый тѣ послалъ с лестию къ блаженому, хотя слышати отъ него глаголаная, нѣ ни тако обратися на милосердие къ брату своему, но мысляше, како или кымъ образомъ погубити и.
5	С(вя)тополкъ же приде ночью к Вышегороду · и отаи призва Путшю · и Вышегородьскыя боярьцѣ · и реч(е) имъ · прияете ли мнѣ всимъ	<i>Пришедь Вышегороду ночь, отай призва Путшю и Вышегородьскыѣ мужѣ и рече имъ: “повѣдите ми по истинѣ, приязньство имѣете ли къ мнѣ?”</i>	

¹⁷³ Рассказ об уходе дружины от Бориса читается в «Сказании» ниже.

	с(ь)рд(ь)ц(ь)мь · и реч(е) Путьша можемъ головы своѣ с Вышегородци положити	<i>Путьша рече: “вси мы можемъ главы своя положити за тя”.}</i>	
6		Видѣвъ же <u>дияволь</u> и искони ненавидѣя добра челоуѣка, <u>яко всю надежу свою на Господа положилъ есть святой Борисъ</u> , начать подвижнѣи биваати. И обрѣтъ, яко же преже Каина на братоубиство горяща, тако же и Святопѣлкъ, по истинѣ <u>вторааго Каина</u> , улови мысль его, яко да избьетъ вся наслѣдники отца своего, а самъ приметь единъ всю власть.	Видите ли, братие, немилосердие оканнаго? Видите ли <u>второ</u> раго немилосердие <u>Каина</u> явльшася? Мышлящю убо Каину, рече, како и кымъ образомъ погубить брата своего Авеля: не бяше бо тогда вѣдѣти, кымъ образомъ смерть биваетъ. И се яви ему <u>злодѣй врагъ</u> , въ ноци спящю, убиство. Вѣставъ же, увидѣвъ во снѣ, и тако уби брата своего Авеля. Тако же и сему тому подобно явися ему, мышлящю убо ему, како и кымъ образомъ погубить брата своего Бориса. И вложи зло си врагъ въ сердце его, да пославъ, на пути погубить и.
7		Тгда призъва къ себе оканный трѣклятый Святопѣлкъ свѣтъники всему злу и началники всеи неправдѣ, и отъвързь пресквърнныя уста, рече, испусти злый гласъ	Он же то посла слугы своя погубити, избра мужа неистовыя, посла на блаженнаго Бориса, рекъ имъ:

8		{Путьшинъ чади: “аще убо главы своя обѣцаетея положити за мя,}	
9	он же рче имъ не повѣдите никомуже · <u>шедше оубиите брата моего Бориса</u> ·	<u>шедше</u> убо, братия моя, отай, кѣде обрящите брата моего Бориса, съмотрыше время, <u>убиите</u> и”.	“нападше на него ношцию, погубите и, и аще кто противится вамъ, то и тыя погубите съ нимъ”».
10	они же въскорѣ <u>обѣщашася ему створити се</u> ·	И <u>обѣщашася</u> ему тако <u>створити</u> .	
11	о сяковыхъ бо Соломонъ реч(е) · скоры суть бес правды проляяти кровь · <...> неч(ь)стѣемъ бо свою д(у)шю емлють».	{О <u>таковыхъ бо рече пророкъ: “скори суть кровь проляяти бес правды <...> нечисти-емъ свою душу обиемлють”}</u> ».	
	Ипат. 6523, л. 49 об.–50 (стб. 118–119) ¹⁷⁴	Сказ., л. 9 а–10 г (с. 28–32)	Чтен., л. 95 б–97 а (с. 7–9)

Исходя из приведенного сопоставления, можно выделить три типа фрагментов. Первые (№№ 1–2, 4, 9) отражены и в летописи, и в «Сказании», и в «Чтении»; вторые (№№ 5, 10–11) – только в летописи и «Сказании»; третьи (№№ 6–7) – только в «Сказании» и «Чтении».¹⁷⁵

Следует отметить, что различия между параллельными текстами «Сказания» и летописи везде одинаковы – и во фрагментах, которые Л. Мюллер возводит к прото-«Сказанию» (см. №№ 9–10), и в поздних «вставках» (см. №№ 2, 4–5, 11). И в тех и в других случаях автор «Сказания» пересказывает летопись близко к тексту. Это

¹⁷⁴ Ср. Лавр. 6523, л. 45–45 об. (стб. 132–133); Радз. 6523, л. 74–75; НовгІмл 6523, л. 75–76 (с. 169–170).

¹⁷⁵ Не учитываем фрагмент № 3, параллель к которому имеется в «Сказании» ниже, и фрагмент № 8, очевидно, вставленный автором «Сказания» для согласования перехода от одного источника к другому.

наблюдение делает гипотезу Л. Мюллера крайне маловероятной. Очевидно, что его реконструкция требует серьезной корректировки.

Почти все отсутствующие в летописи фрагменты «Сказания» (№№ 6–7) Л. Мюллер возводит к первоначальному виду «Сказания», не обращая внимания на то, что весь этот текст оказывается близок «Чтению» (см. №№ 1, 6).

Итак, Л. Мюллер вообще не учитывает «Чтение» в своих построениях. Между тем все несостыковки «Сказания» можно объяснить, не прибегая к реконструкции недошедшего до нас прото-«Сказания», так как составитель «Сказания» мог непосредственно использовать «Чтение» как ориентир для описания мученического подвига Бориса и Глеба, как предположил еще А. А. Шахматов. Таким образом, гипотеза Л. Мюллера представляется неверной.¹⁷⁶

Предполагаемые Л. Мюллером «вставки» из летописи в тексте «Сказания» могут объясняться сменой ориентира: как уже отмечалось, автор «Сказания» мог поочередно обращаться к своим источникам. При этом очевидно, что он совершенно по-разному относился к лежавшим перед ним текстам. Летопись, вероятно, воспринималась им как достоверное описание событий, в «Чтении» же (или в сходном с ним по содержанию тексте) он видел агиографическую легенду, не сообщающую новых фактов, но дающую их религиозную интер-

¹⁷⁶ Вслед за Д. В. Айналовым [1910: 41–42] Л. Мюллер считает, что реконструируемая им агиографическая легенда (источник «Сказания») была первоначально написана по-гречески. Основанием для этого исследователь считает ряд нелогичных, по его мнению, слов и выражений «Сказания», «ошибок переводчика» [Мюллер Л. 1956: 357–359] и «гречизмов» [Мюллер Л. 1956: 359–361]. Между тем, прежде чем обосновывать их греческое происхождение, необходимо показать невозможность их появления в исконно славяноязычном тексте, чего Л. Мюллер не делает. Ср., например, построения Л. Мюллера [1956: 358] по поводу фразы «не пожънѣте класа не оу же съзръвъша, нѣ млеко безълюбиа носяща» и разбор того же фрагмента «Сказания» в работе Н. В. Пак [2007: 405]. (Ср. также критику Д. В. Айналова С. А. Бугославским [2007 (1940): 303, прим. 70].)

претацию, очень важную для создателя нового жития святых братьев. Поэтому автор «Сказания» использовал свои источники различным образом: из летописи он брал в первую очередь описание событий, а из жития – «риторику и лирику» (по выражению А. А. Шахматова).

При переходе от одного источника к другому автор «Сказания» зачастую напоминал читателям о том, о чем уже сообщалось в его источнике выше. Так, в конце фрагмента № 1 в соответствии с параллельным текстом «Чтения» говорится, что Борис уповал на Бога, далее во фрагментах №№ 2, 4–5 агиограф следует за летописью, а в начале фрагмента № 6 читаем: «яко вьсю надежду свою на Господа положиль есть святыи Борись». В свою очередь в конце фрагмента № 5, как и в летописи, рассказывается о том, как вышгородцы во главе с Путьшей согласились помогать Святополку, затем следуют фрагменты №№ 6–7, текст которых сходен с «Чтением», а во фрагменте № 8 Святополк говорит «Путьшинѣ чади: “аще убо главы своя обѣщастея положити за мя <...>”». В обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же приемом, использованным как при возвращении к цитированию автором «Сказания» летописи, так и при смене его ориентира на житийный памятник.

Итак, я показал, что автор «Сказания» использовал кроме летописи либо Несторово «Чтение», либо текст, сходный с «Чтением». Для выбора одного из этих двух вариантов у нас, к сожалению, нет никаких источниковедческих оснований. Теоретически нельзя исключать, что существовало какое-то раннее житие Бориса и Глеба, ставшее общим источником «Чтения» и «Сказания». Между тем это житие, судя по всему, было не старше первоначального летописного рассказа о Борисе и Глебе. Как уже отмечалось, еще А. А. Шахматов подчеркивал, что «[л]етописное сказание полно определенных фактов; риторики в нем мало; в сущности, риторика прорвалась только в предсмертном причитании Глеба. Мы знаем ценность сообщаемых нашей летописью фактов; если летописец умел так или иначе представить длинный ряд событий X и XI века, то естественно ему же приписать занесение на письмо фактов, относящихся к убийству Бо-

риса и Глеба; факты эти согласованы с другими, сообщенными им раньше и появляющимися у него позже» [Шахматов 1908: 33 (§ 18)]¹⁷⁷. В свою очередь Н. И. Милютенко отметила, что Борис и Глеб почти не называются святыми или блаженными в тексте летописи. «Невероятно, чтобы кто-то, составляя рассказ для летописи на основе житийных памятников, заботливо вымарал из него все именованя Бориса и Глеба святыми», – считает Н. И. Милютенко [2006: 167].

Таким образом, наиболее вероятно, что первый письменный текст о гибели Бориса и Глеба уже был включен в рамки летописного нарратива.

Выводы

Итак, самый древний письменный текст, который поддается реконструкции на основании сопоставления сведений летописи и борисо-глебских житий, судя по всему, описывал событийную сторону гибели Бориса и Глеба так же, как и дошедшие до нас летописи. Первоначальная повесть об убиении Святополком Бориса и Глеба без серьезных изменений в своей фактической части дошла до нас в летописях, восходящих к Печерской летописи и «Повести временных лет».

Рассказы об убийстве Бориса и Глеба в древнерусских борисо-глебских житиях, тесно связанные друг с другом текстуально, восходят к летописной повести.

Нестор, автор «Чтения о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глѣба», заимствовал событийную канву летописной повести конца XI – начала XII века, однако сокращал специфические восточнославянские фактические подробности рассказа о гибели Бориса и Глеба, а также достаточно вольно изменял данные своего источника для того, чтобы произведение соответствовало агиографическому канону.

¹⁷⁷ Ср. [Шахматов 1908: 473–476 (§ 260)].

«Съказание и страсть и похвала святуую мученику Бориса и Глѣба» повторило летописные данные значительно ближе к оригиналу, расширив повествование пространными отступлениями, основанными во многом на другом борисо-глебском житии (возможно, на Несторовом «Чтении»). Различающиеся летописная и житийная версии описания событий были контаминированы автором «Сказания».

1.3. Реконструкция первоначального рассказа о событиях 1015–1019 годов

Перейдем к внутренней критике текстов Начальной летописи для выяснения предыстории дошедшего до нас повествования о междоусобице Владимировичей.

Как отмечает А. А. Гиппиус, ««[с]ложный» древнерусский текст, подобно геологической породе, включает в себе в конденсированном виде информацию о всех этапах его сложения; и адекватная реконструкция истории такого текста качественно преобразует возможности использования текста как исторического, лингвистического и литературного источника» [Гиппиус 2006б: 6].

Метод внутренней критики применительно к древнерусским летописям разработан в первую очередь трудами А. А. Шахматова, М. Х. Алешковского и А. А. Гиппиуса. Исследователи, стремившиеся к реконструкции древнейших пластов начального летописания, выявили ряд особенностей текста летописи, которые свидетельствуют о его трансформации.

Так, признаком изменений является наличие повторов фраз или частей фраз. Обычно такие повторы появлялись при редакции, когда в летопись производились вставки. После нового фрагмента редакторы имели обыкновение повторять последнюю фразу, которая имела в первоначальном тексте непосредственно перед вставляемым фрагментом [Алешковский 1971: 66].

Другой особенностью, свидетельствующей о трансформации текста, является разрыв единого повествования, а иногда и цельных

фраз. Подобные несоответствия также часто возникали в результате вставок.¹⁷⁸

Еще одним – уже отмечавшимся выше – признаком трансформации первоначального текста является наличие в летописи хронологической сетки и тематических подзаголовков (например, «Начало княженья Святославля», «Начало княжения Володимеря»), которые почти всегда соседствуют с заголовками годовых статей.

Дополнительным способом выявления трансформации текста является лингвистический анализ. Как показал А. А. Гиппиус [2001; 2007], более ранние и более поздние пласты Начальной летописи выделяются в лексическом, синтаксическом и стилистическом отношениях.

Идеологические, композиционные, грамматические, формально-лингвистические признаки трансформации летописного текста могут встречаться и вместе и по отдельности.

Одним из хрестоматийных примеров явной вставки в Начальной летописи является ряд пустых или предельно кратких годовых статей, разорвавший рассказ о том, как князь Игорь взял с древлян дополнительную дань:

«Игорь же съдѣше в Киевѣ княжа, и воюя на Древяны и на Угличѣ. И бѣ у него воевода, именовъ Свѣнделдъ; и примучи Углѣчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣнделду. И не вдадѣшется единъ град, именовъ Пересѣчень; и сѣде около его три лѣта, и едва взя. И бѣша сѣдѣще Углицѣ по Днѣпру вѣнизъ, и посемъ приидоша межи Бѣ[гъ] и Днѣстръ, и сѣдоша тамо. И дасть же дань деревъскую Свѣнделду, и имаша по чернѣ кунѣ от дыма. И рѣша дружина Игоревѣ: “се даль еси единому мужевѣ много”. {*Посем скажемъ въ преключившихся лѣтех сих. В лѣто 6431. В лѣто 6432. В лѣто 6433. В лѣто 6434. В лѣто 6435. В лѣто 6436. В лѣто 6437. В лѣто 6438. В лѣто 6439. В лѣто 6440. В лѣто 6441. В лѣто 6442. В лѣто 6443. В лѣто 6444. В лѣто 6445. В лѣто 6446. В лѣто 6447. В лѣто 6448. В се лѣто яшася Уличи по дань Игорю, и Пересѣчень взят бысть.*

¹⁷⁸ См. [Шахматов 1908: 3–5 (§ 1²); Алешковский 1976].

В се же лѣто дасть дань на них Свѣнделду. В лѣто 6449. В лѣто 6450. Вѣдасть дань деревьскую Свѣнделду тому же. В лѣто 6451. В лѣто 6452. В лѣто 6453. В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревѣ:} “отрочи Свѣнльжи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы нази; а поиди, княже, с нами на дань: а ты добудеши, и мы”. И послуша их Игорь, иде в данѣ, и насиляше имъ и мужи его; и возмя дань, поиде въ свои град» (НовГлмл 6430–6453, л. 31–31 об. (с. 109–110)).

Здесь мы видим следующие признаки вставки: (1) повтор фразы «рѣша дружина Игоревѣ» в конце вставленного фрагмента, (2) разрыв цельного повествования о сборе дани, (3) вставку погодной сетки после фразы «Посем скажемъ въ преключившихся лѣтех сих», (4) языковое новшество (см. подчеркнутые фрагменты): форма «рѣша» продублирована редактором в статье 6553 года при помощи формы «рекоша», отсутствовавшей в Древнейшем сказании.¹⁷⁹ Реконструируемая вставка выделена в приведенной выше цитате курсивом и ограничена фигурными скобками.

В данном разделе я рассмотрю летописный рассказ о междоусобице Владимиричей, стараясь выявить в нем более поздние и более ранние слои.¹⁸⁰

«Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци»

Еще А. А. Шахматов в процессе работы над реконструкцией текстов древнейших летописей выявил ряд вставок в повествовании о последних годах княжения Владимира Святославича и о первых годах после его смерти.

Вставка № 1. Согласно реконструкции А. А. Шахматова, в сводах, предшествующих Печерской летописи, отсутствовали годовые

¹⁷⁹ Подробнее о данной вставке см. [Шахматов 1908: 543–544; Алешковский 1971: 64; Творогов 1976: 19–20; Гиппиус 2001: 156–159].

¹⁸⁰ Данный раздел является расширенным вариантом тезисов [Михеев 2008в].

статьи 6505–6521 годов и заголовок «В лѣто 6522» [Шахматов 1908: 570, 616]. Статья 6522 года начинается в дошедших до нас летописях со слов «Ярославу же живущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающе дань Кыеву»¹⁸¹, что может свидетельствовать о прежнем единстве этого текста с окончанием статьи 6504 года: «живущу ему съ князи его окольними с миромъ: с Болеславомъ Ляцьскимъ, Степаномъ Угорьскимъ, съ Андрѣхломъ Чьшьскимъ; и бѣ миръ межи ими и любовь. <...> И живяще Володимиръ по устроению божию и дѣдню и отъню»¹⁸².

Вставка № 2. Заголовок летописной статьи «В лѣто 6523» также имеет явный характер вставки. Следующие за ним слова «хотящю ити на Ярослава Володимиру» являются повторением фрагмента последней фразы предыдущей годовой статьи: «И рече Володимиръ: “требите путь и мосты мостите”; хотящеть бо поити на Ярослава, сына своего; абие разболѣся»¹⁸³.

Вставка № 3. Вставной характер имеет и фраза «в се же время бѣше оу него (у Владимира – С. М.) Борисъ · Печенѣгом идущемъ на Русь · посла противу имъ Бориса · а самъ бо боляше велми»¹⁸⁴. Ее окончание повторяет содержащееся выше сообщение о болезни Владимира [Шахматов 1908: 617].¹⁸⁵

¹⁸¹ НовГІмл 6522, л. 74 об. (с. 168); ср. Лавр. 6522, л. 44 об. (стб. 130); Ипат. 6522, л. 48 об. (стб. 114); Радз. 6522, л. 73.

¹⁸² НовГІмл 6504, л. 74 (с. 167); ср. Лавр. 6504, л. 43 об.–44 (стб. 126–127); Ипат. 6504, л. 47 об. (стб. 111–112); Радз. 6504, л. 71. Ср. [Петрухин 2008: 168].

¹⁸³ НовГІмл 6522–6523, л. 74 об. (с. 168); ср. Лавр. 6522–6523, л. 44 об. (стб. 130); Ипат. 6522–6523, л. 48 об. (стб. 115); Радз. 6522–6523, л. 73. Данную вставку отмечали А. А. Шахматов [1908: 617] и М. Х. Алешковский [1971: 66].

¹⁸⁴ Лавр. 6523, л. 44 об. (стб. 130), ср. Ипат. 6523, л. 48 об. (стб. 115); Радз. 6523, л. 73.

¹⁸⁵ Отметим также, что содержание вставки про Бориса и печенегов не связано напрямую с рассказом о переходе власти к Святополку.

Вставка № 4. Еще одной вставкой, вероятно, является сообщение о точной дате смерти Владимира Святославича: «скончася мѣсяца июля въ 15 день. Умершю же ему...»¹⁸⁶, потому что за датой здесь также следует повтор¹⁸⁷.

Вставка № 5. Очередной повтор связан с двукратным упоминанием о начале княжения Святополка. Первый раз о нем говорится непосредственно перед рассказом об убиении Бориса, Глеба и Святослава: «Святополкъ съде в Киевѣ по отци, и съзва кыянѣ и нача даяти имѣние имъ»¹⁸⁸. После пространного повествования о гибели братьев от рук Святополка в летописи читается следующий текст: «С(вя)тополкъ же оканныи нача княжити Кыевѣ · созвавѣ люди нача даяти овѣмъ корзна · а другыи кунами · и раздая множество»¹⁸⁹.

Отмечая эту «явную сшивку в начале княжения Святополкова», С. М. Соловьев высказал догадку, что «об убиении св. Бориса и Глеба вставлено особое сказание в летопись» [Соловьев 1988 (1853): 104]. Развивая соображение С. М. Соловьева, А. А. Шахматов предположил, что в тексте Древнейшего свода о начале княжения Святополка упоминалось лишь один раз в следующей редакции: * «Святопѣлкѣ же съде Кыевѣ по отьци своемъ, и съзва Кыяны и нача даяти имѣ имѣние, овѣмъ кързна, а другымъ кунами, и раздая мьножьство» [Шахматов 1908: 571].

Между тем А. А. Шахматов – в отличие от С. М. Соловьева – считал, что в первоначальной версии летописного текста рассказ об убиении Бориса, Глеба и Святослава все же читался и располагался

¹⁸⁶ НовГІмл 6523, л. 74 об. (с. 168–169); ср. Лавр. 6523, л. 44 об.–45 (стб. 130); Ипат. 6523, л. 48 об.–49 (стб. 115); Радз. 6523, л. 73.–73 об.

¹⁸⁷ [Шахматов 1908: 401 (§ 221¹), 570].

¹⁸⁸ НовГІмл 6523, л. 75 (с. 169); ср. Лавр. 6523, л. 45 (стб. 132); Ипат. 6523, л. 49 об. (стб. 118); Радз. 6523, л. 74.

¹⁸⁹ Лавр. 6523, л. 48 (стб. 140); ср. Ипат. 6523, л. 52 об. (стб. 126); Радз. 6523, л. 79.

непосредственно после сообщения о вокняжении Святополка [Шахматов 1908: 571–575]. Никакой аргументации в пользу этой точки зрения А. А. Шахматов не приводил. Рассмотрим рассказ об убиении Бориса и Глеба, чтобы понять, присутствовал ли он в первоначальном тексте летописи.

Во-первых, догадку С. М. Соловьева подкрепляет то обстоятельство, что, как было показано выше, дублировки, сходные с отмеченным историком удвоением сообщения о начале княжения Святополка, в составе Начальной летописи обычно маркируют собой вставки.

Во-вторых, рассказ об убиении Бориса, Глеба и Святослава, как и отмеченные выше вставки №№ 2 и 3, разрывает монолитное повествование о борьбе Ярослава и Святополка за Киев.

В-третьих, как отметил С. М. Соловьев [1988 (1853): 104], перед первым сообщением о начале княжения Святополка в летописях имеется заголовок «О убиении Бориса и Глѣба»¹⁹⁰, очевидно, вставленный летописцем последней трети XI века.

В-четвертых, А. А. Гиппиус [2001: 168] обратил внимание на имеющуюся внутри рассказа об убийстве Бориса форму «рекъ», несвойственную Древнейшему сказанию: «Святополкъ оканныи помысли в себѣ, рекъ: “се, уже убих Бориса; како бы погубити Глѣба”»¹⁹¹. По мнению исследователя, этот факт свидетельствует о том, что первоначальный текст летописи доходил лишь до времени Владимира Святославича. Между тем более обоснованным объяснением кажется отнесение к позднему слою лишь повести об убиении Бориса, Глеба и Святослава, а не всего рассказа об усобице 1015–1019 годов.

¹⁹⁰ НовГІмл 6523, л. 75 (с. 169); ср. «О оубьеньи Борисовѣ» (Лавр. 6523, л. 45 (стб. 132); ср. Радз. 6523, л. 74). В Ипат. данный заголовок отсутствует.

¹⁹¹ НовГІмл 6523, л. 77 (с. 172); ср. Лавр. 6523, л. 46 об. (стб. 135); Ипат. 6523, л. 51 (стб. 122); Радз. 6523, л. 76.

В-пятых, А. А. Горский обратил внимание на диссонанс между описанием убийств, инспирированных Ярославом и Святополком в ходе междоусобицы: «если Святополк получает крайнюю степень осуждения, то убийства, совершенные Ярославом, подаются в том же тоне, что и аналогичные деяния князей-язычников» [Горский 2001: 99]. Исследователь объяснил это тем, что осмысление трагедии Бориса и Глеба в духе заповеди «не убий» произошло уже в середине – третьей четверти XI века, то есть тогда же, когда на Руси была отменена кровная месть, и тогда же, когда начинают проследиваться «факты отказа от убийства у людей, в целом не склонных к воздержанию от насилия» [Горский 2001: 100].

Таким образом, очевидно, что весь рассказ об убийстве Бориса и Глеба, как и считал С. М. Соловьев, является вставкой в изначально монолитное повествование о переходе власти от Владимира к Святополку, а затем – к Ярославу. В исходном тексте последовательно говорилось (1) об отказе Ярослава давать дань отцу в Киев, (2) о желании Владимира идти на Ярослава, (3) о том, что Ярослав послал за море за варягами, (4) о смерти и похоронах Владимира, (5) о начале княжения Святополка, (6) об избиении варягов в Новгороде, (7) о сборах Ярослава в поход на Святополка, (8) о Любечской битве, (9) о начале княжения Ярослава. Дальше, возможно, описывалось противостояние Ярослава с Болеславом.

Вставка № 6. После рассказа об уходе Болеслава из Киева в 1018 году в «Повести временных лет» говорится о начале княжения Святополка и кратко сообщается о его поражении от Ярослава. Затем в статье 6527 (1019) года подробно описывается неудачная для Святополка битва на реке Альте¹⁹², последовавшее бегство и смерть Святополка в далеких краях.

¹⁹² Река Альта – правый приток левого притока Днепра реки Трубеж. На месте слияния Трубежа и Альты стоит Переяславль Русский (или Южный). Альта течет с севера на юг.

Прочитируем интересующее нас повествование:

«и поиде Ярославъ на С(вя)тополка · и побѣди Ярославъ С(вя)-тополка · и бѣжа С(вя)тополкъ · въ Печенѣгы ·:· {В лѣт(о) ·6527· Приде С(вя)тополкъ с Печенѣгы в силѣ тяжьць и Ярославъ собра множество вои · и взиде противу ему на Альто · Ярославъ же ста на мѣстѣ · идеже оуби[ша] Бориса · и въздѣвъ руцѣ на н(е)бо и реч(е) · кровь брата моего вопиеть к тобѣ вл(а)д(ы)ко · мьсти от крови правѣднаго сего · якоже мьстиль еси от крови Авелевы · положи въ на Каинѣ стѣнанье и трясение · тако положи на семь · и помолился рекъ · брата моя · аще есте отсюду тѣломъ отошла · то м(о)л(и)твою помозита ми · на противнаго сего оубищю гордаго и се ему реку · и поидоша противу собѣ · и покрыша поле Лядское · обои от множества вои · бѣ же пяток · тогда възходящю с(ъ)лн(ъ)цю и совокупишася обои · и быс(ть) сѣча зла акаже не была в Руси · и за роуки емлюще сѣчахуся · и сосупишас(я) трижды · яко по оудольемъ кровь течаще · и къ вечеру одолѣ Ярославъ · а С(вя)тополкъ бѣжа · бѣжающе же ему и нападе на нь бѣсъ · и раслабѣша кости его и не можаше сѣдѣти на кони · и ношахуть и въ носилахъ · и принесоша и к Берестью · бѣгающе с нимъ он же гла(гола)ше побѣзнете со мною · женуть по насъ · отрочи же его посылаху противу · егда кто поженеть · по немъ · и не бѣ никого же въ слѣдъ женущаго · и бѣжаху с нимъ · онъ же в немоци лежа · и възхавиися гла(гола)ше · осе женуть · оно женуть · побѣзнете · и не можаше стерпѣти на единомъ мѣстѣ · и пробѣже Лядскую землю гонимъ гнѣвомъ Б(о)ж(и)мъ · и пробѣже пустыню межю Чяхы и Ляхы · и ту испровѣрже животь свои злѣ · его же и по правдѣ яко неправѣдна · суду пришедшу · по отишествии сего свѣта · прияша муки сего оканьнаго · С(вя)тополка · показываше · явѣ посланая пагубная рана · въ с(ъ)м(ъ)ртъ нем(и)-л(ос)т(и)вно възна · и по с(ъ)м(ъ)рти вѣчно мучимъ есть · и связанъ есть же могила его в пустыни тои и до сихъ д(ъ)ни · исходит же от неи смрадъ золь · се же Б(о)гъ показа на показание княземъ Рускымъ · да аще сице же створять се слышавше · ту же казнь примуть · но больши сея · понеже се вѣдуще бывшее · створити такое же зло братоубиство ·7· бо мьстии прия Каинъ · оубивъ Авѣля · Ламехъ ·70· понеже бо Каинъ не вѣды мьщяния прияти от Б(о)га · а Ламехъ вѣды казнь бывшую · на прародителю ег(о) створи оубиштво · рече

бо Ламехъ своима женама · мужа оубихъ въ вредъ мнѣ · и оуношоу въ язвоу мнѣ · тѣм же реч(е) · 70 · мьстиши на мнѣ · понеже рече вѣдая створихъ се · Ламехъ оуби · 2 · брата Енохова · и поя собѣ женѣ его · сѣи же С(вя)тополкъ · новы [Авимелехъ]¹⁹³ иже ся родилъ · от прелюбодѣанья · иже изби брат(ь)ю свою с(ы)ны Гедеоновы · тако и съ быс(ть) · Ярославъ же пришедь съде в Киевѣ · оутерьъ пота с дружиною своею · показавъ побѣду и трудъ великъ» (Ипат. 6526–6527, л. 54–55 (стб. 131–133))¹⁹⁴.

Ряд обстоятельств заставляет видеть в выделенном выше курсивом и ограниченном фигурными скобками рассказе о битве на Альте и о гибели Святополка вставку в первоначальный летописный текст.

Во-первых, рассказ о битве на Альте начинается после заголовка годовой статьи. Такие заголовки, как уже отмечалось, часто маркируют вставки в тексте Начальной летописи.

Во-вторых, в рассказе о битве на Альте встречается форма «рекь».

В-третьих, в рассказе о битве на Альте упоминается убийство Бориса, описание которого, как было показано выше, является поздней вставкой в составе летописи.

В-четвертых, в конце статьи 6526 года не говорится, что Ярослав сел в Киеве, хотя летописец обыкновенно не забывает упомянуть о начале правления князя в Киеве после рассказа о его победе

¹⁹³ Из Лавр. В Ипат. и Радз. ошибочно: «Ламех».

¹⁹⁴ Ср. Лавр. 6526–6527, л. 49–49 об. (стб. 144–146); Радз. 6526–6527, л. 81 об.–83.

над предшественником¹⁹⁵. Сообщение о начале княжения Ярослава мы видим лишь после рассказа о битве на Альте и о смерти Святополка. Только при изъятии предполагаемой вставки получаем цельный и ясный текст. Судя по всему, фраза «Ярославъ же пришедь сѣде в Киевѣ», неуместно звучащая после полного назидательной риторики рассказа о смерти Святополка, должна следовать сразу за словами «и побѣди Ярославъ С(вя)тополка · и бѣжа С(вя)тополкъ · въ печенѣгы».

Наконец, в-пятых, рассказы о битве на Альте и о смерти Святополка содержат крайне мало фактической информации, представляя собой набор нравоучительных цитат, что несвойственно древнейшему ядру летописи.

А. С. Орлов, рассмотревший набор формул, использовавшихся в древней Руси в рассказах о битвах, выделил среди прочих формулы (1) изображения многочисленности войск [Орлов 1902: 16–18], (2) «соступишася... и бысть сѣча зла»¹⁹⁶ [Орлов 1902: 11–12], (3) «за руки емлюще ся сѣчаху» [Орлов 1902: 12], (4) «кровь лилась по удолиям» [Орлов 1902: 21–22].

Таким образом, как будто бы единственной реальной подробностью описания битвы на Альте остается сообщение о том, что она случилась в пятницу.

¹⁹⁵ Ср. НовГІмл 6488, л. 44 об. (с. 128) = Лавр. 6488, л. 25 (стб. 79) = Ипат. 6488, л. 31 об. (стб. 67) = Радз. 6488, л. 44 об. (вокняжение Владимира); НовГІмл 6524, л. 79 об. (с. 175) = Лавр. 6524, л. 48 об. (стб. 142) = Ипат. 6524, л. 53 об. (стб. 129) = Радз. 6524, л. 80 об. (вокняжение Ярослава после Любечской битвы). Ср. также упоминавшееся выше двукратное сообщение о вокняжении Святополка после смерти Владимира.

¹⁹⁶ Иногда, по замечанию А. С. Орлова, данная формула в сочетании с указанием на то, кто победил в битве, составляет все описание сражения.

Как отметил М. Х. Алешковский, «описание Альтской битвы все заполнено такими штампами и этикетками, все здесь имеет свое значение, и не деловое, конкретное, а мистическое, символическое: битва по неисповедимому стечению обстоятельств произошла на месте убийства Бориса, и это случилось как раз в день убийства, причем именно в пятницу <...> В пятницу распяли Христа, и этот факт, вероятно, воодушевлял русских воинов во время битвы, ведшейся как бы с врагами Христа. Не было страшно и умереть в день смерти Христа. Битв происходивших по пятницам, настолько много, что один историк принял слово “пяток” (пятница) за обозначение боевого порядка, исключительно присущего только русским войскам, якобы сражавшимся боевым строем в виде римской цифры V. Итак, по-видимому, летописец не знал ни одной живой подробности Альтской битвы и потому воспользовался штампами, этикетками как единственно возможной и доступной ему заменой конкретных деталей» [Алешковский 1971: 100–101].

В свою очередь И. Н. Данилевский обратил внимание на то, что в рассказе о смерти Святополка имеются отсылки к нескольким библейским текстам [Данилевский 2004: 67–70]. Приводим их по возможности по Острожской Библии (в круглых скобках во всех библейских цитатах даются соответствия из Септуагинты):

«Аще же и симъ не послушаете мене, и поидете къ мнѣ страшною и азъ поиду противу вамъ въ ярости съ рвениемъ и накажу вы азъ седмижды грѣхъ ради вашихъ <...> и разсыплю вы въ языки и потребить вы приходяи мечемъ, и будетъ земля ваша пуста, и гради ваши будутъ пусты. И вы будете въ земли врагъ вашихъ <...> И оставльшимъ отъ васъ вложу страхъ въ с(ь)рд(ь)ца ихъ, въ земли врагъ ихъ, и поженеть ихъ гласъ листа летяща и пробѣгнуть яко бѣжащии отъ рати, и падуть никимже гоними, и презреть братъ брата аки на рати никимже гоними и не възможете супротивитися врагомъ вашимъ. И погибнете въ странахъ (καὶ πεσοῦνται οὐθενὸς διώκοντος καὶ ὑπερόψεται ὁ ἀδελφὸς τὸν ἀδελφὸν ὡσεὶ ἐν πολέμῳ οὐθενὸς κατατρέχοντος καὶ οὐ δυνήσεσθε ἀντιστῆναι τοῖς ἐχθροῖς ὑμῶν καὶ ἀπολείσθε ἐν τοῖς ἔθνεσιν), истребить вы земля врагъ вашихъ, и оставшии отъ васъ

истлѣют за грѣхи их и за грѣхи о(ть)ць ихъ, въ земли враг ихъ истлѣють» (Острожская Библия, Лев 26: 27–28, 33, 36–39 (л. 58–58 об.)).¹⁹⁷

«Бѣгаеть нечестивыи ни единому же гонящу (φεύγει ἀσεβῆς μηδενὸς διώκοτος), праведныи же яко левъ надѣяся. <...> Мужа иже въ винѣ см(е)ртнѣ выручая и бѣжа будетъ, а не оутверждень» (Острожская Библия, Притч 28: 1, 17 (л. 39 об.)).

[Антиох IV Епифан] «приказал правящему колесницею непрестанно погонять и ускорять путешествие, тогда как небесный суд уже следовал за ним. <...> и несен был на носилках (ἐν φορείῳ παρεκομίζετο), показуя всем явную силу Божию, так что из тела нечестивца во множестве выползали черви и еще у живого выпадали части тела от болезней и страданий; смерд же зловония от него невыносим был в целом войске (ὑπὸ δὲ τῆς ὀσμῆς αὐτοῦ πάν τὸ στρατόπεδον βαρύνεσθαι τὴν σαπρίαν). И того, который незадолго перед тем мечтал касаться звезд небесных, никто не мог носить по причине невыносимого зловония. <...> Так этот человекоубийца и богохульник, претерпев тяжкие страдания, какие причинял другим, кончил жизнь на чужой стороне в горах самую жалкою смертью» (2 Мак 9: 4, 8–10, 28).

Рассказ о смерти Антиоха IV имеется также в хронографах. Между тем И. Н. Данилевский отметил, что сообщение о кончине Антиоха в «Хронике» Георгия Амартола менее подробно, чем в Библии: в «Хронике» отсутствует упоминание о ношении Антиоха на

¹⁹⁷ Ср.: «Аще симъ не накажете ся · но поидѣте ко мнѣ странъ · и поиду и азъ къ вамъ странъ · и побую вы · 7 · жды грѣхъ дѣля вашихъ · и наведу на вы мечъ · мстяи суда завѣтнаго <...> и насыплю васъ въ страны и вы будете в земли врагъ своихъ · <...> и оставшимъ отъ васъ · вложимъ страхъ въ с(е)рдце ихъ · в земли врагъ ихъ пропудить я шюмъ листа парима · и пробѣгнуть аки бѣжащи отъ рати · и падутъ ся к ним же не пудими · и презрять брать брата · и аки на рати никим же гоними · и не възможете противити ся врагомъ своимъ · и погибнете въ странахъ · истребить вся земля врагъ вашихъ · и оставшии васъ истлѣють грѣхъ дѣля своихъ · и грѣхъ дѣля о(ть)чь · в земли врагъ своихъ истлѣють» (Пятикнижие XIV в., л. 108 об.–109).

носилках. Это, по мнению исследователя, доказывает, что летописец при создании образа Святополка пользовался в данном случае не «Хроникой» Амартола [Данилевский 2004: 304–305 (прим. 167)].

В хронографах рассказ о смерти Антиоха заканчивается так: «Здѣ же по правдѣ неправѣднѣ мученъ бысть, и умре же по худѣ, тамо паче мучимъ бысть». Эта фраза перекликается с описанием гибели Ирода, которое, как отметил еще А. А. Шахматов [2003 (1916): 762–763 (184–185)], было также использовано летописцем при описании смерти Святополка. Сопоставим фрагменты рассказов о гибели Святополка, Авимелеха и Ирода.

Таблица 14

Смерть Святополка («Повесть временных лет»)	Смерть Авимелеха (хронографы)	Смерть Ирода (хронографы)
<p>«бѣжашю же ему и нападе на нь бѣсъ · и <u>раслабѣша</u> кости его и не можаше сѣдѣти на кони · и ношахуть и въ носилахъ <...> и пробѣже Лядскую землю гонимъ гнѣвомъ Б(ож)иимъ · и пробѣже пустыню <u>межи Чяхы и Ляхы · и ту испровѣрже животь свои злѣ ·</u></p>	<p>«и вся телесная его удеса <u>расслабишяся</u>. И абие недугъ толма продолжаашеся, яко и червемъ въскипѣти и болѣзными великими плоти его распастися, и еще от <u>смрада</u> окааннаго и сквернаго его тѣла всѣм воемъ его тяжко бяше от <u>смрада</u>. И повелику много похваливися и много зла створивьи, <u>недѣло</u> уродственое житие в чюжеи <u>странѣ испровѣрже</u>.</p>	
<p><u>его же и по правдѣ яко неправѣдна · суду пришедшу · по отшествии сего свѣта · прияша муки сего оканьнаго · С(вя)тополка · показываше ·</u></p>	<p>Здѣ же по правдѣ неправѣднѣ мученъ бысть,</p>	<p>«егоже по правдѣ яко <u>неправѣднаг(о) соуду</u> пришедшу по <u>отшествии сего свѣта прияша моуки оканьнаг(о) · показавше явѣ</u> образъ абѣе приять</p>

<u>явѣ посланая пагубная рана · въ с(ъ)м(ь)рть нем(и)-л(о)ст(и)вно выгна ·</u>		сего от б(ог)а <u>послана рана пагоубная въ с(ъ)м(ь)рть нем(и)-л(о)стивно выгна».</u>
и по с(ъ)м(ь)рти вѣчно <u>мучимъ</u> есть ·	и умре же по худѣ, тамо паче <u>мучимъ</u> бысть».	
и связанъ есть же могила его в пустыни той и до сихъ д(ь)нии · исходить же от неи <u>смаздъ золь».</u>		
Ипат. 6527, л. 54 об. (стб. 132) ¹⁹⁸	Летописец Еллинский и Римский, л. 71 в–71 г (с. 186) ¹⁹⁹	Георгий Амартол, л. 137 г (с. 354) ²⁰⁰

Отметим, что Святополк уподобляется Ироду и в описании убийства Бориса.

¹⁹⁸ Ср. Лавр. 6527, л. 49–49 об. (стб. 145); Радз. 6527, л. 82–82 об.

¹⁹⁹ Ср. Троицкий хронограф, л. 239 об.–240; Георгий Амартол, л. 130 а–130 в (с. 339–340).

²⁰⁰ О. В. Творогов отмечает, что тексты Хронографа по великому изложению и «Хроники» Амартола здесь взаимно сходны и «Повесть временных лет» «не обнаруживает близости к тому или другому источнику» [Творогов 1974: 107].

Таблица 15

«Повесть временных лет» (6523 год)	Библия (Матф 2: 7–8)
«Борись же стояше съ отроки своими · С(вя)тополкъ же исполнися безакония · Каиновъ смыслъ приимъ · посылая к Борису гл(агол)я <...> лстыя под нимъ · како бы погубити · С(вя)тополкъ же приде ночью к Вышегороду · и <u>отай</u> <u>призва</u> Путшю · и Вышегородская боярыцѣ <...> он же рче имъ не повѣдите никомуже · <u>шедше</u> оубиите брата моего Бориса».	«Тогда Иродъ · <u>отай</u> <u>призвавъ</u> влѣхвы · испыта отъ нихъ врѣмя явльшися звѣзды и пославъ въ Вифлеомъ рече <u>шъдыше</u> испытайте извѣстно о отрочяте егда же обряцете · повѣдите ми».
Ипат. 6523, л. 50 (стб. 118–119) ²⁰¹	Остромирово Еванг., Матф 2: 7–8 (л. 251 г–252 а) ²⁰²

Укажем еще две библейские параллели к описанию гибели Святополка:

«Не ревнуи лукавнующим, ни же завиди творящимъ безаконие. <...> Назираеть грѣшнии праведнаго, и поскрежешеть на нь зубы своими. Г(осподь) же посмѣется ему, яка прозритъ, яко прииде д(ь)нь его. Оружие извлекоша грѣшници, напрягоша лукъ свои. Състрѣлати нища и оубога, заклати правыя с(е)рдцемъ. Оружие ихъ внидеть въ с(е)рдца ихъ, и луцы ихъ съкрушатся. Луче мало праведнику, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ съкрушатся (*βραχίονες ἁμαρτωλῶν συντριβήσονται*), оутвержает же праведныя Г(осподь). Съвѣсть Г(осподь) пути непорочныхъ, и достояние ихъ, ввѣкъ будетъ. Не простыдятся въ время люто, и въ д(ь)нехъ глада

²⁰¹ Ср. Лавр. 6523, л. 45 об. (стб. 132); Радз. 6523, л. 74 об.–75; НовгІмл 6523, л. 75 об. (с. 170). Ср. также еще более близкую параллель к библейскому тексту в словах Святополка в «Сказании о Борисе и Глебе»: «шедше убо, братия моя, отай, къде обряцете брата моего Бориса, съотрыше время, убиите и» (Сказ., л. 10 в–10 г (с. 32)).

²⁰² Ср. Архангельское Еванг., л. 145; Острожская Библия, л. 2. Ср.: «Отай же призвавъ волхвы испытавъ · *от* нихъ в *лѣт(о)* явленія звѣзды · и лестию рече · яко аще обряшють отроча · възвѣстятъ емоу» (Троицкий хронограф, л. 249 об.).

насытятся, яко грѣшници погнбнуть (οἱ ἁμαρτωλοὶ ἀπολοῦνται). Врази же Г(оспод)ни купно, прославитися им и възнести, исчезающе яко дымъ исчезаоща» (Острожская Библия, Пс 36: 1, 12–20 (л. 7)).

«Внегда приити Доику Идуменску, и възвѣстити Саоулу, и рещи ему, прииде Д(а)в(и)дѣ, в дом Авимелехов. Что ся хвалиши въ злѣбѣ силне, безаконие весь д(ь)нь? Неправду оумысли языкъ твой, яко бритва изъощрена сътворилъ еси лесть. Възлюбилъ еси злобу паче бл(а)гостыня, неправду неже гл(агол)ати правду. Възлюбилъ еси вся гл(агол)ы потопныя, языкъ лъстивъ. Сего ради Б(о)гъ разрушитъ тя до конца, въсторгнетъ тя, и преселить тя от селения твоего, и корень твой от земля живыхъ (διὰ τοῦτο ὁ θεὸς καθελεῖ σε εἰς τέλος ἐκτίλει σε καὶ μεταναστεύσει σε ἀπὸ σκηνώματος καὶ τὸ ῥίζωμα σου ἐκ γῆς ζώντων διαψαλμα). Оузрять праведнии и оубоятся, и о немъ вѣсмѣются и рекутъ. Се ч(е)л(ове)къ, иже не положи Б(о)га помощника себѣ. Но оупова на множество богатства своего, и възможе суетою своею» (Острожская Библия, Пс 51: 2–9 (л. 10–10 об.)).

Части этих двух псалмов приводятся в «Повести временных лет» в фрагменте, следующем за рассказом об убиении Глеба:

«а оканни же възвратишася въспать яко же реч(е) Д(а)в(и)дѣ · възвратишася грѣшници въ адѣ · и паки оружье извълѣкоша грѣшници и напругоша луки своя · и стрѣляти нища и оубога · заклати правыя с(ь)рд(ь)ц(ь)мь · и оружье ихъ вниде въ с(ь)рд(ь)ца ихъ · и лучи ихъ скрушатся · яко грѣшници погнбнуть · изыщез(а)юще яко дымъ погнбнуть · онѣм же пришедшимъ повѣдающимъ С(вя)тополку · яко створихомъ повѣленое тобою · он же се слыша и възвеселися с(ь)рд(ь)це его болма · и не вѣды Д(а)в(и)да гл(аголю)ща · что ся хвалиши о злѣбѣ силне и безаконье оумысли языкъ твои · яко бритва изощрена · створилъ естъ лесть · възлюбилъ еси злобу паче благостыня · неправду · неже гл(агола)ти правду · възлюбилъ еси вся гл(агол)ы потопныя языкъ лъстивъ · сего ради Б(о)гъ разрушитъ тя до конца · и въстерыгнетъ тя от села твоего и корень твой от земля живущихъ · яко же и Со[ло]монъ рче · азъ вашей погнбелы посмѣюся · порадую же ся внегда грядеть на

вы пагуба · тѣм же снѣдять своего пути плоды · и своя неч(и)сти насытяться» (Ипат. 6523, л. 51 об. (стб. 123–124))²⁰³.

Отметим, что к 51-му псалму в рассказе о гибели Святополка есть две отсылки. Во-первых, Святополк погибает вдали от своей земли (ср.: «Б(о)гъ разрушитъ тя до конца, вѣсторгнетъ тя, и пресе-лить тя *от* селения твоего, и корень твой *от* земля живыхъ»), а во-вторых, напрямую уподобляется Авимелеху.

Вставки о смерти Святополка и об убийстве им Бориса и Глеба сближает и параллель с текстом «Деяний апостолов»:

«И въ д(ь)ни сия, вѣставъ Петръ, посредѣ оученикъ, рече. Бѣ же народъ именъ вкупѣ яко сто и два десятя, мужие братия, подобаше скончатися писанию сему, еже преже реч(е) д(у)хъ с(вя)т(ы)и оусты Д(а)в(ы)д(о)вы, о Июдѣ бывшемъ вожди ем-шимъ Ис(ус)а (περὶ Ἰουδα τοῦ γενόμενου ὁδηγοῦ τοῖς συλλὰ βοῦσιν Ἰησοῦν). Яко причтенъ бѣ с нами, и прият жребии службы сея. Сеи оубо стяжа село от мзды неправедныя. И ницъ бывъ, просѣдеса посредѣ, и излиася вся оутроба его (οὗτος μὲν οὖν ἐκτίησато χωρίον ἐκ μισθοῦ τῆς ἀδικίας καὶ πρηνῆς γενόμενος ἐλάκησεν μέσος καὶ ἐξεχύθη πάντα τὰ σπλάγχνα αὐτοῦ) и разумно бысть всѣмъ живущимъ въ Иер(у)с(а)лимѣ. Яко нарецися селу тому своимъ ихъ языкомъ, Акелдама. Еже есть село крове. Пишет бо въ книзѣ псаломьстѣи. Да будетъ дворъ его пустъ, и не будетъ живия в немъ. И еп(и)ск(о)пство его преиметь инъ (καὶ τὴν ἐπισκοπὴν αὐτοῦ λαβέτω ἕτερος)» (Острожская Библия, Деян 1: 15–20 (л. 1)).

Как уже отмечалось, о вокняжении Святополка в летописи говорится:

«Святополкъ же сѣде Киевѣ по о(ть)ци своемъ · и сзвза Кыяны и нача даяти имъ имѣнье» (Лавр. 6523, л. 45 (стб. 132))²⁰⁴.

²⁰³ Ср. Лавр. 6523, л. 47 (стб. 136–137); Радз. 6523, л. 77 об.

²⁰⁴ Ср. Ипат. 6523, л. 49 об. (стб. 118); Радз. 6523, л. 74; НовгІмл. 6523, л. 75 (с. 169).

Рассказ о раздаче Святополком даров киевлянам, судя по всему, является скрытым уподоблением древнерусского князя библейскому Иуде. После раздачи даров (ср. «стяжа село *от* мзды неправедных») Святополк, как и Иуда, утрачивает верховенство над одиннадцатью собратями (согласно летописи, у Владимира было двенадцать сыновей, как и апостолов у Иисуса Христа), его властные полномочия приобретает Ярослав (ср. «И еп(и)ск(о)пство его приметъ инъ»).

Таким образом, очевидно, что рассказ о битве на реке Альте и о гибели Святополка является вставкой в изначально монолитное повествование о междоусобице сыновей Владимира. До внедрения выявленной вставки в исходном тексте после слов о победе Ярослава над Святополком и о бегстве Святополка к печенегам сразу говорилось о начале княжения Ярослава. Затем в летопись были внесены рассказ о еще одной победе Ярослава над Святополком в битве на реке Альте и описание смерти Святополка.

«Оканьныи же Святополкъ рече»

Характерные признаки различных слоев летописного текста

Как уже отмечалась выше, первоначальный текст статей 6522–6527 годов не содержал некоторых форм глагола «речи»: это были формы «рекохъ», «рекоша», «рекоста», «рекъ»²⁰⁵. Между тем в трех выявленных вставках встречается форма «рекъ». Мы находим ее (1) в тексте назидательной вставки в рассказе о выступлении Ярослава против Святополка к Любечу, (2) в описании убийства Бориса, а также (3) в повествовании о битве на реке Альте.

А. А. Гиппиус недавно указал на еще одну лингвистическую особенность, важную для стратификации начального летописания. По наблюдениям исследователя, способы соединения предикаций в нарративной последовательности различаются в более ранних и бо-

²⁰⁵ Подробное обоснование вторичности данных форм в Начальной летописи см. в работе [Гиппиус 2001].

лее поздних пластах летописного текста. В то время как в первоначальном ядре Начальной летописи «модель “цепочечного” нанизывания предикаций при помощи союза *и* (*И рече Ольга...*) количественно доминирует над моделью, использующей союз *же* для маркировки смены субъекта» (*Ольга же рече...* или *Рече же Ольга...*), в более поздних вставках соотношение этих моделей является обратным [Гиппиус 2007: 29].

Подсчитав количество случаев использования различных моделей маркировки смены субъекта, можно судить и о происхождении различных частей интересующего нас отрезка летописного текста.

Необходимо отметить, что при подсчете должны учитываться только те точки, где в начале предложения употребляются имя собственное в именительном падеже и сказуемое в изъявительном наклонении: *И рече Ольга...*, *Ольга же рече...*, *Рече же Ольга...* Остальные точки, где происходит смена субъекта, для нас не показательны.²⁰⁶

В летописном рассказе об усобице 1015–1019 годов можно выделить следующие отрезки, репрезентативные по причине частотности интересующих нас случаев смены субъекта:

- (1) об убиении Бориса, Глеба и Святослава в статье 6523 года;
- (2) об избиении варягов в Новгороде, о мести Ярослава новгородцам и о Любечской битве (от слов «Ярославу же не вѣдущо отънѣ с(ъ)м(ь)рти» в статье 6523 года до конца статьи 6524 года);
- (3) о борьбе с Болеславом (статья 6526 года).

Результаты приблизительного подсчета применяемых на данных отрезках методов смены субъекта представлены на таблице 16.

²⁰⁶ Так, например, при замене имен собственных местоимениями существенно преобладает *же*-модель (*Она же рече...*), а в безличных предложениях – *и*-модель (*И рѣша Ользѣ...*).

Таблица 16

Метод маркировки смены субъекта	Убийство Бориса и Глеба	Избиение варягов и статья 6524 г.	Статья 6526 г.
<i>же</i> -модель	<u>8</u>	3	5
<i>и</i> -модель	1	<u>6</u>	5

Из таблицы 16 видно, что описание убийства Бориса, Глеба и Святослава в статье 6523 года выделяется частотностью использования *же*-модели, что еще раз подтверждает вторичность этого повествования в составе Начальной летописи.

Преобладание *же*-модели можно проиллюстрировать на примере начала рассказа об убийстве Бориса. Показательные точки смены субъекта выделены ниже подчеркиванием:

«Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци, и съзва кыянѣ и нача даяти имѣние имъ; они же приимаху, и не бѣ сердце их с нимъ, яко братья ихъ бяху с Борисомъ. Борису же возвратившюся с вои и не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть прииде к нему, яко “отець ти умерлъ”. И плакася по отци, велми бо любимъ бѣ отцемъ паче всѣх; и пришед ста на Алтѣ. Рѣша же дружина отня: “се, у тебе есть дружина отня и вои бещислено; паки поиди и сяди в Киевѣ на столѣ отьнѣ”. Он же рече: “не буди того мнѣ взяти, ни руки подняти на брата старѣшаго; аще отець мои умре, то съ ми будеть во отца мѣсто”. Се слышавше, разидошася раздно от него; Борисъ же стояше съ отроки своими. Святополкъ же <...>^{206*} прииде в Вышегород ночью, отаи призвав же Путшю и вышегородчкыя боярьци, и рече имъ: “прияите ми всѣмъ сердцемъ”. Рече же Путша с вышегородскими боярьци: “можем главы своя сложити за тя”. Онъ же рече имъ: “не повѣдуше никому же, шедше, убиите брата моего Бориса”.

^{206*} Здесь в Начальной летописи читается поздняя вставка, о которой еще пойдет речь ниже.

Они же скоро общашася се створити» (НовГІмл 6523, л. 75–75 об. (с. 169–170))²⁰⁷.

Распределение моделей маркировки смены субъекта в рассказе об избиении варягов в Новгороде, о мести Ярослава новгородцам и о Любечской битве – совершенно иное, что сближает этот текст с теми фрагментами, которые, как показал А. А. Гиппиус, относятся к древнейшему ядру Начальной летописи. Так, в рассказе о подготовке к Любечской битве читаем:

«и рѣша Новгородци · аще княже брат(ь)я наша исѣчена суть · можемъ по тобѣ бороти · и събра Ярославъ Варягъ тысячу · а прочих вои ·40· и поиде на С(вя)тополка» (Лавр. 6523, л. 48 (стб. 141))²⁰⁸.

Более сложная картина наблюдается в статье 6526 года, повествующей о борьбе Ярослава с Болеславом. Здесь читается следующий текст:

«В лѣт(о) ·6526·:– Приде Болеславъ съ С(вя)тополкомъ на Ярослава с Ляхы · Ярославъ же совокупивъ Русь · и Варягы · и Словѣнѣ · поиде противу Болеславу · и С(вя)тополку · приде Волюню · и стаща обаполь рѣкы · Буга · и бѣ оу Ярослава кормилецъ · и воевода · именовъ Буды · нача оукаряти Болеслава гл(агол)я · да то ти прободемъ трѣскою череву · твое тольстое · бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ · яко и на кони не могли сѣдѣти · но бяше смыслень · и реч(е) Болеславъ къ дружинѣ своей · аще вы сего оукора не жаль · азъ единъ погыну · всѣдъ на конь вбрѣде в рѣку и по немъ вои его · Ярослав же не оутягну исполчитися · и побѣди Болеславъ Ярослава Ярославъ же оубѣжа съ ·4·ми мужи Новугороду · Болеславъ же вниде в Киевъ съ С(вя)тополкомъ · и реч(е) Болеславъ разведѣте

²⁰⁷ Ср. Лавр. 6523, л. 45–45 об. (стб. 132); Ипат. 6523, л. 49 об.–50 (стб. 118–119); Радз. 6523, л. 74–75.

²⁰⁸ Ср. Ипат. 6523, л. 53 (стб. 128); Радз. 6523, л. 80; НовГІмл 6523, л. 79 (с. 175).

дружину мою по городомъ на покоръмъ · и быс(ть) тако · Ярославу же прибѣгшу Новгороду и хотяше бѣжати за море · и посадникъ Коснятинъ · с(ы)нъ Добрынь с Новгородьци · расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ рекуще · хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ С(вя)тополкомъ · [и]²⁰⁹ начаша скоть събирати · от мужа по ·4· куны · а от старость по ·10· грив(ьнъ) · а от бояръ по ·18· грив(ьнъ) · и приведоша Варягы · [и] вдаша имъ скоть · и совокупи Ярославъ воя многы · Болеславъ же бѣ Киевѣ сѣдя · оканьныи же С(вя)тополкъ реч(е) · елико же Ляховъ по городу избиваите я · и избиша Ляхы · Болеславъ же побѣже ис Киева · възма имѣнье · и бояры Ярославлѣ · и сестрѣ его · и Настаса пристави Десятиньнаго ко имѣнью · бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью · и людии множество веде с собою · и города Червеньскыя зая собѣ · и приде в свою землю · С(вя)тополкъ же нача княжити Киевѣ · и поиде Ярославъ на С(вя)тополка · и бѣжа С(вя)тополкъ в Печенѣгы» (Лавр. 6526, л. 48 об.–49 (с. 142–144))²¹⁰.

Если расписать порядок употребления *же*- и *и*-моделей в данном тексте, то мы получим следующую таблицу.

Таблица 17

	<i>же</i> -модель	<i>и</i> -модель
№ 1		«и реч(е) Болеславъ...»
№ 2		«и побѣди Болеславъ...»
№ 3	«Ярославъ же оубѣжа...»	
№ 4	«Болеславъ же вниде...»	
№ 5		«и совокупи Ярославъ...»
№ 6	«Болеславъ же бѣ...»	
№ 7	«Болеславъ же побѣже...»	
№ 8	«С(вя)тополкъ же нача...»	
№ 9		«и поиде Ярославъ...»
№ 10		«и бѣжа С(вя)тополкъ...»

²⁰⁹ Есть в Ипат. списке Ипат.

²¹⁰ Ср. Ипат. 6523, л. 53 об.–54 (стб. 130–131); Радз. 6523, л. 81–81 об.

Как мы видим, три случая употребления *же*-модели (№№ 6–8) маркируют небольшой фрагмент рассматриваемого текста. В этом фрагменте мы находим цельный рассказ об изгнании Болеслава из Киева.

А. А. Шахматов предположил, что «подробность об избиении Ляхов, распущенных на покорм, в 1018 году перенесена летописцем из пережитых им событий 1069 года; такое перенесение оправдывается тем сходством, которое замечалось между событиями того и другого рода» [Шахматов 1908: 440 (§ 242)]. По мнению А. А. Шахматова, данная вставка в статью 6526 года принадлежит перу летописца 1070-х годов, очевидца прихода в Киев Изяслава Ярославича с союзными ему поляками.

В статье 6577 года в летописи читаем:

«... и сѣде Изяславъ на столѣ своемъ · м(ѣ)с(я)ца мая въ 2 · и распушая ляхи на покормъ · и избивахоу ляхы отаи · и възратис(я) Болеславъ в ляхы въ свою землю» (Радз. 6577, л. 101 об.)²¹¹.

Я предполагаю, что летописец, работавший, предположительно, в 1070-е годы, внес в рассказ о борьбе Ярослава и Болеслава два фрагмента: от слов «Болеславъ же вниде в Кыевъ» до слов «Ярославу же прибѣгшю Новугороду» и от слов «Болеславъ же бѣ Кыевъ сѣдя» до слов «С(вя)тополкъ же нача княжити Кыевъ».²¹² Для такой реконструкции имеются следующие основания.

Во-первых, данные вставки имеют тематическое единство и идеологическое объяснение (см. выше предположение А. А. Шахматова).

²¹¹ Ср. Лавр. 6577, л. 58 об. (стб. 174); Ипат. 6577, л. 64 об. (стб. 163); НовГмл 6577, л. 90 об. (с. 191).

²¹² Ср. предложенную А. А. Шахматовым [1908: 577] реконструкцию истории данного текста.

Во-вторых, если убрать предполагаемые вставки, то мы получим следующий грубо разорванный ими монотематический рассказ:

«... и побѣди Болеславъ Ярослава Ярославъ же оубѣжа съ ·4·ми мужи Новугороду <...> и хотяше бѣжати за море · и посажникъ Коснятинъ · с(ы)нъ Добрынь с Новгородьци · расѣкоша лодѣ Ярославлѣ рекуше · хотимъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ С(вя)гополкомъ · начаша скоть събирати · от мужа по ·4· куны · а от старость по ·10· грив(ьнъ) · а от боярь по ·18· грив(ьнъ) · и приведоша Варягы · [и] вдаша имъ скоть · и совокупи Ярославъ воя многы <...> и поиде Ярославъ на С(вя)гополка · и бѣжа С(вя)гополкъ в Печенѣгъ».

В-третьих, при изъятии этих вставок в статье 6526 года остается четыре случая употребления *и*-модели маркирования смены субъекта и один случай употребления *же*-модели²¹³. Эти числа идеально соответствуют тем показателям, которые свойственны древнейшему ядру Начальной летописи.

В-четвертых, в конце первой вставки мы находим повтор того сообщения, которое читается в тексте непосредственно перед вставкой: «Ярославъ же оубѣжа съ ·4·ми мужи Новугороду» – «Ярославу же прибѣгшю Новугороду». Такие повторы, как мы видели выше, являются типичными маркерами вставок в Начальной летописи.

Наконец, в-пятых, во второй вставке Святополк называется «окаанным»²¹⁴. На этой особенности следует остановиться подробнее. Негативные характеристики Святополка встречаются также в следующих частях Начальной летописи: (1) в статьях 6485 и 6488 годов – в двух фрагментах, повествующих о матери Святополка, (2) в рассказе об убийстве Бориса, Глеба и Святослава в статье 6523 года и (3) в

²¹³ При этом единственный случай употребления *же*-модели фиксируется на стыке с поздней вставкой. Возможно, первоначально фраза «Ярославъ же оубѣжа съ ·4·ми мужи Новугороду» звучала иначе.

²¹⁴ Данное место является индивидуальным чтением Лаврентьевской летописи. В других летописях вместо слова «окаанныи» читается эпитет «безумныи» (Ипат. 6526, л. 54 (стб. 131); Радз. 6526, л. 81 об.).

рассказе о битве на Альте и о смерти Святополка. Как было показано выше, все эти фрагменты являются вставками в первоначальный текст летописи.

Итак, фрагменты от слов «Болеславъ же вниде в Кыевъ» до слов «Ярославу же прибѣгшю Новугороду» и от слов «Болеславъ же бѣ Кыевъ сѣдя» до слов «С(вя)тополкъ же нача княжити Кыевъ» должны быть признаны вставками в древнейший текст Начальной летописи. Оставшаяся часть рассказа о борьбе с Болеславом, вероятно, относится к первоначальным пластам текста Начальной летописи.

Рассмотрим теперь все летописные упоминания Бориса, Глеба и Святослава, чтобы проверить высказанное выше предположение об отсутствии легенды об убийстве Бориса, Глеба и Святослава в древнейшей редакции летописи.

Борис и Глеб упоминаются в Начальной летописи в следующих фрагментах:

(1) в списках сыновей Владимира под 6488 и 6496 годами;

(2) в составе двух выявленных выше вставок в статье 6523 года (краткой вставки об отправке Бориса Владимиром на борьбу с печенегами и пространной вставки, содержащей легенды о гибели Бориса и Глеба);

(3) в рассказе об избииении варягов новгородцами и о мести им Ярослава (в летописях, отражающих «Повесть временных лет», – в конце статьи 6523 года, а в Новгородской I летописи младшего извода – в начале статьи 6524 года);

(4) в составе выявленной выше назидательной вставки в рассказе о выступлении Ярослава против Святополка (перед этой вставкой и после нее дважды говорится: «и поиде на С(вя)тополка»; в параллельном тексте Новгородской I летописи данной вставки нет);

(5) в составе выявленной выше пространной вставки о битве на реке Альте и о смерти Святополка в статье 6527 года;

(6) в рассказе о перенесении мошей Бориса и Глеба под 6580 (1072) годом;

(7) в молитве Ярополка Изяславича под 6594 (1086) годом;

(8) в статье 6601 (1093) года (упоминается день Бориса и Глеба);

(9) в рассказе о перенесении мощей Бориса и Глеба под 6623 (1115) годом.

Третье упоминание Бориса и Глеба (в рассказе об избиении варягов) требует отдельного рассмотрения.

Таблица 18

Новгородская I летопись младшего извода	«Повесть временных лет»
<p>«И в ту же ночь ис Кыева сестра Яро- славля Передслава присла к нему вѣсть, рекши: “<u>отець ти умерль, а бра- тья ти избиена</u>”. И се слышавъ, Яро- славъ заутра собра новгородцовъ из- бытокъ, и сътвори вѣче на полѣ, и рече к ним: “любимая моя и честная дру- жина, юже вы исѣкохъ вчера въ безу- мийи моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитъ”. И тако рче имъ: “<u>бра- тье, отецъ мой Володимиръ умерль есть, а Святополкъ княжить в Киевѣ; хощу на него поити</u>; потягнете по мнѣ”. И рѣша ему новгородци: “а мы, княже, по тобѣ идемъ”».</p>	<p>«в ту же ночь приде ему вѣсть · ис Кыева <i>от</i> сестры его Передь- славы си · <u>о(ть)ць ти оумерль · а</u> <u>С(вя)тополкъ сѣдити ти Киевѣ</u> <u>оувивъ Бориса · а на Глѣба</u> <u>посла · а блюдися его повелику ·</u> се слышавъ печалень быс(ть) · о о(ть)ци и о дружинѣ · заутра же собравъ избытокъ Новгородецъ Ярославъ реч(е) · о люба моя дружина юже вчера избихъ · [а н(ы)нѣ быша надобе · оутерль слезь · и реч(е) имъ] на вѣчи · <u>о(ть)ць мой оумерль · а С(вя)то-</u> <u>полкъ седи[тъ] Киевѣ · избивая</u> <u>братью свою</u> · и рѣша Новгород- ци · аще княже брат(ь)я наша исѣчена суть · можемъ по тобѣ бороти.</p>
НовГмл 6523, л. 78 об.–79 (с. 174–175)	Лавр. 6523, л. 48 (стб. 140–141) ²¹⁵

Судя по всему, упоминания Бориса и Глеба в данных контекстах объясняются вставками – так же, как и все остальные упоминания Бориса и Глеба в статьях 6523–6527 годов.

²¹⁵ Ср. Ипат. 6523, л. 53 (стб. 128); Радз. 6523, л. 79 об.–80.

Фраза «а С(вя)тополкъ сѣдѣти ти Киевѣ оубивѣ Бориса · а на Глѣба посла · а блюдися его повелику» в «Повести временных лет» построена довольно грубо: новые части сложного предложения вводятся одинаковым союзом «а»²¹⁶, местоимение «его» подразумевает Святополка, а не упомянутых после него Бориса или Глеба. Если изъять фрагмент «оубивѣ Бориса · а на Глѣба посла», то фраза становится синтаксически более правильной: «а С(вя)тополкъ сѣдѣти ти Киевѣ <...> а блюдися его повелику».

В Новгородской I летописи также сталкиваемся с противоречием. Ярослав говорит новгородцам: «отець мои Володимирь умерль есть, а Святополкъ княжить в Киевѣ», хотя Предслава ничего не сообщала Ярославу о Святополке: «отець ти умерль, а братья ти избиена». Судя по всему, слова «а братья ти избиена» были вставлены одним из редакторов новгородской летописи²¹⁷, заменив слова «а Святополкъ княжить в Киевѣ».

Одно из упоминаний Бориса и Глеба в составе списков сыновей Владимира также, возможно, имеет позднее происхождение.

Приведем еще раз текст перечня 6496 года:

«Володимиръ же просвѣщенъ самъ и с(ы)н(о)ви его · и земля его · бѣ бо оу него с(ы)н(о)въ · 12· Вышеславъ · Изяславъ · С(вя)тополкъ · и Яро[славъ] · Всеволодь С(вя)тославъ · Мьстиславъ · Борисъ и Глѣбъ · Станиславъ · Позвиздь · Судиславъ · и посади Вышеслава в Новѣгородѣ · а Изяслава в Полотьсцѣ · а С(вя)тополкъ в Туровѣ · Ярослава в Ростовѣ · и оумершю же старѣишому · Вышеславу в Новѣгородѣ · и посади Ярослава в Новѣгородѣ · а Бориса в Ростовѣ · а Глѣба въ Муромѣ · С(вя)тос[л]ава в Деревѣхъ Всеволода в Володимѣрѣ · Мьстислава въ Тмутороканѣ» (Ипат. 6496, л. 45 об. (стб. 105–106)).

²¹⁶ Ср., однако, [Вилкул 2006: 43, 53, 65–66].

²¹⁷ Возможно, это дополнение следует отнести на счет редактора так называемого Свода Всеволода, в распоряжении которого мог быть полный текст Печерской летописи, где уже имелась вставка «избивая братью свою».

Представим схематично данный список и описанное после него распределение княжений (цифры обозначают порядок упоминания в соответствующей части списка).

Таблица 19

Сын	Пожалование
[1] Вышеслав	[1] Новгород
[2] Изяслав	[2] Полоцк
[3] Святополк	[3] Туров
[4] Ярослав	[4] Ростов (затем Новгород)
[5] Всеволод	[8] Владимир [Волынский]
[6] Святослав	[7] <u>земля древлян</u>
[7] Мьстислав	[9] Тьмуторокань
[8] Борис	[5] <u>Ростов</u>
[9] Глеб	[6] <u>Муром</u>
[10] Станислав	-
[11] Позвизд	-
[12] Судислав	-

Очевидно, что в начальной части списка сыновья Владимира перечислены по старшинству. Между тем при сопоставлении двух частей перечня выявляются два противоречия. Во-первых, упоминания о посаждении Бориса в Ростов и Глеба в Муром расположены не на том месте, где можно было бы ожидать их увидеть, если бы летописец следовал установленному им самим старшинству Владимиричей. Во-вторых, Святослав при распределении княжений упоминается раньше старшего по отношению к нему Всеволода.

Оба эти противоречия снимаются, если предположить, что слова «а Бориса в Ростовѣ · а Глѣба въ Муромѣ» являются вставкой в первоначальный текст, а Святослав перемещен на одну позицию выше, чтобы оказаться в перечне рядом с убитыми вместе с ним

братьями-мучениками²¹⁸. Судя по всему, редактор летописи воспользовался возможностью «отдать» Борису Ростов, опустевший после отправки Ярослава в Новгород²¹⁹. Вслед за Борисом он вспомнил о Глебе и поместил его рядом с братом – в Муроме.

Первоначальный список сыновей с перечислением их княжеских следует реконструировать следующим образом.

Таблица 20

Сын		Пожалование	
[1]	Вышеслав	[1]	Новгород
[2]	Изяслав	[2]	Полоцк
[3]	Святополк	[3]	Туров
[4]	Ярослав	[4]	Ростов (затем Новгород)
[5]	Всеволод	* [5]	Владимир
[6]	Святослав	* [6]	земля древлян
[7]	Мстислав	[7]	Тьмуторокань

Борис и Глеб, судя по всему, не упоминались во второй части перечня сыновей Владимира 6496 года.

Таким образом, можно утверждать, что вплоть до статьи 6580 (1072) года в первоначальном тексте Начальной летописи отсутствовали упоминания об убиении Святополком Бориса, Глеба и Святослава. Не было в летописи изначально и тех фрагментов, где в негативном ключе описывается Святополк.

²¹⁸ То, что Ярослав, Всеволод, Святослав и Мстислав были первоначально перечислены именно в этом порядке, подтверждается тем, что, согласно списку сыновей Владимира 6488 года, Ярослав и Всеволод были сыновьями Рогнеды (как и Изяслав), а Святослав и Мстислав – второй «чехини». Ср. [Мюллер Л. 2008: 11].

²¹⁹ Об исторической достоверности княжения Ярослава в Ростове см. [Кучкин 1984: 58–59].

Время появления летописного рассказа о Борисе и Глебе

Явная вторичность в составе летописного текста рассказов об убийстве Святополком своих братьев, о битве на реке Альте и о смерти Святополка, а также тематическая цельность всего этого блока фрагментов заставляет предпринять попытку определения времени их появления в летописи.

Для определения нижней границы принципиально важно то, что эти сюжеты не могли быть описаны раньше начала становления культа Бориса и Глеба как святых. Перечислим основные свидетельства зарождения почитания братьев. Во-первых, в начальной части анонимного «Сказания чудесь святую страстотерпцю Романа и Давида», а также в Несторовом «Чтении» мы находим рассказ о выкапывании и перенесении в церковь мощей святых братьев в церковь митрополитом (или архиепископом) Иоанном в княжение Ярослава Владимировича.²²⁰ Как полагает А. В. Назаренко [2007], это событие следует датировать 1050 или 1051 годом. Во-вторых, к середине XI века относится зарождение традиции наречения князей именами убитых братьев (в том числе и крестильными). В-третьих, недавно в Новгороде в слое третьей четверти XI века была обнаружена берестяная грамота (№ 906) с перечнем святых, содержащая имена Бориса и Глеба [Янин, Зализняк 2004: 97–98]. Все вышесказанное позволяет заключить, что распространение почитания братьев как святых начиналось в середине XI века.

Верхней границей появления в летописи повести о Борисе и Глебе следует признать 1090-е годы, когда был создан киевский летописный памятник, безусловно, включавший рассказы об убийстве Бориса и Глеба, – Печерская летопись, отразившаяся в «Повести временных лет» и в Новгородской I летописи младшего извода.

При этом и в составе вставного рассказа о гибели Бориса и Глеба в летописи есть вставки. Так, в описании убиения Бориса читаем:

²²⁰ Сказание чудес, л. 19 б–19 в (с. 53–54); Чтен., л. 105 а–105 г (с. 17).

«Борисъ же стояше съ отроки своими · С(вя)тополкъ же исполнися безакония · Каиновъ смыслъ приимъ · посылая к Борису гл(агол)я · яко с тобою хошю · любовь имѣти · и к отнюти придамъ · лѣстя под нимъ · како бы погубити · С(вя)тополкъ же приде ночью к Вышегороду · и отаи призва Путшю» (Ипат. 6523, л. 49 об.–50 (стб. 118))²²¹.

В процитированном фрагменте бросается в глаза вопиющее нарушение правил строения древнерусского текста: две соседние фразы начинаются со слов «С(вя)тополкъ же». Это свидетельствует о вставном характере первой части приведенной фразы.

Еще одной интерполяцией, возможно, является описание молитвы Бориса. Здесь говорится, что Борис лег у себя в шатре. Между тем строкой ниже мы читаем о том, что убийцы нападают на него «около шатра» (то есть ‘вокруг шатра’ – ?):

«и помолившюся ему · възлеже на одрѣ своем · и се напadoша акы звѣрье дивии около шатра» (Лавр. 6523, л. 46 (стб. 133–134)).²²²

Итак, вторичный в составе летописи рассказ о Борисе и Глебе уже в Печерской летописи был осложнен более поздними вставками.

А. В. Назаренко высказал догадку, что «первоначальную летописную повесть о Б[орисе] и Г[лебе] нужно отнести к киево-печерскому летописанию 60-х – нач. 70-х гг. XI в.» [Назаренко 2003: 45]. Такая датировка появления сказания о Борисе и Глебе в Начальной летописи кажется мне вполне вероятной.

²²¹ Ср. Лавр. 6523, л. 45 об. (стб. 132); Радз. 6523, л. 74 об.; НовГІмл 6523, л. 75 об. (с. 170).

²²² Ср. Ипат. 6523, л. 50 об. (стб. 120); Радз. 6523, л. 75; НовГІмл 6523, л. 76 об. (с. 171).

Во-первых, 20 мая 1072 года состоялся торжественный перенос мощей Бориса и Глеба в новую церковь, подробно описанный в летописи.²²³

Во-вторых, как было показано выше, подробности об уходе Болеслава Храброго из Киева в 1018 году, вероятно, были внесены в летопись по аналогии с событиями 1069 года.

В-третьих, вероятность датировки вхождения легенды о гибели Бориса и Глеба в летописный текст в 1050-е годы представляется незначительной, так как Борис и Глеб как мученики изначально не упоминались в летописи ранее статьи 1072 года. Все их ранние упоминания, как было показано выше, являются вставками. Отмеченное М. Х. Алешковским [1976: 151] умолчание летописей о перенесении мощей святых братьев при митрополите Иоанне свидетельствует об отсутствии интереса к борисо-глебской теме у книжников 1050-х годов, которые могли участвовать в летописании.²²⁴

В-четвертых, при более ранней датировке вставки необходимо реконструировать как минимум два памятника начального летописания в промежутке между 1019 и 1060-ми – 1080-ми годами. Между тем для этого я не вижу серьезных оснований.

Итак, наиболее вероятным временем внесения в летопись рассказов об убийстве Святополком своих братьев представляются 1070-е – 1080-е годы.

Выводы

Внутренняя критика текста дошедших до нас летописей позволяет утверждать, что текст повествования о междоусобице 1110-х

²²³ См. НовгІмл 6580, л. 94 об.–95 (с. 196–197); Лавр. 6580, л. 61–61 об. (стб. 181–182); Ипат. 6580, л. 67–67 об. (стб. 171–172); Радз. 6580, л. 106–106 об. Ср. Сказание чудес, л. 20 в–21 а (с. 55–56); Чтен., л. 110 б–111 в (с. 21–22).

²²⁴ Ср. также молчание Илариона, который не упоминает Бориса и Глеба в похвале Владимиру Святославичу, написанной до 1050 года.

годов претерпел как минимум три стадии развития. Первоначальный рассказ о междоусобице Владимиричей входил в состав Древнейшего сказания о русских князьях – древнерусского историографического памятника первой половины – середины XI века, не поделенного на годовые статьи. В этом тексте рассказывалось о переходе власти от Владимира к Святополку, а затем – к Ярославу. Между тем первоначальный текст не включал в себя повествование об убийстве Бориса, Глеба и Святослава, а также о битве на реке Альте и о смерти Святополка. Святополк в реконструированном рассказе не назывался «окаянным», нигде не упоминалось о гибели Бориса и Глеба. Эти фрагменты появились в следующем слое летописного текста, созданном, вероятно, в 1070-е – 1080-е годы, а уже в 1090-е годы составитель Печерской летописи внедрил в рассказ о Борисе и Глебе еще несколько вставок поучительного характера.

1.4. Выводы главы

Вероятно, в первой половине – середине XI века в Киеве было создано Древнейшее сказание о русских князьях, в котором была подробно описана борьба за киевский стол после смерти Владимира Святославича. Это повествование о событиях 1010-х годов хорошо сохранилось в составе дошедших до нас летописей. В первоначальный текст входил последовательный рассказ о следующих событиях: (1) противостояние Ярослава и Владимира из-за отказа Ярослава отдавать дань отцу; (2) смерть и похороны Владимира, начало княжения его старшего наследника Святополка в Киеве (1015 год); (3) избиение варягов в Новгороде, сборы Ярослава в поход на Святополка; (4) Любечская битва, в которой Ярослав победил Святополка, начало княжения Ярослава в Киеве; (5) киевский поход Болеслава, бегство Ярослава в Новгород (1018 год); (6) победа Ярослава над Святополком и бегство Святополка к печенегам, начало княжения Ярослава в Киеве.

Когда на Руси складывался культ Бориса и Глеба как святых, возникла насущная потребность в записи истории их гибели. Вероятно, в 1070-е – 1080-е годы в летопись были внесены рассказы: (1) о вероломном убийстве Святополком Бориса, Глеба и Святослава в 1015 году; (2) о коварном избиении Святополком союзных ему поляков в 1018 году; (3) о чудесной победе Ярослава над Святополком в битве на реке Альте в 1019 году; (4) о позорной смерти Святополка после этой битвы. В 1090-е годы в повествование о событиях 1015–1019 годов были внесены новые вставки назидательного характера. Сведения, содержащиеся во всех этих поздних интерполяциях, отличаются значительно меньшей степенью достоверности по сравнению с первоначальным пластом летописного повествования.

В начале XII века на основе текста летописи в ее редакции конца XI – начала XII века были составлены два жития святых Бориса и Глеба: «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба» киево-печерского монаха Нестора и анонимное «Сказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глѣба». Как показывает анализ разночтений летописи и житийных текстов, все фактические данные, сообщаемые житиями, либо заимствованы из летописей, практически идентичных по содержанию тем, что дошли до нас, либо представляют собой продукт творческого вымысла агиографа, не считавшего своей целью достоверное воссоздание событий, которые легли в основу его рассказа. Таким образом, обращение к этим источникам может помочь в понимании характера культа Бориса и Глеба и при анализе представлений древнерусских книжников, но неправомерно при реконструкции событий междоусобицы Владимиро-Киевской Руси.

Прослеженные мной взаимоотношения древнерусских текстов, содержащих сведения о междоусобице 1015–1019 годов, можно схематически представить в следующем виде.

Схема 5

ГЛАВА II. ИСЛАНДСКИЕ ТЕКСТЫ О ПОДВИГАХ КОНУНГА ЭЙМУНДА НА РУСИ

В данной главе рассматриваются скандинавские тексты, содержащие сведения о междоусобице 1015–1019 годов на Руси.

Из скандинавских источников в первую очередь следует отметить древнеисландскую «Эймундову прядь» («Eymundar þátt»). Этот относительно небольшой по объему текст дошел до нас в единственном списке в составе исландской рукописи XIV века, известной под названием Книга с Плоского острова (Flateyjarbók). В оригинале повесть о подвигах Эймунда на Руси озаглавлена как «Прядь об Эймунде и Олаве конунге» («þátt Eymundar ok Olafs konungs», дословно – ‘прядь Эймунда и Олава конунга’).

Книга с Плоского острова представляет собой сборник смешанного состава, большую часть которого занимает свод королевских саг, то есть саг о норвежских конунгах. В Книгу с Плоского острова включено множество *прядей* – кратких рассказов, большая часть которых повествует о взаимоотношениях приезжего исландца с норвежским конунгом.²²⁵

«Эймундова прядь» читается в Книге с Плоского острова в составе «Саги об Олаве Святом» (короле Норвегии с 1014 по 1028 год), непосредственно после подробного рассказа о неудачном сватовстве Олава к Ингигерд, дочери шведского конунга (которого также звали *Олав*). В Книге с Плоского острова, как и в других сводах королевских саг, рассказывается о том, что Ингигерд была выдана замуж за русского князя Ярослава (Jarisleifr), после чего Олав был вынужден жениться на ее младшей сестре Астрид. Вместе с Ингигерд на Русь отправился ее друг и друг Олава норвежского, ярл Гаутланда²²⁶

²²⁵ Слово *þátt* изначально означало ‘прядь, из которых сплетается канат’. Текст прядей составляет большую часть объема Книги с Плоского острова.

²²⁶ Гаутланд – область на юге Швеции, населенная племенем гаутов (центральная Швеция – Свеаланд – была населена свеями).

Рёгнвальд Ульвссон, который был в немилости у Олава Шведского. Рёгнвальд получил в управление Ладугу (*Альдейгьюборг* скандинавских текстов), которую ранее Ярослав обещал выделить Ингигерд в качестве свадебного дара.²²⁷

Содержание самой «Эймундовой пряжи», часто называемой также *Эймундовой сагой* или *Сагой об Эймунде*²²⁸ таково:

Ровесники и побратимы Олав Харальдссон (Святой) и Эймунд Хрингссон были сыновьями местных норвежских конунгов, возводивших свой род к Харальду Прекрасноволосому²²⁹. Когда Олав и Эймунд подросли, они отправились в викингский поход на запад вместе с еще одним своим родственником – Рагнаром Агнарссоном. Олав, вернувшись из похода, подчинил себе всю Норвегию и стал низлагать и изгонять местных конунгов. Когда Эймунд и Рагнар вернулись в Норвегию, они узнали об этом и стали думать, что делать дальше. Эймунд решил не бороться с Олавом. «Я слышал о смерти

²²⁷ Flat. ÓN 94, s. 367–368 (bd. 2, s. 117).

²²⁸ Наименование «Эймундовой пряжи» *сагой* не является ошибкой, однако я в этой работе вслед за составителем Книги с Плоского острова буду называть древнеисландскую повесть об Эймунде *прядью*.

Saги и *пряди* обычно считаются различными литературными формами, однако «Эймундова прядь» относится к той группе текстов, для которых четкое жанровое распределение не представляется возможным. Во-первых, слово «*ráttgr*» в Книге с Плоского острова употребляется в широком значении ‘вставной рассказ’, появляясь и в заглавиях общепризнанных *саг* [Гуревич 2004: 8–12]. Как отметила Е. А. Гуревич, особо рассмотревшая вопрос о подзаголовках Книги с Плоского острова, ученый составитель этого свода «фактически признает, что последние (“пряди” – С. М.), несмотря на включение их в королевское жизнеописание, тем не менее, не подверглись ассимиляции и сохранили свой автономный статус» [Гуревич 2004: 10]. Во-вторых, объем «Эймундовой пряжи» (чуть менее десяти листов рукописи, или 16,5 страниц издания 1862 года) позволяет относить ее и к сагам, и к прядям.

²²⁹ Харальд Прекрасноволосый был конунгом Норвегии в первой половине X века.

Вальдамара (Ualldamarr) конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну – одному теперь досталось больше, чем тем двум. И зовется Бурислав (Burizlafr) тот, который получил бóльшую долю отцовского наследия, и он – старший из них. Другого зовут Ярицлейв²³⁰, а третьего – Вартилав (Uartilaftr). Бурислав держит Кенугард, а это – лучшее княжество во всем Гардарике²³¹. Ярицлейв держит Хольмгард, а третий – Пальтескью и всю область, что сюда принадлежит²³²» (Еум., s. 369 (s. 119–120)), – рассказал Эймунд своим людям. Он призвал их добыть себе богатство и славу, поступив вместе с ним на службу к сыновьям Вальдамара.

Эймунд и его люди приехали в Хольмгард к Ярислейву и нанялись к нему на службу на год. Через некоторое время Бурислав потребовал от Ярислейва отдать ему часть владений. Однако Ярислейв решил выступить против брата. Когда войска Бурислава и Ярислейва встретились, они простояли четыре дня на берегах реки, после чего люди Эймунда напали на Бурислава и тот был вынужден бежать.

²³⁰ Так передает исландский антропоним *Jarizleifr* Е. А. Рыдзевская (в переводе которой здесь и ниже дается текст «Эймундовой пряди»). Я буду транскрибировать его как *Ярислейв*.

²³¹ В скандинавской традиции (в том числе и в некоторых эпизодах самой «Эймундовой пряди») Кенугард (Киев) обычно считался вторым по значению городом Руси после Хольмгарда (Новгорода), который во многих сагах называется столицей Руси (см. [Браун 1924: 170–171]). В начальной части Книги с Плоского острова Хольмгард даже смешивается с Гардарики: «В то время, когда сыновья Гуннхильд пришли к власти в Норвегии, правил Хольмгардом, который мы зовем Гардарики, знаменитый конунг по имени Вальдимар» (Flat. OT 50, s. 35 (bd. 1, s. 77)).

²³² Как известно, у Владимира было больше сыновей. То, что в «Эймундовой пряди» перечислены только три наследника Владимира, объясняется, в частности, тем, что в Скандинавии юг Руси почти не знали. Вполне закономерно, что кроме новгородского и полоцкого князей скандинавы знали только о киевском.

Прошел слух, что Бурислав погиб. После этого Ярислейв вернулся в свои владения.

Когда истек срок договора, Ярислейв хотел отказаться от услуг Эймунда и его людей, но Эймунд рассказал ему, что по слухам Бурислав зимой скрывался в Бьярмаланде и собирает большое войско. Ярислейв и Эймунд заключили договор еще на год. Готовясь к нападению Бурислава, Эймунд укрепил защитные сооружения города Ярислейва. При появлении бьярмов, приведенных Буриславом, горожанки вышли на крепостные стены в украшениях. Множество бьярмов, засмотревшись на блестящее на солнце золото, попадало в вырытый под стенами города ров и погибло. После этого Бурислав предпринял попытку взять город приступом, но люди Эймунда героически отбили ее и вынудили Бурислава бежать.

Когда прошел еще один год и истек срок нового договора между Ярислейвом и Эймундом, Ярислейв захотел уменьшить размер оплаты, но Эймунд рассказал ему, что Бурислав зимой был в Тюрк-ланде, собрал там большое войско из разных племен и «собирается он поделить страну между этими злыми народами, если ему удастся отнять у вас (у Ярислейва – С. М.) Гардарики» (Еум., s. 373 (s. 126)). Поэтому Ярислейв заключил с Эймундом договор еще на один год. Вскоре после этого стало известно о приближении огромного войска Бурислава.

Однажды утром Эймунд, Рагнар и еще десять человек, среди которых было пятеро исландцев, выехали из города навстречу войску Бурислава. Вечером они оказались на опушке леса. Эймунд решил, что Бурислав поставит свой шатер под большим деревом, так как знал о привычках конунга. Люди Эймунда нагнули дерево²³³, привязав к нему веревку. Чуть позже подошло войско Бурислава, и конунг действительно поставил свой шатер под тем самым деревом. Когда все заснули, Эймунд, Рагнар и один исландец накинули на шатер

²³³ Вероятно, в пряди подразумевается, что было изогнуто другое дерево, либо лишь одна из ветвей дерева, под которым поставил шатер Бурислав.

Бурислава веревку и привязали ее к верхней части шатра. Потом люди Эймунда резко отпустили дерево и шатер Бурислава был заброшен в лес. Убив Бурислава и нескольких его людей, Эймунд забрал отрубленную голову Бурислава и привез ее Ярислейву. Войско Бурислава после его гибели разошлось в несогласии, не зная, кто убил их конунга.

После гибели Бурислава Ярислейв стал править и в своей земле, и в земле брата. Он больше не нуждался в помощи людей Эймунда и перестал платить им жалованье. Поэтому вскоре Эймунд перешел на службу к Вартилаву. Ярислейв хотел напасть на брата, но Эймунду посчастливилось захватить в плен жену Ярислейва Ингигерд. Ярислейв был вынужден заключить с Вартилавом мир, по которому Ярислейв получил «лучшую часть Гардарики» Хольмгард, Вартилав – Кенугард, а Эймунд – Пальтескью. После случившейся вскоре смерти Вартилава Кенугард достался Ярислейву, а Пальтескья после смерти Эймунда отошла Рагнару.

Отголоски рассказов о междоусобице Владимиричей дошли до нас и в других исландских сагах.

О противостоянии Ярислейва и Бурислейва²³⁴ кратко рассказывается в «Саге об Ингваре Путешественнике»:

«Несколько зим спустя посватался к Ингигерд тот конунг, который звался Ярицлейв (Jarizleif[r]) и правил Гард[арики]. Она была ему отдана, и уехала с ним на восток. Когда Эймунд узнал эту новость, то отправляется туда, на восток, и конунг Ярицлейв принимает его хорошо, а также Ингигерд и ее люди, так как в то время большое немирье было в Гардарики из-за того, что Бурицлейв (Burizleif[r]), брат конунга Ярицлейва, напал на государство. Эймунд провел с ним (Бурицлейвом – С. М.) 5 битв, но в последней был Бурицлейв пленен и ослеплен и привезен к конунгу. Там получил он (Эймунд – С. М.) огромное богатство серебром и золотом, и различными драго-

²³⁴ *Бурислав* и *Бурислейв* – две равноправные формы одного и того же имени, так как элементы *-leifr* и *-láfr* взаимозаменяемы в скандинавских именах.

ценностями, и дорогими предметами» (Yngv., s. 4–5, перевод Г. В. Глазыриной).

После этого, согласно саге, Эймунд вернулся в Швецию.

Как предположил Р. Кук, автор «Саги об Ингваре» был хуже знаком с походом Эймунда, чем автор «Эймундовой пряди», поэтому допустил некоторые ошибки в своем кратком изложении рассказа о подвигах Эймунда [Кук 1986: 67–68]. Отметим, что в «Саге об Ингваре» сообщается об ослеплении Бурислейва, а не об убийстве, как в «Эймундовой пряди». Возможно, эта трансформация легенды вызвана знакомством рассказчиков саги с историей датского принца конца XII века Буриса Хейнрекссона, брата датского конунга Инги, сына Хейнрека. Бурис Хейнрекссон был ослеплен за измену конунгу Вальдемару.

Следующий источник, который необходимо упомянуть – это поздняя «Сага о Вильмунде» («Vilmundar saga víðutan») – одна из так называемых «лживых» или «романтических» саг, дошедшая до нас в списках начиная с XV века. Главным героем саги является Вильмунд, который служит королю Хольмгарда Висевальду. В одном из эпизодов саги действует некий сын короля Блэкуманналанда Бурис. Сага сообщает о неожиданном нападении Буриса на Хольмгард. Огромное войско Буриса состоит из берсерков и «blamenn» (то есть ‘негров’).²³⁵ Нападение было отражено благодаря Вильмунду, который собственноручно убил Буриса.²³⁶

Этот рассказ следует сопоставить с эпизодом «Эймундовой пряди», в котором рассказывается о последнем походе Бурислава на Ярислейва. В поздней саге Ярислейву, Эймунду и Буриславу соответствуют Висевальд²³⁷, Вильмунд и Бурис. Огромное войско Бурислава согласно «Эймундовой пряди» состояло из «тюрков» («tyrki»),

²³⁵ Vilmundar saga, cap. 15 (p. 172–173).

²³⁶ Vilmundar saga, cap. 16 (p. 175).

²³⁷ Это имя восходит к древнерусскому княжескому имени *Всеволодь*.

«blókumenn»²³⁸ и «многих других злых народов». Сходство сюжета и некоторых имен говорит об очевидной связи «Саги о Вильмунде» с «Эймундовой прядью». Таким образом, рассказ о Вильмунде и Бурисе является отголоском повести о борьбе Эймунда с Буриславом.

Итак, и «Сага об Ингваре», и «Сага о Вильмунде» являются лишь отголосками истории о подвигах Эймунда на Руси. Главным скандинавским источником о событиях 1015–1019 годов на Руси должна служить «Эймундова прядь».

Проблема истории формирования «Эймундовой пряди» слабо разработана в историографии. До недавнего времени историки, интерпретировавшие сведения, содержащиеся в этом тексте, не задавались целью понять, как возникла «Эймундова прядь», каков был ее первоначальный вид, подверглась ли прядь изменениям за время своего устного бытования, каковы были причины этих изменений, когда они происходили, когда и в каком виде «Эймундова прядь» была записана, когда была включена в «Сагу об Олаве». Некоторые из этих вопросов поднимались отдельными учеными²³⁹, однако они никогда не рассматривались комплексно. Между тем сохранившийся текст «Эймундовой пряди» несет в себе следы длительной литературной традиции, поэтому постановка вопроса о значимости пряди для реконструкции междоусобицы Владимиричей и для реконструкции истории ранних рассказов об этих событиях требует глубокого источниковедческого изучения пряди, в том числе ее литературной формы.

Целью данной главы является выяснение истории формирования «Эймундовой пряди» на скандинавской почве.

²³⁸ О данном этнониме см. [Мельникова 2001: 298].

²³⁹ См. [Мюллер П. 1820: 183–186; Лященко 1926; Ильин 1957: 91–92; Кук 1986].

2.1. Два слоя текста «Эймундовой пряди» Повесть об Эймунде и «Сага об Олаве Святом»

Текст «Эймундовой пряди» распадается на два слоя, которые следует рассматривать отдельно. Содержание пролога и заключительных пассажей пряди сильно отличается от содержания основного повествования.²⁴⁰

Главной темой пролога пряди является противостояние Олава Святого и Эймунда (главных героев саги и вставленной в нее пряди соответственно). В заголовке «Эймундовой пряди» упоминаются именно Эймунд и Олав. Между тем после пролога о взаимоотношениях этих конунгов речь не заходит: мы находим здесь противостояние Эймунда с конунгом Хольмгарда Ярислейвом. Лишь в последних строках пряди мы обнаруживаем почти никак не связанное с предыдущим повествованием упоминание посещения Олавом Руси, закольцовывающее повествование «Эймундовой пряди» и служащее как бы мостиком для возвращения к основному течению «Саги об Олаве Святом», в состав которой включена прядь. Прядь завершается следующими словами:

«Когда Эймунд конунг заболел, он отдал свое княжество Рагнару, побратиму своему, потому что ему больше всего хотелось, чтобы он им пользовался. Это было по разрешению Ярицлейва конунга и Ингигерд. Рагнвальд, сын Ульва, был ярлом над Альдейгьюборгом; они с Ингигерд княгиней (drottning) были детьми сестер. Он был великий вождь, и обязан данью Ярицлейву конунгу, и дожил до старости. И когда Олав Святой, сын Харальда, был в Гардарики, был он у Рагнвальда, сына Ульва, и между ними была самая большая дружба, потому что все знатные и славные люди очень ценили Олава конунга, когда он был там, но всех больше – Рагнвальд ярл и Ингигерд княгиня, потому что они (то есть Ингигерд и

²⁴⁰ В данном разделе развиваются идеи, кратко изложенные в моих тезисах [Михеев 2008г].

Олав – С. М.) любили друг друга тайной любовью» (Еум., s. 377 (s. 134)).

Таким образом, только в начале и конце «Эймундовой пряди» повествуется о событиях и героях, известных исландской аудитории. Здесь действуют не загадочные Бурислав и Вартилава, а знакомые любому скандинаву Олав Святой и Ингигерд. Эта особенность говорит о возможной вторичности включения рассказов об Эймунде в «Сагу об Олаве» и об искусственности пролога и заключительных пассажей пряди.

Сюжет обрамления «Эймундовой пряди» приближает ее к многим произведениям исландской литературы, запись которых началась в относительно позднее время. Сюжет, где герой, терпящий сначала неудачи на родине, добивается затем славы и власти в результате своих подвигов на Руси, вполне типичен для так называемых «саг о древних временах», содержание которых имеет полулегендарный характер. Так, главный герой «Саги об Ингваре» Ингвар Путешественник, становится известным на всю Скандинавию благодаря своему походу на Восток, хотя и умирает там с большей частью своих воинов. Сын Ингвара Свейн, также совершивший дальний поход в восточные страны, женится на королеве Силькисив и становится крестителем своей новой державы.

Совершенно иную картину представляет собой содержание основной части «Эймундовой пряди». На основании историчности сюжета произведения Г. В. Глазырина датирует его создание временем не позднее середины XIII века: «Общая картина развития интереса к историческим сюжетам, связанным с Русью, а также тенденция фиксации этой информации в определенных жанрах древнеисландских памятников и в определенное время позволяют поставить вопрос о пересмотре датировки этого произведения и отнести его к более

раннему времени, по крайней мере не позднее середины XIII в.²⁴¹ Эта условная дата определяется снижением интереса к “серьезным жанрам” – таким, как исторические сочинения и королевские саги, – и все большей переориентацией читателя и слушателя на “легкие жанры” – саги о древних временах и рыцарские саги, авторы которых включают в свои произведения исторические сюжеты, существенно перерабатывая их, либо используют “восточные” мотивы для создания определенного исторического фона в своих произведениях» [Глазырина 2001: 153].

Позднее время создания пролога и эпилога «Эймундовой пряди» подтверждается также наблюдениями Е. А. Мельниковой. Разбирая содержание пролога пряди, она обратила внимание на то,

²⁴¹ Данные слова Г. В. Глазыриной требуют комментария. Дело в том, что во многих работах по неясной причине безоговорочно принимается ничем не аргументированная точка зрения Я. де Фриса, который высказал предположение о том, что «Эймундова прядь» могла быть написана в конце XIII века [Фрис 1967: 304].

А. И. Лященко – также без аргументации – датировал прядь концом XIII – началом XIV века: «первоначальная запись ее относится, конечно, ко времени более раннему (чем время написания Книги с Плоского острова – С. М.) (б[ыть] м[ожет], началу XIV или концу XIII в.)» [Лященко 1926: 1065].

Херманн Пальссон и П. Эдвардс более широко датировали «Эймундову прядь» второй половиной XIII века [Херманн Пальссон, Эдвардс 1989: 8]. Между тем и эти исследователи не приводили никаких доказательств такой датировки. При этом Херманн Пальссон и П. Эдвардс неверно отсылали читателя к статье Р. Кука, которой якобы датировал прядь XIV веком [Херманн Пальссон, Эдвардс 1989: 8]. Однако в указанном ими месте (как и во всей статье Р. Кука) никаких соображений о датировке «Эймундовой пряди» нет. Такой поздней датировки пряди нигде в литературе обнаружить не удалось.

В свою очередь Е. А. Мельникова считает, что рассказы об Эймунде до своей записи передавались изустно как минимум два с половиной столетия [Мельникова 2008б: 148]. Между тем исследовательница не приводит никаких доводов в пользу того, что прядь не могла быть написана до 1260-х годов.

что у Эймунда «известие об убийстве ближайших родственников вызывает не яростное желание отомстить за них, а лишь “сожаление” и “обиду” за них, потому что он сознает необходимость этой тяжелой жертвы ради благополучия страны, – мотив, абсолютно немыслимый для культуры эпохи викингов и в корне противоречащий обычаям, этическим нормам, поведенческим установкам как викинга начала XI в., так и составителей саг, королевских и родовых, XIII в.» [Мельникова 2008б: 150]. По мнению Е. А. Мельниковой, пролог пряди «возник достаточно поздно, вероятно, близко ко времени (если не в процессе) включения “Пряди об Эймунде” в “Книгу с Плоского острова”» [Мельникова 2008б: 150].

Нельзя не отметить, что мнение о позднем происхождении дошедшего до нас текста «Эймундовой пряди» не всегда признавалось справедливым. П. Э. Мюллер считал, что «Эймундова прядь», включая ее пролог, была написана в XIII веке. Исследователь обосновывал свою точку зрения тем, что автор пряди в прологе ссылается на Стюрмира Карасона²⁴², тогда как, по мысли П. Э. Мюллера, к XIV веку стало так велико влияние сочинений Снорри Стурлусона, что в это время следовало бы ожидать ссылки уже на написанный Снорри «Круг Земной»²⁴³ [Мюллер П. 1820: 186]. Довод П. Э. Мюллера не кажется столь убедительным на фоне контрдоводов, приводившихся выше.

Принципиально важно, что в связи с норвежской историей главный герой «Эймундовой пряди» упоминается только в Книге с Плоского острова: в прологе «Эймундовой пряди» и в двух эпизодах «Саги об Олаве Святом».

²⁴² Стюрмир Карасон (ум. в 1245 г.) – исландский книжник. В 1210–1225 годах написал не дошедшую до нас целиком сагу об Олаве Святом.

²⁴³ «Круг Земной» исландца Снорри Стурлусона – свод саг о шведских и норвежских конунгах с легендарных времен до конца XII века, созданный в начале XIII века.

Перекрестные отсылки к прологу пряди содержатся в той части «Саги об Олаве Святом», которая предшествует «Эймундовой пряди». В первом случае упоминается побратим Олава Эймунд Акасон:

«Когда Олаву было 12 лет, он говорит Асте, своей матери, что “я хочу, чтобы ты попросила Сигурда²⁴⁴, чтобы он дал мне корабль с высокой броней, хорошо экипированный людьми и оружием, и я хочу уехать из страны с Эймундом Акасоном, моим побратимом (ok Eymundr Akason fostbrodir minn)”» (Flat. ÖN 15, s. 312 (bd. 2, s. 14)).

Интересно, что патроним *Акасон* Эймунд имеет в «Саге об Ингваре». ²⁴⁵

Во втором случае Эймунд упоминается без патронима:

«Он (Олав Святой – С. М.) приказал ослепить Хрёрека на оба глаза и держал его при себе, потому что боялся его мудрости, если бы тот не был изувечен, но не хотел его убивать из-за его брата Эймунда²⁴⁶, побратима Олава, который тогда был в грабительском походе (firir sakir Eymundar brodur sins en fostbrodur Olafs er þa uar j hernade), но велел отрезать язык Гудрёду, конунгу Долин, а Хрингу и двум другим он велел поклясться, что они уедут прочь из Норвегии и никогда не вернуться» (Flat. ÖN 57, s. 340–341 (bd. 2, s. 66–67)).

²⁴⁴ Сигурда Свинью, мужа Асты, отчима Олава и отца Харальда Сигурдарсона (Сурового).

²⁴⁵ Г. В. Глазырина считает, что в этом эпизоде Книги с Плоского острова «Эймундом Акасоном» назван *Эймунд Хрингссон* [Глазырина 2002: 62]. Это мнение ни на чем не основано, так как Эймунд Хрингссон ни в одном источнике кроме «Эймундовой пряди» более не фигурирует. С тем же успехом можно было бы предположить, что в «Эймундовой пряди» Эймунд Акасон называется *Эймундом Хрингссоном*.

²⁴⁶ В «Эймундовой пряди» Хрёрек, Эймунд и Даг названы сыновьями Хринга Дагссона (Eym., s. 368 (s. 118)).

Оба приведенных фрагмента являются отсылками к самой пряди, введенными в Книгу с Плоского острова ее составителем или составителем одного из предшествовавших ей сводов. Ни в одном другом своде королевских саг Эймунд в этих контекстах не упоминается. В том, что данные фрагменты являются вставками, убеждает нас сравнение текста Книги с Плоского острова с текстом более раннего свода – «Круга Земного» Снорри Стурлусона²⁴⁷.

Так, рассказ о расправе Олава над конунгами Упллэнда звучит в «Круге Земном» следующим образом:

«Олав конунг велел окружить эти покои и следить за тем, чтобы никто оттуда не смог выбраться. Они так и сделали и стали ждать рассвета. У конунгов не было никакой охраны, и их всех схватили и привели к Олаву конунгу.

Хрёрек конунг был человеком очень умным и решительным, и Олав конунг считал, что на него нельзя будет положиться, даже если он заключит с ним мир. Поэтому он приказал выколоть Хрёреку оба глаза и оставил его при себе. Гудрёду конунгу из Долин он велел отрезать язык. С Хринга и еще двух конунгов он взял клятву, что они уедут из Норвегии и никогда не вернуться назад. Лендрманнов и бондов, которые участвовали в заговоре, он либо изгнал из страны, либо велел изувечить, а некоторых он пощадил» (Нкр. ОН 75 (bd. 2, s. 129–130), перевод Ю. К. Кузьменко).

Сопоставим тексты «Круга Земного» и Книги с Плоского острова.

²⁴⁷ См. Нкр. ОН 4 (bd. 2, s. 5); ОН 75 (bd. 2, s. 129–130).

Таблица 21

«Круг Земной»	Книга с Плоского острова
<p>«lét konungr taka ǫll þau herbergi ok gæta, at engi maðr kvæmisk í brot; biðu svá lýsingar. Konungarnir höfðu eigi liðs-kost til varnar ok váru þeir allir höndum teknir ok leiddir fyrir konung. Hrærekr konungr var maðr forvitri ok harðráðr; þótti Óláfi konungi hann ótrúligr þótt hann gerði nokkura sætt við hann. Hann lét blinda Hrærek báðum augum ok hafði hann með sér;</p>	<p>«let Olafir konungr taka þau herbergi öll ok gæta at æinge maðr komizst j brott biðu suo lysingar. konungar höfðu æigi lidskost til uarnar ok uoru þeir aller samt hondum teknir ok leiddir firir konung. Hrærekr uar maðr foruitri ok hardradr. þotti Olafi konungi hann otruligr þott hann gerde sætt vid hann. hann let blinda Hrærek badum augum ok hafde hann med ser</p>
	<p>þuiat hann ugde speke hans ef hann væri vhamladr en uillde þo æigi drepa hann firir sakir Eymundar brodur sins en fostbrodur Olafs er þa uar j her-nade</p>
<p>en hann lét skera tungu ór Guðrøði Dala-konungi; en Hring ok aðra ii. lét hann sverja sér eiða ok fara í brot ór Nóregi ok koma aldri aprtr; en lenda menn eða bæendr, þá er sannir váru at þessum svikræðum, rak hann suma ór landi, sumir váru meiddir, af sumum tók hann sættir».</p>	<p>en hann let skera tungu ör höf-de Gudrøde Dalakonungi. en Hring ok .ij. aðra let hann sueria ser æida at þeir skilldu fara a burt or Noregi ok koma alldri aftr. en lenda menn edr bæendr þa er sannir voru at þessum suikræðum rak hann suma ór lande sumir voru meiddir af sumum tok hann sættir».</p>

Итак, фрагмент, содержащий упоминание Эймунда, оказывается явной вставкой в текст «Саги об Олаве Святом».

Еще интереснее единственное упоминание Эймунда вне Книги с Плоского острова – в «Саге об Ингваре». В этой саге Эймунд имеет совсем иную генеалогию: его родителями названы шведский хёвдинг Аки и дочь Эйрика Победоносного, сестра Олава Шведского. Однако рассказ о деятельности Эймунда на Руси в «Саге об Ингваре», очевидно, имеет с сюжетом «Эймундовой пряди» общее происхождение.

Сравнивая «норвежскую» и «шведскую» версии рассказов об Эймунде, Р. Кук отметил, что (1) и там и там антагонист Ярослава назван *Бурислейвом*, (2) в Книге с Плоского острова Эймунд однажды назван с патронимом *Акасон*, то есть так же, как в «Саге об Ингваре», (3) судя по руническим надписям на камнях, установленным в Швеции в память воинов Ингвара, отцом Ингвара, ставшего главным героем «Саги об Ингваре», действительно был некий Эймунд [Кук 1986: 67]. На основании этих наблюдений Р. Кук предположил, что (1) на Руси побывали шведы, с которыми происходили события, нашедшие отражение в «Эймундовой пряди»; (2) лидера этих шведов, вероятно, звали Эймунд, либо впоследствии он получил это имя из-за контаминации с отцом Ингвара Путешественника; «(3) одна из версий подвигов Эймунда под началом Ярислейва против его брата Бурислейва была передана в *Yngvars saga* – это была менее точная версия, в которой Бурислейв был захвачен и ослеплен, а не убит; (4) более тщательное описание этой борьбы было приписано представителям норвежской семьи Хринга Дагссона (один из братьев или сыновей которого мог действительно быть побратимом Олава, впоследствии бежавшим на Русь). Эта вторая версия передана в *Eymundar þáttur*. “Эймунд Акасон”, упоминаемый в *Flatteyjarbók* 2.14 как побратим Олава, – это след “шведской” версии повести» [Кук 1986: 67–68].

Итак, текст «Эймундовой пряди» имеет более ранний и более поздний слои. К первому относится основная часть рассказа о подвигах Эймунда на Руси, а ко второму – пролог и заключение пряди.

Границы раннего и позднего слоев «Эймундовой пряди» довольно сложно определить четко. Не совсем ясно, где в завершающей части пряди заканчивается «шведская» версия повести об Эймунде и начинается текст, принадлежащий перу составителя свода саг о норвежских конунгах.

Как уже говорилось выше, два слоя текста пряди отличаются тем, что только в позднем слое упоминаются знакомые исландской аудитории персонажи и сюжеты. Таким образом, совершенно

очевидно, что первоначальная версия повести об Эймунде должна была содержать уникальные в скандинавской литературе сведения о переходе Эймунда на службу к Вартилаву (Брячиславу). Сразу после описания этого события повествование пряди резко меняется. В нем начинает играть активную роль знакомая исландцам Ингигерд, вдруг умирают незнакомые Вартилава и Эймунд.

В эпилоге пряди сообщается о смерти Вартилава, последовавшей вскоре после окончания его усобицы с Ярославом. Между тем, согласно летописи, Брячислав умер только в 6552 (1044) году.²⁴⁸ На эту несостыковку обратил внимание еще А. И. Лященко [1926: 1083], который высказал мнение о крайне низкой степени достоверности содержащихся в эпилоге «Эймундовой пряди» сведений о политических результатах, которых добился Эймунд на Руси [Лященко 1926: 1083–1085]. Исследователь предположил, что «Эймундова прядь» была создана на основании рассказов исландцев, служивших Эймунду, а недостоверность сведений эпилога пряди объяснил тем, что эти исландцы уехали домой вскоре после перехода Эймунда на службу к Брячиславу и ничего не знали о дальнейшем развитии происходивших на Руси событий [Лященко 1926: 1085–1086].

Продолжая мысль А. И. Лященко, обратим внимание на кульминационный эпизод «Эймундовой пряди». Рассказ об убийстве конунга Бурислава начинается следующим образом:

«Однажды рано утром Эймунд позвал к себе Рагнара, родича своего, десять других мужей, велел оседлать коней, и выехали они из города 12 вместе, и больше ничего с ними не было. Все другие остались. Бьёрн звался исландец, который поехал с нами, и Гарда-Кеттиль, и муж, который звался Асткелль, и двое Тордов» (Eym., s. 373 (s. 127)).

Больше ни в каких эпизодах пряди имена дружинников Эймунда и Рагнара не упоминаются. Весьма вероятно, что прядь дошла

²⁴⁸ Лавр. 6552, л. 52 об. (стб. 155); Ипат. 6552, л. 58 (стб. 143); Радз. 6552, л. 89.

до записавших ее исландских книжников именно через рассказы этих исландцев, участников похода Эймунда. Сомневаться в реальности их существования нет никаких оснований.²⁴⁹

Судя по всему, они покинули Русь вскоре после перехода Эймунда на сторону Брячислава и ничего не знали о дальнейшей судьбе Брячислава и Эймунда, как и считал А. И. Лященко.

Именно после этого эпизода в пряди содержатся сомнительные сведения. В заключительной части пряди, безусловно, преувеличивается роль, которую Эймунд играл на Руси, здесь рассказывается о ранней смерти Брячислава, о получении Эймундом Полоцка, о смерти Эймунда и о правлении Рагнара в Полоцке. Очевидное активное творчество составителя пряди объясняется тем, что эпилог этого литературного произведения должен был придавать его композиции стройность. Содержание эпилога «Эймундовой пряди» является одним из маркеров, помогающих нам определить время включения пряди в состав «Саги об Олаве Святом». Нетипичность тихой смерти главного героя для классических саг позволяет подтвердить вывод о

²⁴⁹ Ввиду всего вышеизложенного представляется неверным высказанное Е. А. Мельниковой мнение о *шведском* происхождении исландской повести об Эймунде. Г. В. Глазырина, излагая гипотезу Р. Кука о вторичности привязки рассказов об Эймунде к норвежской истории, убирает кавычки, в которые исследователь заключил слово «шведский» [Глазырина 2002: 62–63]. В свою очередь Е. А. Мельникова, опирающаяся на изложение гипотезы Р. Кука в работе Г. В. Глазыриной, ошибочно утверждает, что, согласно предположению Р. Кука, обоснованному Г. В. Глазыриной, «рассказы о деяниях Эймунда (шведа) изначально сложились в более или менее цельное и устойчивое предание не в Норвегии, а в Средней Швеции. Позднее сказания как об Ингваре, так и об Эймунде были усвоены западноскандинавской традицией и длительное время существовали в устной форме» [Мельникова 2008б: 144]. По словам Е. А. Мельниковой, Г. В. Глазырина показала, «что устная традиция о походе Эймунда Хрингссона существовала не только в норвежско-исландском культурном ареале, но и в Средней Швеции, где она была контаминирована с преданиями о походе Ингвара» [Мельникова 2008б: 144].

позднем времени формирования дошедшей до нас редакции повести об Эймунде.

Итак, судя по всему, в ходе своего устного бытования в Исландии рассказы о подвигах Эймунда первоначально были отдельным повествованием, не связанным с рассказами о норвежском короле Олаве Святом. Привязка же сюжета пряди к норвежской истории произошла, по-видимому, уже на последнем этапе развития текста – при включении в крупное литературное произведение – письменную королевскую сагу. На этой стадии «Эймундова прядь», видимо, и приобрела свое нынешнее обрамление. В пролог и в последние строки пряди были помещены несколько перекрестных ссылок на другие фрагменты «Саги об Олаве Святом». Это обрамление позволило пряди встать в ряд популярных в XIV веке в Скандинавии саг о древних временах, для которых типичен сюжет о герое, терпящем неудачи на родине, но добывающем власть и славы в результате своих подвигов на Руси.

Рассмотрим абсолютную и относительную хронологию событий, описанных в различных частях «Эймундовой пряди».

«Эймундова прядь» начинается с рассказа о том, как Олав Святой захватывал власть в Норвегии. Изгнание Олавом конунга Хрёрека датируется 1017–1018 годами²⁵⁰. Согласно прологу пряди, Эймунд прибыл в Норвегию после этих событий и, узнав о судьбе своих родичей, решил отправиться на Русь.

Битва на реке между Ярислейвом и Буриславом, первое военное столкновение с участием Эймунда на Руси, традиционно идентифицируется с уже упоминавшейся выше битвой под Любечем, описываемой древнерусскими летописями под 6524 (1016) годом.²⁵¹

²⁵⁰ [Джаксон 1994: 161 (прим. 5)].

²⁵¹ Первым обратил внимание на сходство описаний битвы на реке в пряди и битвы под Любечем (на Днепре) в летописи О. И. Сенковский [1834а: 62–64]. Мнение о том, что древнерусские и скандинавские источники описывают одно и то же событие, было поддержано А. И. Лященко,

Таким образом, Эймунд, очевидно, появился на Руси не позднее 1016 года. Как предположил М. П. Погодин [1834: 383], отряд Эймунда, вероятно, был в составе того варяжского корпуса (или, добавлю, собственно им и являлся), который, согласно летописи, был приглашен Ярославом для борьбы с Владимиром еще в 1015 году²⁵².

После битвы на реке в «Эймундовой пряди» описано нападение Бурислава вместе с бьярмами на столицу Руси, обороняемую Ярислейвом. Это событие, возможно, соответствует нападению печенегов на Киев в 1017 году (подробнее см. ниже, в главе III).

После противостояния Ярислейва и Бурислава в пряди рассказывается о борьбе Вартилава с Ярислейвом. В летописи столкновение Брячислава Изяславича с Ярославом также описано *после* Любечской битвы.²⁵³

Как уже говорилось выше, в эпилоге пряди содержатся недостоверные сведения о смерти Вартилава, о том, что Эймунд стал половецким князем, и о смерти Эймунда.

Отметим еще одно датирующее известие пряди. Одним из ее персонажей является Ингигерд, которая вышла замуж за Ярослава Владимировича в 1019 году, как полагает большинство исследователей [Назаренко 2001: 492–496].

Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельниковой [Лященко 1926: 1074; Глазырина, Джаксон, Мельникова 1999: 519] и другими исследователями и почти никем не ставилось под сомнение. Ср. [Карпов 2005: 480 (прим. 6, 16)].

²⁵² НовгIмл 6523, л. 74 об. (с. 168); Лавр. 6523, л. 44 об. (стб. 130); Ипат. 6523, л. 48 об. (стб. 115); Радз. 6523, л. 73.

²⁵³ Летописи рассказывают о борьбе Брячислава с Ярославом под 6529 годом: Лавр. 6529, л. 49 об–50 (стб. 146); Ипат. 6529, л. 55 (стб. 133); Радз. 6529, л. 83; НовгIст 6529, л. 2; НовгIмл 6529, л. 82 об. (с. 180); СофI 6529, л. 148 об.–149 (стб. 172–173); НовгIV 6529, л. 61 (с. 110–111); НовгКарамз. 6529, л. 248–248 об. (с. 62). О заключении между ними мира упоминают лишь летописи Новгородско-Софийской группы – Новгородская четвертая (НовгIV), Новгородская Карамзинская (НовгКарамз.) и Софийская первая летопись старшего извода (СофI).

Итак, мы сталкиваемся в пряди с несколькими серьезными противоречиями: хронология основной части пряди не состыковывается с (1) хронологией ее пролога, (2) хронологией эпилога и с (3) информацией о присутствии на Руси Ингигерд в момент появления там Эймунда²⁵⁴.

Первое и второе противоречие разрешаются, если принять гипотезу о позднем включении «Эймундовой пряди» в то место «Саги об Олаве Святом», где мы находим прядь ныне. Желание вписать рассказ об Эймунде в контекст норвежской королевской саги привело к составлению недостоверного пролога «Эймундовой пряди», а желание рассказчиков поставить точку в повествовании и их неосведомленность о дальнейших событиях на Руси заставили их сообщить о смерти Брячислава и Эймунда.

Данные о том, что Ингигерд уже была на Руси в момент прихода Эймунда, вероятно, появились в пряди в результате позднего добавления сказителей, передававших рассказы об Эймунде из поколения в поколение. Т. Н. Джаксон предположила, что введение Ингигерд в сюжет пряди «имеет под собой две причины: а) постоянное соединение в памятниках скандинавской письменности образов Ярицлейва и Ингигерд <...> б) введение *Пряди об Эймунде* составителями *Книги с Плоского острова* в состав *Саги об Олаве Святом* вслед за рассказом о сватовстве и женитьбе Ярицлейва» [Джаксон 1994: 171 (прим. 42)]. Отметим также, что включение «Эймундовой пряди» в «Сагу об Олаве» непосредственно после рассказа о неудачном сватовстве Олава Святого к Ингигерд, возможно, было сделано с

²⁵⁴ Если считать, что Эймунд прибыл на Русь после свадьбы Ярослава и Ингигерд, то все сведения об участии Эймунда в междоусобице второй половины 1010-х годов придется признать недостоверными. По мнению А. В. Назаренко, «анализ хронологии “Пряди об Эймунде” в сопоставлении с хронологией “Саги об Олаве Святом” <...> показывает, что Эймунд прибыл на Русь после 1019 г., а следовательно, по своему содержанию “Прядь” является не исторической сагой, а чисто литературным произведением» [Назаренко 2001: 454].

той целью, чтобы описать своеобразную месть норвежцев (в лице Эймунда) Ярославу за то, что он увел у Олава невесту. Возможно, именно поэтому одним из главных действующих лиц пряди была сделана Ингигерд.

Т. Н. Джаксон показала, что стереотипное для саг завышение политической роли Ингигерд вызвано в большей степени патриотической тенденциозностью скандинавских текстов, чем реальным положением вещей при дворе Ярослава [Джаксон 1994: 170–171 (прим. 42)]. Отметим также, что роль Ингигерд в сюжете пряди, посвященном битвам Ярислейва с Буриславом, минимальна. Она начинает реально принимать участие в действии только с не поддающегося точной датировке эпизода ухода Эймунда от Ярослава, который мог действительно случиться тогда, когда Ингигерд уже была на Руси. Кроме того, как уже отмечалось выше, исландцы, благодаря которым до нас дошла повесть об Эймунде, вероятно, покинули Русь вскоре после перехода на сторону Вартилава.

Роль Ингигерд в «Эймундовой пряди» вполне соответствует роли жены конунга в «прядах о поездках из страны». Как отметила Е. А. Гуревич, «женщина в пряди обычно старается удержать своего мужа (или отца) от жестких действий, добиваясь умиротворения. <...> женщина в пряди, как правило, поддерживает не своего супруга, но принимает сторону его антагониста – провинившегося перед ним чужестранца» [Гуревич 2004: 260–261]. «Однако в отличие от жен лендрманнов жены конунгов обычно ведут себя более сдержанно и, даже недвусмысленно выказывая расположение к герою, никогда не выступают против своих облеченных властью мужей», – пишет Е. А. Гуревич [2004: 262]. В «Эймундовой пряди» мы находим два эпизода, в которых Ингигерд отчасти приняла сторону Эймунда. В рассказе об уходе Эймунда к Вартилаву Ярослав высказал пожелание расправиться с Эймундом и его людьми, на что Ингигерд сказала мужу: «До того еще будет вам от них (от Эймунда и Вартилава – С. М.) какое-нибудь бесчестие» (Eym., s. 375 (s. 130)). В заключительной части пряди Ингигерд, захваченная в плен Эймундом, сама

объявила невыгодные для своего мужа условия мира между ним и Вартилавом с Эймундом.

Все вышесказанное убеждает нас в том, что реальные обстоятельства участия Ингигерд в междоусобице 1015–1019 годов нельзя восстанавливать на основании сведений «Эймундовой пряди».

Итак, пролог и эпилог «Эймундовой пряди», а также гипертрофированность в повествовании роли Ингигерд следует признать поздними чертами. Между тем относительная хронология собственно рассказов о подвигах Эймунда на Руси нигде не выявляет своего недостоверного характера.²⁵⁵ Группу варяжских наемников, возглавлявшуюся Эймундом, очевидно, не позднее 1016 года нанял на службу Ярослав Владимирович. Эти скандинавы (среди которых было несколько исландцев) оставались на Руси несколько лет, однако уехали примерно тогда, когда Эймунд стал служить другому князю – Брячиславу Изяславичу полоцкому.

Отметим еще раз, что несостыковка хронологии событий, описывающихся в прологе, в основной части «Эймундовой пряди» и в ее эпилоге подтверждает гипотезу Р. Кука о позднем включении этого текста в состав «Саги об Олаве Святом».

* * *

Изучение «Эймундовой пряди» приводит нас к следующим выводам. До 1016 года на службу к новгородскому князю Ярославу Владимировичу попала группа скандинавских наемников под началом Эймунда. Они приняли активное участие в междоусобице наследников Владимира Святославича. Несколько исландцев из команды Эймунда покинули Русь вскоре после перехода их военачальника на службу к князю Брячиславу Изяславичу полоцкому. Благодаря этим исландцам в скандинавской традиции до нас дошли сведения о

²⁵⁵ К сходным выводам параллельно со мной пришла недавно Е. А. Мельникова [2008б], не знакомая с моей статьей, где они уже были кратко обоснованы [Михеев 2006б: 28–29].

событиях 1015–1019 годов на Руси. Сага о подвигах Эймунда долгое время передавалась изустно в Исландии и была записана лишь в XIII или даже XIV веке. При включении «Эймундовой пряди» в состав свода саг о правителях Норвегии она получила то обрамление, которое читается в ней сейчас. Сочиненные исландским книжником пролог и эпилог пряди искусственно связали рассказы об Эймунде с историей утверждения в Норвегии конунга Олава Святого и его сватовства к шведской принцессе Ингигерд.

Основная часть «Эймундовой пряди» отличается от ее позднего обрамления по нескольким параметрам. Во-первых, только в обрамлении пряди важную роль играют персонажи, хорошо известные из других произведений скандинавской литературы. Во-вторых, только в обрамлении пряди обнаруживаются нетипичные для саговой этики мотивы отказа от мести за родичей и смерти главного героя от болезни. В-третьих, хронология описанных в прологе и эпилоге пряди событий вступает в противоречие с хронологией основной части произведения.

2.2. «Suni AimuntaR» Происхождение Эймунда

Обратимся теперь к проблеме происхождения Эймунда–убийцы Бурислава.²⁵⁶

В прологе «Эймундовой пряди» происхождение главного героя описано следующим образом:

«Ринг (Hringr) звался конунг, который правил в Упланде в Норвегии. Рингарики называлась та область, над которой он был конунгом. Был он мудр и любим, добр и богат. Он был сыном Дага, сына Ринга, сына Харальда Харфагра; вести свой род от него считалось в Норвегии самым лучшим и почетным. У Ринга было три сына, и все они были конунгами. Старшего звали Ререк (Hrærekr), второго – Эймунд (Eymundr), третьего –

²⁵⁶ Данный раздел является расширенным вариантом статьи [Михеев 2006б].

Даг. Все они были храбры, защищали владения отца, бывали в морских походах и так добывали себе почет и уважение. Это было в то время, когда конунг Сигурд Свинья правил в Упланде; он был женат на Асте, дочери Гудбранда, матери Олава конунга Святого. <...> Они были побратимами, когда росли, Олав, сын Харальда, и Эймунд, сын Ринга; они были к тому же почти одних лет. Они занимались всеми физическими упражнениями, какие подобают мужественному человеку, и жили то у Сигурда конунга, то у Ринга конунга, отца Эймунда. Когда Олав конунг поехал в Англию, поехал с ним и Эймунд; еще был с ними Рагнар, сын Агнара, сына Рагнара Рюкиль, сына Харальда Харфагра, и много других знатных мужей» (Eym., s. 368 (s. 118)).

Согласно «Саге об Ингваре», Эймунд—*отец Ингвара Путешественника* был сыном шведского хёвдинга Аки. В саге рассказывается, что Аки силой захватил дочь Эйрика Победоносного и сделал ее своей женой, после чего у них родился Эймунд (Yngv., s. 1–2).

Несмотря на разноречивые сведения о происхождении интересующих нас персонажей, вряд ли следует сомневаться в том, что, во-первых, отцом Ингвара действительно был некий Эймунд, а, во-вторых, что существовал некий Эймунд, который убил Бурислава и стал прототипом главного героя «Эймундовой пряжи» и одного из героев «Саги об Ингваре». Оба эти Эймунда — *отец Ингвара* и *убийца Бурислава* — по-видимому, происходили из королевских родов.

Генеалогии Эймунда Хрингссона в «Эймундовой пряжи» и Эймунда Акасона в «Саге об Ингваре» носят недостоверный характер. О позднем происхождении пролога «Эймундовой пряжи» уже говорилось выше.

Прототипом Аки, о котором рассказывается в «Саге об Ингваре» как об отце Эймунда, на мой взгляд, был шведский бонд Аки из Вермаланда, согласно «Саге о Харальде Прекрасноволосом», убитый

шведским конунгом IX века Эйриком сыном Анунда²⁵⁷ за симпатии к норвежскому конунгу Харальду Прекрасноволосому²⁵⁸. Совпадение личных имен Эйрика Анундарсона и Эйрика Победоносного могло привести к ошибке автора пролога «Саги об Ингваре», отождествившего этих конунгов, а также смешавшего историю деда своего главного героя с историей, произошедшей не менее чем на век ранее с другим шведским хёвдингом, носившим имя *Аки*. В результате этой контаминации Эйрику Победоносному, вероятно, и было приписано убийство хёвдинга Аки.

Существовал ли на самом деле Эймунд Хрингссон, определить невозможно. Р. Кук считает, что его генеалогия в «Эймундовой пряди» не соответствует реальности. По мнению Р. Кука, об этом, во-первых, говорит то, что Хрёрек во всех королевских сагах называется братом Хринга, а в пряди – его сыном, а, во-вторых, то, что Эймунд Хрингссон почти нигде кроме пряди не фигурирует [Кук 1986: 66]. Как отметила Е. А. Мельникова [2008б: 147], в «Эймундовой пряди» Хринг назван конунгом Хрингарики (область на юге Норвегии), хотя, согласно королевским сагам, и он, и Хрёрек правили в расположенной севернее области Хейдмёрк.²⁵⁹

Я попытаюсь выяснить происхождение Эймунда–отца *Ингвара* и Эймунда–убийцы *Бурислава*, исходя в большей степени из совокупности прямых и косвенных данных о походе Ингвара и походе

²⁵⁷ Эйрик в данной саге ошибочно назван *Эйриком сыном Эймунда*, однако на самом деле, видимо, отца этого Эйрика звали *Анунд*, а не *Эймунд*. Ср. *Nervar.*, с. 77 [гл. 15].

²⁵⁸ *Nkr. NarHárf* 14 (bd. 1, s. 116–119).

²⁵⁹ Королевским сагам известен лишь один сын Хринга из Хейдмёрка – Даг. Отметим, что в «Саге о названных братьях» по Книге с Плоского острова имеется вставной рассказ о встрече скальда Тормода с Дагом Хрингссоном (Flat. ÓН 291, s. 497–498 (bd. 2, s. 360–362)). Фрагменты «Саги о названных братьях» читаются в Книге с Плоского острова по соседству с «Эймундовой прядью». Ср. также [Циммерлинг 2000: 337, 361 (прим. 164, 167)].

Эймунда, чем из генеалогий, которые приписываются им в прологах «Саги об Ингваре» и «Эймундовой пряди».

Прежде чем обратиться к вопросу о происхождении Ингвара, необходимо кратко обрисовать политическую историю Швеции XI века.

Конунги Эйрик Победоносный (ум. ок. 995) и его сын Олав Шведский (ок. 995–1020) происходили из древнего шведского королевского рода. По источникам известны два сына Олава Шведского – старший Эймунд (в историографии также Эмунд), родившийся от наложницы, и младший Анунд–Якоб (также Энунд – *Onundr*), мать которого, скорее всего, была законной женой Олава²⁶⁰. В конце правления, около 1019 года, Олав отдал свою дочь Ингигерд в жены новгородскому князю Ярославу Владимировичу, ведущему в те годы активную борьбу за киевское княжение. По решению упсальского тинга около 1020 года Якоба сделали соправителем Олава²⁶¹. Единовластным правителем Анунд–Якоб стал около 1022 года, когда его отец умер. При Анунде–Якобе состоялся крупный поход на восток под предводительством Ингвара Путешественника. Об этом событии повествует «Сага об Ингваре», а также многочисленные рунические надписи на камнях, установленных в честь воинов, павших в этом походе. Анунд правил вплоть до своей смерти около 1051 года. На троне его сменил старший брат Эймунд, вошедший в историю как *Эймунд Старый* или *Эймунд Злой*.

После смерти Эймунда власть перешла к Стейнкелю (ок. 1056–1066), который происходил из другого рода, но состоял в свойстве с конунгами из древней династии [Успенский 2005]. После Стейнкеля

²⁶⁰ Adam II: XXXVIII (37) (S. 99), LVIII (57) (S. 119); ср. Нкр. ÓН 88 (bd. 2, s. 162). Подробно о происхождении Анунда–Якоба см. [Успенский 2001: 58–62].

²⁶¹ При этом, по-видимому, именно на том тинге Якоб получил династическое имя *Анунд* (Нкр. ÓН 94 (bd. 2, s. 194); ср. Adam II: LVIII (57) (S. 119); о переименовании Якоба см. подробно [Успенский 2001: 63–65]).

и вплоть до вступления на престол его сына Инги (ок. 1080–1112) за шведскую корону с переменным успехом боролись представители старой и новой династий. Среди них были некие двое Эйриков, погибшие в битве между собой, Халльстейн Стейнкельссон, Анунд из Руси («Anunder a Ruzzia»), Хакон Рыжий. Детали этой борьбы почти неизвестны, как неизвестны наверняка и родственные связи этих Эйриков, Анунда и Хакона.

Итак, обратимся теперь к вопросу о том, кем был Эймунд-отец Ингвара Путешественника. В «Саге об Ингваре» кроме основной версии происхождения главного героя имеется следующий рассказ:

«Некоторые сказители саг говорят, что Ингвар был сыном Энунда Олавссона, потому что им кажется, будто ему прибудет чести, если его назовут сыном конунга. Но Энунд с охотой отдал бы все свое государство, если бы он мог выкупить жизнь Ингвара, потому что все хёвдинги в Свитьоде предпочли бы, чтобы он был конунгом над ними. А случается, некоторые люди спрашивают, что указывает на то, что Ингвар не был сыном Энунда Олавссона, и на это мы хотели бы ответить следующим образом. У Эймунда²⁶², сына Олава²⁶³, был сын по имени Онунд²⁶⁴. Он был похож на Ингвара во многих [проявлениях] природы, и превыше всего в своих дальних странствиях, как это засвидетельствовано в той книге, которая называется “Gesta saxorum” и в которой так написано: <приводится латинская цитата, сообщающая об отправке этого Онунда сына Эмунда²⁶⁵ отцом в поход и его гибели в стране амазонок²⁶⁶>» (Yngv. 14 (s. 47–48))²⁶⁷.

²⁶² В рукописи С – Аунунда.

²⁶³ Слова «сына Олава» есть только в списке А.

²⁶⁴ В рукописи С – Эймунд.

²⁶⁵ В рукописи В – Эмунда сына Эмунда, С – Эймунда сына Аунунда, D – Энунда сына Эймунда.

Несмотря на скептическое отношение автора саги к сведениям о прямом происхождении Ингвара Путешественника от шведского королевского рода по мужской линии, возможно, эти сведения все же имеют под собой почву. В начале XX века русский скандинавист Ф. А. Браун выдвинул гипотезу о том, что главный герой «Саги об Ингваре» был сыном Эймунда Старого. Основными источниками, на которых было построено предположение Ф. А. Брауна, стали несколько рунических камней из центральной Швеции.

Надпись на первом из камней, на которые обратил внимание Ф. А. Браун, гласит:

«**anuntr · auk · airikr · auk · hakun · auk inkuar · rais[*tu*]**
(· stain ·)**[*pin*](s)[*a* · ift]ir · raknar · brupur sin · kuþ · hialbi**
ant · hans».²⁶⁸

‘Анунд и Эйрик и Хакон и Ингвар поставили этот камень по Рагнару, своему брату. Боже, помоги его душе!’

Второй из камней, часть надписи которого не сохранилась, содержит следующий текст:

«**airikr · auk hokun · auk inkuar auk k rahn[*ilt*]r · þou h[*I*]**
(50–60 знаков)**[*a*]R · [*i*]na hon uarþ [tau]þ[r] [*a*] kriklati · kuþ**
hialbi honsalukuþs muþi[R]».²⁶⁹

‘Эйрик и Хакон и Ингвар и Рагнхильд²⁷⁰, они ... Он умер в Грикланде. Боже, помоги его душе и Богоматерь!’

²⁶⁶ Латинская фраза в рукописях саги имеет значительные различия (см. [Хофманн 1981: 205–206; Глазырина 2002: 372–375 (прим. 148)]).

²⁶⁷ Данный рассказ содержится в конце саги и является по сути как бы схолией.

²⁶⁸ U 513, Rimbo kyrka (s. 368–371; pl. 106).

²⁶⁹ U 540, Husby-Lyhundra kyrka (s. 422–427; pl. 119).

Исследовав совокупность имен, содержащихся в этих двух текстах, Ф. А. Браун заметил, что «в том сочетании, в каком их [имена] дают вышеприведенные надписи L. 601 [U 513 – С. М.] и 605 [U 540 – С. М.], они характерны только для одной семьи – для шведской королевской династии, занимавшей шведский престол, вероятно, со времен доисторических, но во всяком случае со второй половины IX века» [Браун 1910а: 136]. Опираясь на разрозненные сведения о политической истории Швеции XI века, Ф. А. Браун делает вывод, что братья Анунд, Эйрик и Хакон надписей U 513 и U 540 – это известные из других источников претенденты на шведский трон, боровшиеся за него после смерти Стейнкеля [Браун 1910а: 141–145]. Самый важный источник, который повествует об этих событиях, – книга Адама Бременского, в одной из схолий к которой говорится:

«После гибели обоих Эриков в сражении²⁷¹ к власти пришел сын Стенкеля Халзстейн. Вскоре он был изгнан, [а на его место] из России пригласили Анундера, однако затем, отстранив и этого, свеоны избрали некоего Хаквина. Он женился на матери Олафа-юноши».²⁷²

²⁷⁰ Ф. А. Браун переводит это место так: ‘Ингвар и Рагнгильда, муж с женой’ [Браун 1910а: 136]. Однако, скорее всего, Рагнгильд была матерью всех перечисленных братьев [Фрисен 1910: 202] или, возможно, их сестрой [Шюк 1914: 21 (fn. 1)].

²⁷¹ Данная схолия относится к следующим словам Адама: «В Свеонии в то же время умер христианнейший король Стинкель. После его [смерти] за власть стали бороться два Эрика, [и, говорят,] в [этой] войне погибла вся шведская знать. Тогда же пали и оба короля. Таким образом, вследствие исчезновения всего королевского рода королевская власть [в Свеонии] пошатнулась» (Adam III: LIII (52) (S. 197–198), перевод В. В. Рыбакова). Ф. А. Браун считал, что второй из упомянутых здесь Эйриков мог быть сыном Анунда-Якоба и двоюродным братом Эйрика сына Эймунда [Браун 1910а: 141].

²⁷² Adam III, schol. 84 (85) (S. 197), перевод В. В. Рыбакова.

«Этим, – по мнению Ф. А. Брауна, – сразу проливается свет и на Ингвара: если Анунд, Эйрик и Гакон были потомками древних королей, то и братья их Ингвар и Рагнар были таковыми. | Таким образом, я могу считать доказанным, что во второй четверти XI века, т. е. именно тогда, когда Ингвар-путешественник предпринял свой славный поход на восток, в Швеции существовал королевич этого имени, член древней династии. Отсюда предположение, что это и есть наш Ингвар, навязывается само собой» [Браун 1910а: 145].

«Все обстоятельства, при которых совершаются исследуемые нами события, указывают на то, что царственные братья были сыновьями короля Эймунда, считавшегося до сих пор последним представителем древней династии. Но ведь и в саге Ингвар – сын Эймунда. Оказывается, что сага верно сохранила имя отца своего героя, поставив его лишь в неверную генеалогическую связь», – заключает Ф. А. Браун [1910а: 145].

Следующим важным доказательством того, что отцом Ингвара Путешественника был Эймунд Олавссон, является текст надписи на руническом камне из Стрэнгнэса. Этот камень дошел до нас не полностью, на сохранившемся обломке читается:

«**ai**(10–15 знаков)[**u**]**a** : [**stai**](20–30 знаков)**uni** : **aimunt**
(10–15 знаков) **sunarla** : **a** : **se[r]k** | **I**(4–5 знаков)».²⁷³

Ф. А. Браун восстанавливает текст надписи так: «Æi[mundr lēt hogg]va stæi[n þenna æftir Ingvar auk Harald s]yni Æimund[ar, þæir dōu] sunnarla ā Særkl[andi]» [Браун 1910б: 112] («Эй[мунд велел] вырубить камень [сей в память Ингвара и Гаральда] сыновей Эймунд[а. Они погибли] на юге в земле Сарацин? [Браун 1910а: 146]). О том, что этот камень поставлен именно по Ингвару Путешественнику, говорит, во-первых, упоминание Серкланда, где согласно нескольким Ингваровых камнях умерли многие участники похода

²⁷³ Sö 279 Strängnäs, vid Domkyrkan (s. 243–244; pl. 173).

Ингвара²⁷⁴, а во-вторых, место установки камня – именно в этой округе сконцентрировано множество Ингваровых камней (ср. [Браун 1910а: 146 (прим. 1)]).²⁷⁵

Если Ингвар был сыном Эймунда Олавссона, то это объяснило бы масштабность похода, о которой свидетельствует количество рунических надписей, выбитых в честь его участников: даже по воинам Кнута Могучего установлено меньше камней. Было бы вполне закономерно, если поход Ингвара был организован по инициативе или с санкции верховной власти.²⁷⁶

К доводам в пользу гипотезы Ф. А. Брауна необходимо добавить следующие мелкие соображения.

Списки братьев в надписях U 513 и U 540 говорят о том, что их отцом не мог быть человек, носивший имена *Анунд*, *Эйрик* и *Хакон*, так как у скандинавов в ту эпоху нельзя было нарекать ребенка в

²⁷⁴ Под Серкландом в скандинавских текстах, вероятно, подразумевается страна сарацин, мусульманский Восток. Подробнее см. [Мельникова 2001: 75–77].

²⁷⁵ Имя «Харальд» было помещено исследователем в конъектуру на основании следующего текста: «× **tula : lit : raisa : stain : þinsat : sun : sin : haralt : bruþur : inkuars : || þaiR || furu : trikila : fiari : at : kuli : auk : a : ustarlar : ni : kafu : tuu : sunar : la : a | sirk : lan : ti**» ('Тола велела установить этот камень по своему сыну Харальду, брату Ингвара. Они отважно уехали далеко за золотом и на востоке кормили орлов. Умерли на юге в Серкланде') (Sö 179, Gripsholm, Kärnbo sn, Selebo hd. (s. 153–156; pl. 87), перевод Е. А. Мельниковой [2001: 305]). Ф. А. Браун предположил, что Тола, установившая данный камень, была мачехой Ингвара, «желавшей увековечить память своего сына, приобщив его к славе Ингвара» [Браун 1910а: 134], оговариваясь при этом, что «отсутствие имени их (Ингвара и Харальда – С. М.) общего отца, однако, лишает нас возможности использовать содержание надписи так, как это было бы возможно при наличии этого имени» [Браун 1910а: 134].

²⁷⁶ О возможном государственном характере похода Ингвара см. [Мельникова 2008а: 114–115].

честь живого прямого предка²⁷⁷. Кроме того, крайне маловероятно, что их отец носил имя *Ингвар* или *Рагнар* (такое теоретически возможно, если отец умер до рождения младшего из братьев и тот был наречен в честь отца). Знаменательно, что этот список почти исчерпывает известный нам именовслов шведского королевского рода для XI века. Практически единственными вакантными именами оказываются *Э(й)мунд* и *Олав*. Скорее всего, сыновья Эймунда не могли быть названы этими именами по той причине, что так звали их еще живых отца и деда – Эймунда Старого и Олава Шведского.

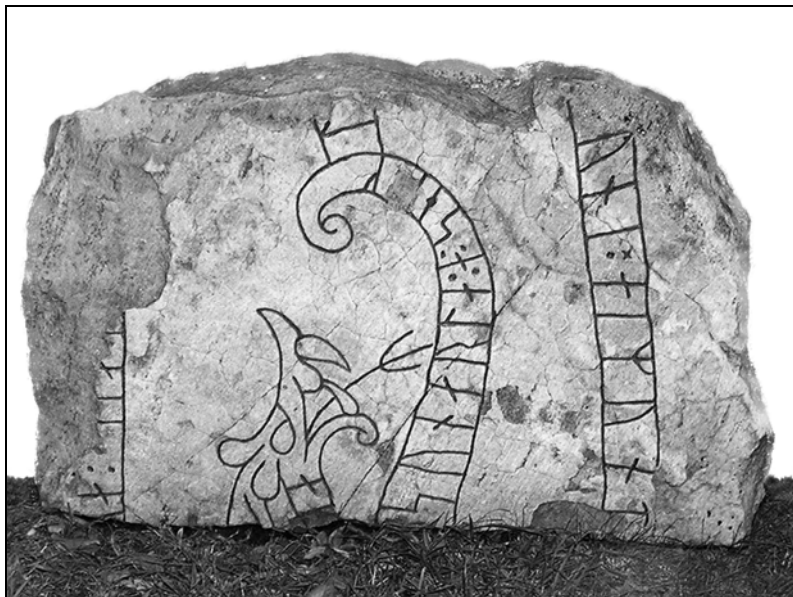
Если Ингвар действительно был внуком Олава, то дети Инггерд и Ярослава приходились ему двоюродными братьями и сестрами. Согласно «Саге об Ингваре», одного из соратников Ингвара звали *Валльдимар*. В источниках Владимир Ярославич фигурирует как единственный на Руси носитель этого княжеского имени для второй четверти XI века. Поэтому следует признать очень вероятной гипотезу Е. А. Мельниковой, согласно которой Ингвар принимал участие в походе Владимира на греков в 1043 году [Мельникова 1976]. Было бы вполне естественно, если организовавший это серьезное мероприятие новгородский князь, наследник киевского князя, заручился поддержкой шведского принца, который был его кузеном.

Еще одним доводом в пользу того, что камень из Стрэнгнэса был поставлен именно по Ингвару, является качество исполнения

²⁷⁷ Ср. [Литвина, Успенский 2006: 310–314]. Казалось бы, одним из самых ярких исключений из этого правила является излагаемая Снорри (Нкг. *NarHárf* 42 (bd. 1, s. 161)) история наречения Харальдом Прекрасноволосым своего внука Харальда Эйрикссона своим же именем. Между тем, во-первых, такая версия событий не подтверждается другими сводами королевских саг (см., например, *Fask*. 4 (s. 23–24)), а во-вторых, рассматриваемый рассказ непосредственно предшествует в тексте Снорри сообщению о смерти Харальда-деда, поэтому гораздо более вероятно, что порядок этих событий был обратным, и Эйрик Харальдссон Кровавая Секира нарек своего сына *Харальдом* в честь уже умершего деда.

выбитой на нем рунической надписи. По этому показателю Sö 279 можно назвать лучшим среди всех Ингваровых камней.

Рисунок 1

Гипотеза Ф. А. Брауна, принимаемая или не принимаемая разными исследователями, получила в историографии ряд дополнений и уточнений. Так, О. фон Фрисен считал, что Sö 279 не мог поставить сам Эймунд, так как иначе в надписи читались бы слова «по своим сыновьям», а не «по сыновьям Эймунда» [Фрисен 1910: 206]. Исследователь предположил, что данный камень был воздвигнут одним из старших сыновей Эймунда – Эйриком, фигурирующим в U 513 и U 540 [Фрисен 1910: 206]. Вероятное количество несохранившихся в надписи знаков соответствует тому количеству, которое восстанавливают и Ф. А. Браун, и О. фон Фрисен. С поправкой О. фон Фрисена, видимо, необходимо согласиться. Если он был прав, то надпись Sö 279 должна читаться следующим образом:

«**ai**(rikR : lit : hak)[**u**]a : [**stai**](n : þina : at : ikuar : auk : haralt : s)**uni** : **aimunt**(aR : þaiR : tuu :) **sunarla** : **a** : **se[r]k** | **l**(anti)».

‘Эй(рик велел) установить камень (этот по Ингвару и Харальду,) сыновьям Эймунда. (Они умерли) на юге, в Серкланде’.

Между тем следует отметить, что данная поправка О. фон Фрисена не отменяет гипотезу Ф. А. Брауна.

Препятствием для принятия предположений Ф. А. Брауна являются, на первый взгляд, зафиксированные на U 513 и U 540 нединастические имена Рагнара и Хакона – сыновей Эймунда. Первое из них Ф. А. Браун соотносит с именем Рагнара Кожаные штаны – одного из полубогородителей шведской династии.²⁷⁸ Второе имя, действительно, не зафиксировано в именослове предков Эймунда Старого. Однако Ф. А. Браун сопоставляет Хакона рунических надписей с Хаконем Рыжим, упоминаемым в источниках в качестве одного из конунгов, правивших Швецией между Стейнкелем и Инги.²⁷⁹ Таким образом, имена Рагнара и Хакона оказываются не чуждыми для шведского королевского рода.

Скорее возражением, а не уточнением теории Ф. А. Брауна является вытекающее из оговоренной поправки о «своих сыновьях» замечание О. фон Фрисена о том, что имя *Эймунд* отсутствует в списках установивших все упомянутые рунические камни. По мнению О. фон Фрисена, это свидетельствует в пользу того, что тот Эймунд, который был отцом перечисленных в надписях братьев, был уже

²⁷⁸ См., например, *Nervar.*, с. 76 [гл. 15]. Употребление редкого в роду имени может объясняться и тем, что Рагнар мог быть не старшим (как предполагали Ф. А. Браун и другие исследователи), а одним из младших и / или незаконнорожденных сыновей Эймунда Старого. Тогда его имянаречение не очень частым в королевском роду именем было бы закономерным.

²⁷⁹ См., например: *Adam III*, schol. 84 (85) (S. 197) (перевод этой схолии уже приводился выше); *Nervar.*, с. 78 [гл. 16]) [Браун 1910а: 144].

мертв во время установки данных камней [Фрисен 1910: 202] (ср. [Шюк 1914: 23])²⁸⁰.

После того как О. фон Фрисен высказал свои сомнения по поводу возможности отождествления Эймунда—отца *Ингвара* с Эймундом Старым, сам Ф. А. Браун отчасти принял доводы О. фон Фрисена, но не отказался от своей гипотезы и собирался продолжить ее разработку [Браун 1924: 188 (Fn. 1)]. Но, насколько мне известно, исследователь больше не писал на эту тему.

Я пока не буду сбрасывать со счетов предположение Ф. А. Брауна о том, что Ингвар был сыном Эймунда Старого. Помня о выявленном О. фон Фрисеном противоречии, я постараюсь разрешить его ниже.

Теперь я перейду к вопросу о том, кем мог быть Эймунд—убийца *Бурислава*, главный герой «Эймундовой пряжи», отрешившись пока от возможности его отождествления с отцом Ингвара (и, следовательно, с Эймундом Олавссоном Старым).

Как уже говорилось выше, пролог «Эймундовой пряжи» возник на позднем этапе ее формирования. Сведения о реальной генеалогии

²⁸⁰ О. фон Фрисен считал, что U 540 был установлен по Анунду [Фрисен 1910: 203], объясняя таким образом исчезновение его из списка установивших камень (ср. U 513). О. фон Фрисен читает U 540 так: «**airikr · aukhākun · aukinkuar a[u]krahni[lt]r · þauhl[itu · rita · stin · þiṇa · at · aṇunt · brupur · þaiRa · airiks · auk sun · rahnilta]R · ina (= in eller ian) hānua[rþ · tau]þrikriklati · kuṣ etc.»** [Фрисен 1910: 203]. О. Прицак, принимая теорию Ф. А. Брауна с поправками О. фон Фрисена относительно Sö 279 и U 540 [Прицак 1981: 429], заключает, что «Анунд из Руси» Адама Бременского — это не то же самое лицо, что и Анунд надписи U 513 [Прицак 1981: 431–433]. О. Прицак таким образом противоречит сам себе: если отсутствие имени Анунда в перечне установивших камень говорит о том, что Анунд был мертв, то и Эймунд аналогичным образом должен был быть мертв во время установки всех этих камней. Между тем, не улавливая это противоречие и не обращая внимания на выявленное О. фон Фрисеном противоречие, О. Прицак соглашается с гипотезой Ф. А. Брауна о происхождении Ингвара.

главного героя, вероятно, были утрачены в ходе бытования в Исландии рассказов о его подвигах.

И по «Саге об Ингваре», и по «Эймундовой пряди» Эймунд–убийца *Бурислава* происходил из королевского рода. В пряди он постоянно называется «Эймундом конунгом». Если реальный прототип главного героя пряди действительно был королевских кровей, то его подвиги на Руси можно поместить в ряд иноземных походов родственников скандинавских правителей. Для наследников престола было вполне естественно отправиться с дружиной в иноземные походы (ср. хорошо известные по сагам аналогичные подвиги представителей норвежского королевского рода).

Русь была привычным направлением, куда стремились в X–XI веках искавшие удачи и славы молодые скандинавы. В первой половине XI века в Новгороде и Киеве (по большей части – при дворе Ярослава) постоянно находились иностранные наследники, претенденты на троны и вообще многочисленная иностранная (в особенности, скандинавская) высшая знать:

- Женой Ярослава со второй половины 1010-х годов была дочь Олава Шведского Ингигерд–Ирина.
- Опальный ярл Западного Гаутланда Рёгнвальд Старый приехал на Русь в свите Ингигерд и правил Ладогой по крайней мере до 1030-х годов.²⁸¹
- Бежавшие от Кнута Великого (или изгнанные им) сыновья английского короля Эдмунда Железнобокого были у Ярослава на пути в Венгрию в конце 1010-х годов.²⁸²

²⁸¹ Возможно, именно Рёгнвальд был отцом Стейнкеля, родоначальника будущей шведской королевской династии (см., например, [Литвина, Успенский 2006: 360]).

²⁸² См. [Назаренко 1999: 338–342; 2001: 500–503].

- Изгнанный норвежский ярл Хакон Эйрикссон помогал Ярославу в борьбе с Мстиславом Тмутороканским в середине 1020-х годов.²⁸³
- Бежавший норвежский конунг Олав Харальдссон (Святой) приезжал на Русь в 1029–1030 годах.²⁸⁴
- Наследник норвежского трона Магнус Олавссон Добрый жил при дворе Ярослава в 1029–1034 годах.²⁸⁵
- Наследник норвежского трона Харальд Сигурдарсон Суровый гостил у Ярослава и служил в его войске в начале 1030-х и в середине 1040-х годов.²⁸⁶
- Изгнанные своим дядей венгерским королем Иштваном Андрей (взавший позднее в жены дочь Ярослава) и Левенте ездили на Русь в середине 1040-х годов.²⁸⁷

Отметим при этом, что русские источники не упоминают никого из перечисленных лиц кроме Хакона Эйрикссона (Якуна «Слепого»). Ингигерд упоминается только под своим христианским именем *Ирина*.

Многие заморские гости Ярослава находились с ним в родственных отношениях, в частности через Ингигерд и ее сестер Астрид и Хольмфрид. Хакон Эйрикссон был племянником и соправителем ярла Свейна Хаконарсона, женатого на Хольмфрид. Олав Святой был женат на Астрид, его сын Магнус Добрый был ее пасынком. Харальд Суровый был младшим братом Олава Святого и на Руси взял в жены Эллисив – дочь Ярослава и Ингигерд.

Эймунд, судя по «Эймундовой пряди», занимал высокое положение на службе у русских князей. В связи с этим было бы вполне

²⁸³ См. [Михеев 2008б].

²⁸⁴ См. подробнее [Джаксон 2000: 51–91].

²⁸⁵ См. подробнее [Джаксон 2000: 93–115].

²⁸⁶ См. подробнее [Джаксон 2000: 117–155].

²⁸⁷ См. [Назаренко 2005].

естественно, если бы Эймунд (как позже Ингвар) во время пребывания на Руси был одним из наследников шведского трона²⁸⁸.

Итак, вполне возможно, что Эймунд–убийца *Бурислава* был представителем шведского королевского рода. Это предположение подтверждается и тем, что имя *Эймунд* является характерным для шведского династического антропонимикона²⁸⁹ и не встречается у представителей норвежской королевской династии.

Итак, нам известно, что (1) в «Саге об Ингваре» отцом Ингвара Путешественника назван Эймунд–убийца *Бурислава*; (2) Эймунд–отца *Ингвара Путешественника* (если пока отвлечься от критики Ф. А. Брауна О. фон Фрисеном) можно отождествить с Эймундом Олавссоном Старым; (3) Эймунд–убийца *Бурислава* мог являться представителем шведского королевского рода. Все это заставляют задуматься о том, не был ли Эймунд Старый прототипом главного героя «Эймундовой пряди», то есть не тождественен ли Эймунд Старый Эймунду–убийце *Бурислава*.

«Эймундова прядь» не сообщает о том, что Эймунд покинул Русь после службы Ярислейву и Вартилаву. Если Эймунд Старый действительно долгое время провел на Руси, то это позволило бы

²⁸⁸ Во время похода Ингвара – во второй половине 1030-х – начале 1040-х годов (наиболее убедительная датировка этого похода принадлежит Е. А. Мельниковой [1976]; см. также обзор литературы [Глазырина 2002: 152–168]) – конунгом свеев был брат Эймунда Старого Анунд–Якоб. Участие же Эймунда–убийцы *Бурислава* в междоусобицах русских князей датируется второй половиной 1010-х – первой половиной 1020-х годов, когда в Упсале правили сначала отец Эймунда Старого Олав Шведский, а затем Анунд–Якоб.

²⁸⁹ Кроме Эймунда Старого в близкое к описываемому время известен некий Эймунд, который фигурирует как сын Эйрика Победоносного и Сигрид Гордой в «Легендарной саге об Олаве Святом» (ÓHleg 7 (S. 36)). (В этом источнике Эйрик Победоносный (Eiríkr inn sigrsæli), видимо, по ошибке назван «Æiríkr enn arsaæle» ('Эйрик Урожай')). Вероятно, этот же Эймунд упоминается у Адама Бременского как шведский конунг Эмунд в 966 году (Adam II: XXV (22) (S. 83)).

объяснить многие противоречия и неясности разнообразных источников, повествующих об истории Швеции XI века.

Во-первых, получило бы объяснение противоречие, которое заставило нас вслед за О. фон Фрисеном сомневаться в теории Ф. А. Брауна. Оказывается, что все упомянутые выше рунические камни²⁹⁰ были поставлены не самим Эймундом по той причине, что во время их установки он был не в Швеции, а на Руси. Этим же объясняется и отсутствие имени Анунда на U 540. Анунд, выросший с братьями в Швеции, мог уехать к отцу на Русь, а через многие годы – после смерти Стейнкеля – вернуться и как законный наследник ненадолго получить власть над Свеаландом. Вероятно, именно Анунда сына Эймунда Адам Бременский называет *Анундом из Руси*.

Во-вторых, выдвинутая гипотеза позволяет более просто, чем гипотеза Ф. А. Брауна, объяснить имянаречение одного из сыновей Эймунда – Рагнара, по которому был воздвигнут камень U 513. Эймунд мог назвать сына в честь своего (возможно, уже погибшего) родственника и соратника, который упоминается в «Эймундовой пряди» как троюродный дядя и побратим Эймунда. Таким образом, мы имеем некоторые основания для того, чтобы отчасти восстановить принципы имянаречения, которыми руководствовался Эймунд, давая имена своим сыновьям. Анунд был назван в честь прапрапрадеда Анунда Упсальского и его тезок-потомков (вряд ли есть смысл сомневаться в их существовании, хотя никаких сведений о них до нас не дошло)²⁹¹. Эйрик, очевидно, был назван в честь

²⁹⁰ Sö 179, Sö 279, U 513 и U 540.

²⁹¹ Дядя Анунда Эймундарсона Анунд-Якоб, как уже упоминалось выше, видимо, получил имя *Анунд* лишь на тинге в 1020 году, то есть уже после рождения (и, очевидно, имянаречения) своего племянника (см. выше прим. 261).

Следует оговориться, что мы знаем, вероятно, очень малую часть генеалогии шведской королевской семьи того времени, поэтому у всех описанных актов имянаречения могли в действительности иметься и другие, неизвестные нам, поводы.

прадеда – Эйрика Победоносного. Рагнар получил свое имя или в честь родственников со стороны своей матери Рагнхильд (см. U 540; это имя соотносится с именем сына по принципу варьирования основ; ср. [Толль 1933: 7]), и / или в честь побратима отца (не исключено и то, что побратим Эймунда был одновременно родственником Рагнхильд). Об именах младших сыновей Эймунда, Хакона и Ингвара, можно сказать меньше²⁹². Между тем имя *Ингвар* перекликается по принципу варьирования основ с именем знаменитой Ингигерд, сестры Эймунда. Исходя из того, что никто из братьев не получил имя деда – Олава Шведского, можно предположить, что Олав был жив в момент именнаяречения всех братьев, то есть все они родились до 1022 года (дата смерти Олава – условная)²⁹³. Это построение вполне укладывается в те данные, которыми мы располагаем о нейшей судьбе братьев: так, судя по всему, младший из известных нам братьев – Ингвар – погиб в походе на восток в начале 1040-х годов, то есть в возрасте примерно двадцати лет или чуть старше. рик, Анунд и Хакон, боровшиеся за власть в 1060-е – 1070-е годы после смерти своего отца, видимо, были в то время уже в 50–60-летнем возрасте.

В-третьих, моя гипотеза позволяет проще объяснить интересное совпадение «Эймундовой пряжи» и «Саги об Ингваре», в обеих из которых в качестве одного из участвующих в походах на восток скандинавов упоминается некий Гардакетиль (то есть ‘Кетиль Русский’). Нужно отметить, что и в «Эймундовой пряжи», и в «Саге об Ингваре» названы по именам не очень много действующих лиц.

²⁹² При большом количестве детей в семье младшие сыновья обычно получают менее значимые для рода отца имена, так как самые значимые имена уже оказываются розданными. (Возможно, однако, что имена Хакона и Ингвара как-либо подчеркивали связь с родом матери.)

²⁹³ Конечно, существует и другая возможность: имя *Олав* могло быть дано одному из сыновей Эймунда, умерших еще до установки перечисленных выше рунических камней или отсутствовавших в Швеции в это время.

Скорее всего, Гардакетилия следует признать реальным участником походов Эймунда и Ингвара, а не книжным персонажем²⁹⁴. Вероятно, он действительно был приближенным и одним из военачальников Эймунда, а позже – его сына Ингвара.

Наконец, в-четвертых, гипотеза об идентичности Эймунда Старого и Эймунда–убийцы *Бурислава* помогает лучше понять обстоятельства избрания конунгом Анунда–Якоба на упсальском тинге, состоявшемся около 1020 года:

«Фрейвид [один из знатных шведов – С. М.] отвечает:

– Мы, шведы из Уппланда, не хотим, чтобы нашим конунгом стал человек не из рода древних конунгов, и есть возможность избежать этого. У конунга – два сына, и мы хотим, чтобы один из них стал конунгом. Но между ними большая разница. Один рожден женой конунга, и отец и мать у него шведы, а другой – сын рабыни, и его мать вендка.

Тут все одобрительно зашумели, и все захотели Якоба в конунги. Тогда Эмунд [лагман из Скарара – С. М.] сказал:

– Вы, шведы из Уппланда, сейчас властны решать. Но я хочу сказать вам, что может случиться так, что многие из тех, кто сейчас и слышать не хотят о том, чтобы их конунгом стал человек не из древнего рода конунгов, сами потом посчитают, что лучше было бы, если бы их конунгом был человек из другого рода.

После этого братья Фрейвид и Арнвид велели привести на тинг Якоба конунгова сына, и он был провозглашен конунгом. Шведы дали ему имя Энунд, и потом так его и звали до самой

²⁹⁴ П. Э. Мюллер считал, что в «Саге об Ингваре» упоминание Эймунда (как отца Ингвара) и Гардакетилия появилось для создания русского антуража саги. По мнению П. Мюллера, автор «Саги об Ингваре» знал рассказы об Эймунде и мог намеренно ввести действующих лиц этих рассказов в качестве героев своего повествования [Мюллер П. 1820: 185]. С мнением о «заимствовании» Гардакетилия из «Эймундовой пряди» полностью согласился Ф. А. Браун [1924: 186]. Д. Хофманн считает возможным (и даже более вероятным) заимствование в обратном направлении [Хофманн 1981: 193].

смерти. Тогда ему было лет десять или двенадцать. Потом Энунд конунг набрал себе дружину и назначил предводителей. У всех них вместе было тогда столько людей, сколько он почитал нужным. А всех бондов он распустил по домам.

После этого конунги снеслись через гонцов, а потом встретились и заключили мир. Олав должен был оставаться конунгом всей страны до смерти, но он должен был соблюдать мир с конунгом Норвегии и со всеми теми людьми, которые были замешаны в заговоре. Энунд тоже должен был быть конунгом и владеть теми землями, которые он получил по договору со своим отцом. Но он должен был быть на стороне бондов, если Олав конунг стал бы делать то, чего не захотят потерпеть бонды» (Нкг. ОН 94 (bd. 2, s. 193–195)).

Приведенное Снорри объяснение причин выбора тингменами Анунда–Якоба, а не Эймунда выглядит как позднее осмысление событий. Во-первых, в ту эпоху в Скандинавии незаконнорожденные дети конунгов не были ущемлены в наследственных правах. Во-вторых, *шведское* происхождение матери Анунда–Якоба не подтверждается большинством параллельных источников²⁹⁵.

Почему же Эймунд Олавссон не был тогда избран конунгом? У Снорри он вообще не упоминается как действующее лицо в связи с этими событиями.

Нельзя забывать, что восставшие против Олава шведы требовали срочного заключения мира с Норвегией. Очевидно, что в такой ситуации было невозможно избрать в конунги кого-либо, находившегося далеко от Швеции. Поэтому, вероятно, выбор тингменов и пал на младшего сына Олава Шведского.

* * *

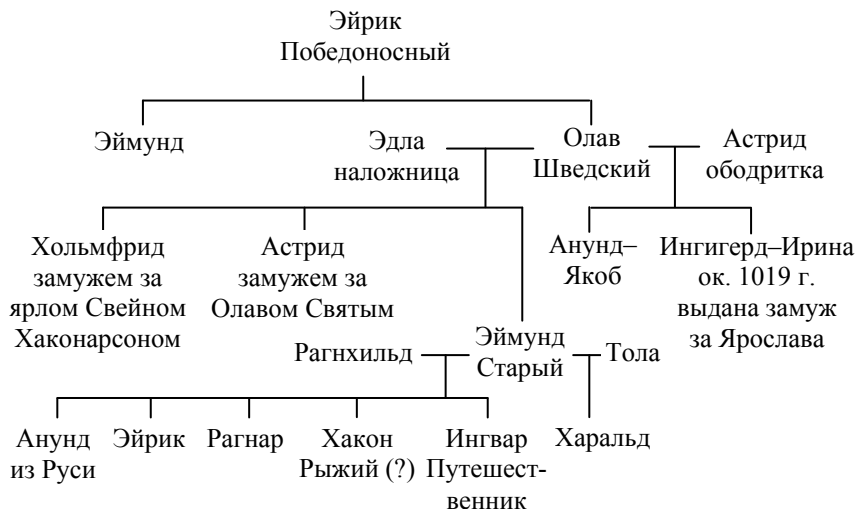
Итак, вполне вероятно, что главный герой «Эймундовой пряди» был старшим сыном шведского короля Олава Шётконунга. Эта

²⁹⁵ Подробнее см. [Успенский 2001: 58–62].

гипотеза объясняет сразу множество мнимых противоречий, которые встают перед исследователями шведской истории XI века.

Реконструированные в данном разделе генеалогические связи представлены на схеме 6.

Схема 6

2.3. Выводы главы

Итак, при включении в письменную сагу об Олаве Святом рассказы об Эймунде приобрели пролог и эпилог, которые подчинили не связанное прежде с норвежской историей повествование о подвигах Эймунда – вероятно, шведского конунга – нуждам его нового контекста. Пролог и эпилог «Эймундовой пряди» следует признать ее наименее достоверными частями.

ГЛАВА III. БОРЬБА ЯРИСЛЕЙВА И БУРИСЛАВА

Источниками, которые должны привлекаться для сопоставления древнерусских и скандинавских сведений о междоусобице Владимиричей, как было показано выше, являются древнерусские летописи и «Эймундова прядь».

Историография сопоставления сведений о междоусобице Владимиричей в «Эймундовой пряди» и в древнерусских источниках достаточно обширна. Ее следует разделить на два основных этапа – до и после выхода в свет книги Н. Н. Ильина [1957], в которой был предложен новый вариант ответа на вопрос об идентификации Бурислава.

Первым исследователем, кто стал использовать «Эймундову прядь» для реконструкции междоусобицы, был О. И. Сенковский. Он впервые высказал мнение о том, что битва на реке, описанная в пряди, соответствует летописной битве под Любечем [Сенковский 1834а: 62–63]. В свою очередь бьярмы, у которых после своего первого поражения от Ярислейва скрывался Бурислав, по мнению О. И. Сенковского, аналогичны упоминаемым в летописи печенегам [Сенковский 1834а: 65 (прим. 25)]. Описанное в «Эймундовой пряди» противостояние Вартилава и Ярислейва О. И. Сенковский отождествил с известной по древнерусским источникам борьбой Ярослава с его племянником Брячиславом [Сенковский 1834а: 72–73]. Все эти предположения О. И. Сенковского закрепились в историографии и почти не подвергались сомнению.²⁹⁶ Итог первому этапу

²⁹⁶ Особо горячо работу О. И. Сенковского поддержал М. П. Погодин [1846: 287–316].

Между тем необходимо отметить, что исследование О. И. Сенковского не было свободно от огрехов. Так, он голословно утверждал, что в «Эймундовой пряди» в одном месте произошла утрата крупной части текста, а все остальные несоответствия сведениям летописи объяснял ошибками и неосведомленностью летописца. Оппоненты подвергли критике подход О. И. Сенковского, при котором показаниям летописи оказывалось меньше доверия, нежели данным «Эймундовой пряди» [Руссов 1834; Строев 1834].

дискуссии был подведен в подробной и взвешенной статье А. И. Лященко [1926].

Начиная с работ Н. М. Карамзина, П. Э. Мюллера, и О. И. Сенковского²⁹⁷ подавляющее большинство исследователей вплоть до появления гипотезы Н. Н. Ильина отождествляли Бурислава со Святополком. В основании этого мнения лежали два наблюдения. Во-первых, в «Эймундовой пряди» Бурислав называется старшим сыном Валльдамара и после его смерти получает Кенугард (то есть Киев). Во-вторых, рассказы о сражении на реке между Ярислейвом и Буриславом в «Эймундовой пряди» и о битве под Любечем на Днепре 1016 года, в которой Ярослав победил Святополка, имеют определенное сходство. Эти битвы практически всеми без исключения исследователями отождествляются друг с другом.

С. М. Строев утверждал, что различия в описаниях событий в пряди и летописи проистекают из недостоверности саг – поздних источников, основывающихся на длительной устной традиции. В свою очередь М. П. Погодин отметил ущербность подхода О. И. Сенковского, с одной стороны, и методов его критиков – с другой. По словам М. П. Погодина, «возвышая Саги, Сенковский унижает несправедливо Нестора» [Погодин 1846: 294]. Таким образом, как отметил М. П. Погодин, переводчик «Эймундовой пряди» «увлекся до крайностей, коими возбудил снова недоверенность к самим Сагам» [Погодин 1846: 288]. Из-за этих крайностей критики О. И. Сенковского вообще не принимали его выводы.

Приведем итоговую оценку статьи О. И. Сенковского М. П. Погодиным: «1) Об истории вообще – превосходно. | 2) О Севере вообще – превосходно. | 3) О Сагах вообще – очень хорошо. | 4) О Славянах – много дельного. | 5) Об отношении Севера к Новгороду – много дельного. | 6) Об отношении Варягов–Руси вообще к Славянам и вновь основанному Государству – преувеличено до крайности. | 7) О значении Эймундовой Саги – очень хорошо, но преувеличено. | 8) О Несторе – поверхностно и слабо. | И того: статья умная, исполненная глубоких и новых замечаний, дельная, полезная, но обезображенная некоторыми крайностями» [Погодин 1846: 305–306].

²⁹⁷ [Карамзин 1991 (1816): 200 (прим. 22); Мюллер П. 1820: 185; Сенковский 1834а: 61].

Н. М. Карамзин объяснил то, что Святополк фигурирует в скандинавских источниках под именем *Бурислав*, тем, что образ Святополка был совмещен в пряди с образом его союзника Болеслава. Наиболее полно эту точку зрения отразил А. И. Лященко, доводы которого необходимо привести полностью: «Прежде всего требуется здесь пояснить, почему Святополк называется в саге Бурислейфом. В борьбе Ярослава со Святополком значительную роль играл Польский князь Болеслав. Даже русская летопись при описании этих столкновений имя Болеслава ставит первым: “Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с Ляхы... Ярославъ поиде противу Болеславу и Святополку... И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода именем Буды, нача укаряти Болеслава” (Лавр. Лет., стр. 139 по изд. 1910 г.). “И победи Болеславъ Ярослава. Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомъ... И посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с Новгородци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: “хочемъ ся еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ” (Лавр. Лет., стр. 140). Как видим, даже в лагере Ярослава, по словам летописца, говорится прежде всего о борьбе с Болеславом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что имя Болеслава (“Бурислейф”) хорошо сохранилось в устах норманнов, а второстепенное в их глазах и трудное для произношения имя Святополка исчезло. Это могло иметь место в саге тем более, что имя Борислав и Бурислав встречается не раз у близких соседей норманнов – полабских славян,²⁹⁸ а имя Болеслава Храброго было хорошо известно в Зап. Европе вследствие его настойчивой борьбы с Германией. Наконец, имя Бурислейфа не стоит одиноко, только в нашей саге; оно встречается в саге об Олафе Триггвасоне и относится к князю приморских вендов (т. е. славян). И это последнее обстоятельство могло повлиять на упрочение в нашей саге имени Бурислейфа, так как она явилась позже саги об Олафе Триггвасоне» [Лященко 1926: 1072].

²⁹⁸ М. Морошкин “Славянский именовослов”. СПб., 1867 г., стр. 22, 30. (Прим. А. И. Лященко. – С. М.)

Мнение о том, что под Буриславом могут подразумеваться Святополк и Болеслав, было поддержано многими исследователями, в том числе большинством отечественных историков-скандинавистов,²⁹⁹ и практически не подвергалось сомнению, а принималось как данность историками древней Руси³⁰⁰.

Предположение о полном тождестве Бурислава и Святополка впервые поставил под сомнение критик О. И. Сенковского С. В. Руссов, который предположил, что «сказочники, не заботившиеся об истине, употребили имя Бурислава вместо Бориса убиенного самим Святополком и погребенного довольно похоже на то, что в сказках (то есть в “Эймундовой пряди” – С. М.) говорится о Святополке (то есть Буриславе – С. М.)» [Руссов 1834: 92]. С. В. Руссов был первым, кто указал на сходство рассказов об убийстве Бориса и об убийстве Бурислава.

Новый этап историографии проблемы связан с появлением книги Н. Н. Ильина [1957], который развил соображение С. В. Руссова. Исходя из сходства описания событий в рассказах об

²⁹⁹ См. [Кук 1986: 69; Джаксон 1994: 162 (прим. 9), 169–170 (прим. 39); Глазырина, Джаксон, Мельникова 1999: 516].

³⁰⁰ Следует отметить некоторую противоречивость точки зрения А. В. Назаренко. Исследователь доверяет указаниям пролога пряди и утверждает, что «анализ хронологии “Пряди об Эймунде” в сопоставлении с хронологией “Саги об Олаве Святом” <...> показывает, что Эймунд прибыл на Русь после 1019 г.» [Назаренко 2001: 454]. Таким образом, А. В. Назаренко противоречит сам себе: если Эймунд прибыл на Русь лишь после 1019 года, то он никак не мог участвовать в борьбе Ярослава со Святополком, длившейся, согласно «Повести временных лет», с 1016 по 1019 год (год смерти Святополка). Остается неясным, как в этом случае «сюжет “Пряди” требует видеть в Буриславе Святополка» [Назаренко 2001: 454].

Здесь же А. В. Назаренко вскользь отмечает, что «“Бурислав” – имя Болеслава Храброго в скандинавских сагах» [Назаренко 2001: 454], глухо ссылаясь при этом на А. И. Лященко [1926: 1072] и Р. Кука [1986: 69]. Между тем ни тот ни другой исследователи «Эймундовой пряди» не утверждают того, что в сагах это имя применялось именно к Болеславу Храброму (см. выше цитату из работы А. И. Лященко), так как это не совсем так.

убийстве Бориса в летописи и об убийстве Бурислава в «Эймундовой пряди», Н. Н. Ильин сделал вывод о том, что в данном фрагменте «Эймундовой пряди» Бурислава следует отождествить с Борисом [Ильин 1957: 163–169].

Отметим, что ни С. В. Руссов, ни Н. Н. Ильин не считали, что под Буриславом в «Эймундовой пряди» подразумевался только Борис. По мнению Н. Н. Ильина, в целом в пряди *Бурислав* является «собирательным именем», под которым скрываются все противники Ярослава: и Болеслав, и Святополк, и Борис³⁰¹. Между тем некоторые ученые, отталкиваясь от построения Н. Н. Ильина, высказывали мнение, что под именем *Бурислав* в пряди всегда подразумевается Борис³⁰². Другие не принимали идею Н. Н. Ильина и полностью отвергали возможность отождествления Бурислава с Борисом.

Таким образом, проблема идентификации Бурислава оказалась самым большим местом в историографии сопоставления сведений о междоусобице 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках.

Целью данной главы является рассмотрение проблемы идентификации Бурислава «Эймундовой пряди». Для этого необходимо выполнить следующие задачи: (1) изучить вопрос о происхождении в скандинавской письменности имени *Бурислав*; (2) проверить гипотезу о тождестве Бурислава с Борисом в эпизоде об убийстве Бурислава; (3) рассмотреть проблему идентификации Бурислава в эпизодах, где описывается его участие в междоусобной борьбе с Ярославом–Ярислейвом.

³⁰¹ [Ильин 1957: 94–95, 160–163]. Ср. [Прицак 2003: 192, 195].

³⁰² [Головко 1988: 23–24; 2000: 43; Филист 1990: 14, 65].

3.1. «*Burisláfs konungs ór Gørðum austan*» Имя *Бурислав* в скандинавской письменности

В данном разделе я рассмотрю проблему происхождения имени *Бурислав* в скандинавской письменности. Для этого предстоит изучить контекст проникновения славянских имен к скандинавам, рассмотреть упоминания Буриславов в скандинавской письменности, а затем проанализировать различные версии происхождения имени *Бурислав*.

Итак, обратимся к контексту отражения в скандинавской письменности имен древнерусских князей первой половины XI века.

Набор личных имен известных нам древнерусских князей, политическая деятельность которых пришлась на этот период, не очень велик. Во-первых, в это время жили Владимир Святославич и его внук Владимир Ярославич. Во-вторых, у древнерусских князей было множество двусоставных имен со вторым составным элементом *-slavъ*: *Вышеславъ*, *Изяславъ* (Владимирич и Ярославич), *Ярославъ*, *Мьстиславъ*, *Святославъ* (Владимирич и Ярославич), *Судиславъ*, *Станиславъ*, *Брячиславъ*, *Вячеславъ*, *Вьсеславъ* (Изяславич и Брячиславич). К этой группе близко и имя *Борисъ*, имеющее параллельную полную двусоставную форму *Бориславъ*.³⁰³ В-третьих, у од-

³⁰³ Имя *Борисъ* имеет двоякое происхождение. С одной стороны, оно является гипокористической (сокращенной) формой имени *Бориславъ*.

Имя **Borislavъ*, вероятно, образовано от императива глагола **borti* ('бороть, воевать') или **boriti* ('бить, нападать') и основы **slav-* [ЭССЯ, вып. 2: 203, 203–204, 213–214]. Возможно, что имя **Borislavъ* образовано не от императива, а от основы глагола **boriti*; ср. аналогично образованное **Jbzslavъ*.

Т. Маретич обратил внимание на имена *Budim*, *Dobros*, *Rados*, *Hranis*, *Vladis* и *Boris* у южных славян. Он предположил, что они являются сокращениями двусоставных имен *Budimir*, *Dobroslav*, *Radoslav*, *Hranislav*, *Vladislav* и *Borislav*. В приведенных случаях от второй основы двусоставного имени остается первый согласный. Как отметил Т. Маретич, такой способ сокращения имеет примеры и в других индоевропейских традициях. Пред-

ного из сыновей Владимира было скандинавское по происхождению имя *Гьльѣбъ* (< *Guðleifr*)³⁰⁴. Скандинавское имя *Игорь* носил сын Ярослава. Еще одного князя звали *Святотълкъ*. Двое князей носили имя *Всеволодъ* (Владимирич и Ярославич). Кроме того, один раз в летописи упоминается сын Владимира по имени *Позвиздъ*.

У скандинавов древнерусские княжеские имена первой половины XI века отобразились в следующих формах. Именем *Valdimarr* в Скандинавии передавали этимологически близкое славянское *Володимиръ*. В имени *Всеволодъ* скандинавы также вычленили

положение Т. Маретича относительно происхождения имени *Борисъ* подкрепил Г. Г. Гинкен, указавший на польское имя *Borim*, очевидно являющееся сокращением имени *Боримиръ*. «Если же считать *Борис* сокращенным будто бы тюркским именем *Богорис*, то как тогда объяснить форму *Борим* или из каких тюркских или др. слов объяснить однородные по форме и окончанию с *Борис* имена *Hranis, Vladis* и т. п.», – подчеркнул Г. Г. Гинкен [1893: 445 (прим.)].

Ср. также аналогичные случаи сокращения имен **Borni-mirъ*, **Budi-mirъ*, *Krasi-mira*, **L'ubi-mirъ*, **Radi-mirъ*, **Rad(o)-mirъ*, **Seli-mira*, **Suli-mirъ* по В. Н. Топорову [2006 (1993): 25 и сл. (особ. 27, 28, 42, 44, 53, 54, 59), 122].

Чрезвычайно важно, что имена *Borislavъ* и *Borisъ* были, в частности, распространены у западных славян. (Раннее существование имени *Borisъ* на северо-западе славянского ареала подтверждается упоминанием князя с таким именем в «Хронике» Титмара Мерзебургского (Thietmar VI, 28, fol. 110' (S. 306–308)), где рассказывается об убийстве Бориса в Саксонии в 1006 году.) По мнению О. Н. Трубочева, «именно благодаря факту древнего парного существования полной и краткой форм на одной территории у части славян, практически никогда не знавшей никаких тюркизмов», получает подтверждение гипотеза о том, что имя *Борисъ* было краткой формой имени *Бориславъ* [Трубочев 2004 (1968): 108].

Другая этимология имени *Борисъ* возводит его к болгарскому **Барши* [Добродомов 1970]. Однако очевидно, что славяне не случайно восприняли тюркское имя в той форме, что уже имелась в их антропонимиконе. Очевидно, что, даже передавая тюркский прототип, имя *Борисъ* одновременно осознавалось славянами как сокращенная форма имени *Бориславъ*.

³⁰⁴ О его этимологии см. [Соболевский 2006 (1910): 307].

знакомый им корень *-vald-*³⁰⁵, первый же элемент передавался в транслитерации, хотя и подвергался при этом воздействию народной этимологии (*Vissivaldr*). Кроме того, несколько имен древнерусских князей (*Jarisleifr*, *Vartiláfr*) в скандинавской традиции получили скандинавский элемент *-leifr* / *-láfr*³⁰⁶. Очевидно, что, используя традиционный для германского именослова элемент, скандинавы передавали столь же распространенный в *славянской* антропонимической традиции элемент *-slavъ*, который так же часто, как у скандинавов *-leifr* / *-láfr*, входил в двусоставные личные имена в качестве второго компонента.³⁰⁷ Следует отметить, что первая основа славянского имени в скандинавской передаче транслитерировалась (*Яро-славъ* > *Jarisleifr*, *Брячу-славъ* > *Varti-láfr*, *Все-володъ* > *Vissi-valdr*), а вторая основа претерпевала отсечение начального *s-*, что в одних случаях влекло за собой изменение членения всего слова по корням (*Яро-славъ* > *Jariś-leifr*), а в других – приводило к отбрасыванию *-s-* (*Брячу-славъ* > *Varti-láfr*).

Во многих скандинавских источниках до нас дошли сведения о деятельности Владимира Святославича и его сына Ярослава Владимировича. Многие события, связанные с Владимиром и Ярославом, нашли отражение в сагах. Вальдимар и Ярислейв были для средневековых скандинавов, безусловно, самыми хорошо запомнившимися древнерусскими правителями.

³⁰⁵ Согласно гипотезе С. В. Петрова, древнерусское имя *Всеволодъ* восходит к скандинавскому *Сигвальди* или подобному ему имени [Петров 1979]. Между тем в таком случае сложно объяснить, почему в скандинавских источниках древнерусские князья Всеволоды называются *Виссивальдами*.

³⁰⁶ Элемент *-leifr* означает ‘потомок’ и происходит от германского **laiban* (‘оставлять’). Имена с этим элементом были широко распространены в германском мире. Вспомним хотя бы такие имена как *Лейв*, *Олав* / *Олейв*, *Торлейв*, *Гудлейв*.

³⁰⁷ Ср. [Литвина, Успенский 2006: 42, 51–54].

Знатные люди по имени *Вальдар* и *Ярислейв* упоминаются в одной из песен Старшей Эдды, где они входят в состав посольства Гьёкунгов к вдове Сигурда Гудрун:

«Вальдар датский
с Ярислейвом,
Эймод третий
с Ярискаром
вошли тогда [в палату],
похожие на князей,
воины длиннобородого»³⁰⁸.

Этот же сюжет имеется в «Саге о Вёльсунгах», где упоминаются «Вальдамар Датский и Эймод и Ярислейв»³⁰⁹. Как отметил в комментарии к Старшей Эдде М. И. Стеблин-Каменский, «[и]мена некоторых из персонажей <...> указывают на русско-скандинавские связи XI в. Ярицлейв – это явно Ярослав; Вальдар – возможно, Владимир; Эймод – Эймунд (об одном норвежце с этим именем в так называемой “Эймундовой саге” рассказывается, что он был предводителем варяжской дружины Ярослава Мудрого). Неясно, как эти имена попали в песнь»³¹⁰.

Кроме Владимира Святославича скандинавам запомнился и его внук и тезка Владимир Ярославич. Он упоминается под именем *Вальдамар* в королевских сагах и, вероятно, подразумевается под Валльдимаром в «Саге об Ингваре Путешественнике» [Мельникова 1976].

Запомнилось скандинавам и имя *Vissivaldr*. Герои с этим именем неоднократно упоминаются в сагах в связи с Русью. В

³⁰⁸ «Valdar Dönom með Iarizleifi, | Eymóðr þriði með Iarizkári | inn gengo þá, iöfroom líkir, | Langbarz liðar» (Gðr. II, 19 (S. 221)). Перевод А. И. Корсуна.

³⁰⁹ «... þar var Valdamar af Danmörk, ok Eymóðr ok Iarisleifr» (Völsunga s., k. 32 (34) (s. 206)). В некоторых рукописях чтение «Eymóðr» испорчено.

³¹⁰ [Стеблин-Каменский 1963: 244].

Имя *Вальдар* здесь, вероятно, является искажением имени *Вальдимар*.

королевских сагах находим упоминания Всеволода («Виссивальда») Ярославича и рассказ о сватовстве некоего «Виссавальда из Гардарики» (Всеволода Владимировича – ?) к Сигрид Гордой, вдове шведского конунга Эйрика Победоносного, который умер около 995 года. Кроме того, именем *Виссвальд* назван правитель Хольмгарда в фантастической «Саге о Вильмунде».

Итак, такие формы славянских имен, как *Jarisleifr* и *Vissivaldr*, очевидно, осознавались скандинавами именно как имена *древнерусских* князей.

Рассмотрим теперь упоминания Буриславов и Бурисов. В отличие от скандинавских форм имен *Володимиръ*, *Ярославъ*, *Всеволодъ* и *Брячиславъ* для имени *Burisláfr*³¹¹ возникают сложности с отождествлением.

Между тем некий русский правитель, очевидно, столь же хорошо, как и князья, носившие имена *Володимиръ*, *Ярославъ* и *Всеволодъ*, запомнился средневековым скандинавам под именем *Бурислав*.

В одной из мифических генеалогий исландской «Книги о занятии земли» («Landnámabók»), источника XII века, сказано, что некая Элина была дочерью Ингигерд, сестры Дагстюгга, конунга великанов, и «Бурислава конунга с востока из Гардов» («Burisláfs konungs ór Gørðum austan»), то есть Бурислава *из Руси*³¹². Мужем Элины в

³¹¹ В рукописях имя *Бурислав* дошло до нас в различных формах. Варьирует написание *-lafr* / *-leifr*, а также *-s-* / *-z-* в середине слова.

³¹² Landnám. (Hauksbók), сар. 172, s. 195 (s. 67); Landnám. (Sturlubók), сар. 205, s. 195 (s. 189).

В некоторых версиях «Пряди о Свади и Арноре Старушечьем Носе» жена этого Бурислава названа *Ингибьёрг*, а дочь – *Хелена*, *Элена* или *Элина* (SvaðaFlat, s. 226 (s. 436); SvaðaÓtm, s. 180).

О. Прицак, предположивший, что упоминаемый в «Книге о занятии земли» Бурислав – это реальный конунг западнославянского племени вагров [Прицак 2003: 905–906], совершенно не учитывает то обстоятельство, что формула *ór Gørðum austan* в скандинавской традиции всегда обозначает ‘из Руси’ (см. [Джаксон 2001: 15–59]).

«Landnámabók» назван Торгильс Гормссон, внук шведского конунга Эйрика. Как отметила Г. В. Глазырина [2002: 289 (прим. 25)], таким образом по «Книге о занятии земли» Бурислав оказывается современником Эйрика Победоносного, правившего во второй половине X века.

Кроме Буриславов в «Эймундовой пряди», «Саге об Ингваре» и в Старшей Эдде до нас дошел блок известий о конунге страны вендов (то есть западных славян) Буриславе, время деятельности которого приходится, согласно саговой хронологии, на конец X века. Об этом Буриславе сообщается, что его дочь Гуннхильд около 990 года вышла замуж за датского конунга Свейна Вилобородого и родила ему сыновей Харальда и Кнута (который был прозван впоследствии *Могучим*)³¹³. Данное известие уже давно было сопоставлено с сообщением саксонского хрониста Титмара Мерзебургского о браке Свейна и не названной по имени дочери польского князя Мешка³¹⁴. Правление Мешка датируется примерно 960–992 годами. Его сыном и братом Гуннхильд был князь Болеслав I Храбрый, правивший примерно с 992 по 1025 год. В сагах рассказывается и о двух сестрах Гуннхильд, которые стали женами норвежского конунга Олава Трюггвасона³¹⁵ и ярла йомсвикингов Сигвальди. Все эти браки также датируются ориентировочно концом X века. Тот же Бурислав

Имена жены и дочери Бурислава также указывают на Русь. Имена *Ингигерд* и *Ингибьёрг* в скандинавских источниках почти всегда упоминаются в связи с Русью (ср. [Литвина, Успенский 2006: 255]). Имя *Элин*, возможно, построено по аналогии с именем жены Харальда Сурового Эллисив (*Ellisif* < **Елисава* / *Олисава*; *Elin* < *Елена* / *Олена*), дочери Ярослава Владимировича. Ср. также [Прицак 2003: 263].

³¹³ Нкр. ÓТ, 34 (bd. 1, s. 320). До брака со Свейном Гуннхильд, возможно, была замужем за шведским королем Эйриком Победоносным. См. [Успенский 2002: 25–27].

³¹⁴ Thietmar VII, 39, fol. 159 (S. 446).

³¹⁵ Нкр. ÓТ, 22 (bd. 1, s. 294–295).

вендский упоминается и в «Саге о йомсвикингах», где говорится, что он дал ярлу йомсвикингов Пальна-Токи землю на острове, на котором Пальна-Токи основал Йомсборг.³¹⁶

Очевидно, что в сагах отец Гуннхильд и ее сестер назван именем *Бурислав* потому, что рассказчики саги перепутали характер ее родства с Болеславом Мешковичем, одним из самых известных польских правителей. Данный факт говорит о том, что эта путаница могла возникнуть только через многие годы после реального взаимодействия скандинавов с Мешко.³¹⁷

В средневековых скандинавских источниках фигурирует еще по крайней мере один носитель интересующего нас имени. Сыном шведского короля Сверкира I и Рикицы, дочери польского князя Болеслава III Кривоустого, источники называют Бурислава. Его рождение датируется примерно серединой XII века.

Кроме имени *Бурислав* в Скандинавии зафиксировано и сходное с ним имя *Бурис* (*Buris / Buriz*), также, очевидно, имеющее славянское происхождение.

Имя *Бурис* носил в конце XII века брат датского конунга Инги, сына Хейнрека. Вероятно, это необычное для скандинавов имя появилось в датском королевском роду из-за родственных связей датских и западнославянских правителей³¹⁸.

В поздней фантастической «Саге о Вильмунде» сообщается о нападении на Хольмгард Буриса, сына короля Блёкуманналанда.³¹⁹

Итак, подведем предварительные итоги. Все упоминания Буриславов и Бурисов в скандинавской литературе относятся либо (1) к

³¹⁶ Согласно этой саге, Сигвальди, женившийся на дочери Бурислава, был наследником Пальна-Токи.

³¹⁷ Имя *Бурислав* для скандинавов со временем, вероятно, стало как бы собирательным именем для западнославянских правителей – как имя *Ярислейв* для русских князей.

³¹⁸ [Хермансон 2000: 112 (анм. 193), 127 (анм. 234)].

³¹⁹ *Vilmundar saga*, cap. 15–16 (p. 172–176).

персонажам, жившим уже, безусловно, позже времени первоначального заимствования этого имени (Бурицлав Сверкирссон, Бурис Хейнрексон), либо (2) к мифическим или не совсем хорошо идентифицируемым персонажам (Бурислав «Книги о занятии земли», Бурислав вендский, Бурислав Вальдамарссон).

Разберем теперь версии происхождения имени *Бурислав*, чтобы попытаться выяснить пути его заимствования скандинавами.

Первая и самая распространенная версия появления имени *Бурислав*, как уже указывалось выше, возводит его к славянскому имени *Болеславъ*.³²⁰ Исследователи, склонявшиеся к этой версии, объясняли появление персонажа с именем *Бурислав* в «Эймундовой пряди» тем, что польский князь Болеслав Храбрый уже был известен скандинавам под именем *Бурислав* и поэтому один из древнерусских князей, находившийся в союзе с Болеславом – Святополк или Борис, – был назван *Буриславом*.³²¹ Между тем в случае принятия этой версии мы сталкиваемся, во-первых, с лингвистической проблемой. Возможность перехода начальной части *Bole-* в *Buri-* требует серьезного обоснования.³²² Во-вторых, упоминание Бурислава в «Книге о занятии земли» свидетельствует о том, что имя *Бурислав*

³²⁰ [Карамзин 1991 (1816): 200 (прим. 22)].

³²¹ Использование уже заимствованного антропонима для именования носителя незнакомого, но сходного имени, вполне естественно. С такими примерами мы во множестве сталкиваемся и в наше время. Ср. сходное явление в именослове россиян еврейского происхождения: *Берл* > *Борис*, *Борух* > *Борис*, *Лейб* > *Лев*, *Мирьям* > *Мария*, *Соломон* > *Семён*.

³²² Сонорные в скандинавских языках четко различались. Ср. скандинавское имя *Bólli*, которое демонстрирует странность гипотетической передачи славянского *Boleslavъ* в форме *Burizlafr*.

наряду с именем *Ярислейв* в исландской традиции в первую очередь ассоциировалось с Русью, а не с западнославянскими землями³²³.

Вторая версия производит имя *Бурислав* от славянского *Бориславъ*³²⁴. Между тем нам вроде бы не известен ни один носитель имени *Бориславъ*, благодаря которому скандинавы могли перенять это славянское имя. Было бы заманчиво предположить, что древнерусского князя Бориса одновременно звали *Бориславом*. Однако, к сожалению, у нас нет ни одного надежного примера одновременного ношения одним и тем же лицом полного двусоставного славянского имени, с одной стороны, и того типа его сокращенной, гипокористической формы, который представлен в имени *Борисъ* – с другой.³²⁵ Между тем в пользу того, что Бориса звали *Бориславом*, может говорить набор имен у сыновей Владимира. Почти все они, как уже отмечалось, оканчивались на *-славъ*: это *Вышеславъ*, *Изяславъ*, *Ярославъ* (Ярислейв «Эймундовой пряди»), *Мьстиславъ*, *Святославъ*, *Судиславъ* и *Станиславъ*. Старших внуков Владимира звали *Вьсеславъ* и *Брячиславъ* (Вартилава).

Третья версия принадлежит О. Прицаку, который выдвинул смелое предположение, что в имени *Бурислав* слились имена двух древнерусских князей – Бориса и Глеба Владимировичей. Эта на первый взгляд абсурдная догадка ценна тем, что О. Прицак указал на

³²³ Ср. [Глазырина 2002: 288–290 (прим. 25)].

³²⁴ Ср. [Данилевский 1998: 346; Прицак 2003: 1160 (прим. 82)].

³²⁵ Как отметил Г. Г. Гинкен [1893: 445], киевский боярин Петр Бориславич однажды именуется в летописи *Петром Борисовичем* (Ипат. 6660, л. 163 (стб. 452)). Между тем данное различие, по-видимому, объясняется индивидуальной опиской переписчика протографа Ипатьевской летописи (ср. [Валеев 2003: 226]). Аналогичной опиской, очевидно, является также замеченное Г. Г. Гинкеном [1893: 445] чтение «Ивань Творимичъ» в Радзивилловской (Радз. 6551, л. 88 об.) и Московско-Академической (см. Лавр. 6551 (стб. 154, вар. 36)) летописях вместо «Ивань Творимиричъ» в других списках «Повести временных лет» под 6551 годом.

наличие у одного из сыновей Владимира безусловно скандинавского по происхождению имени с элемента *-leifr*.

Четвертая версия возводит имя *Бурислав* к славянскому имени *Борисъ*.

Как уже говорилось, древнерусские имена на *-славъ* могли восприниматься скандинавами как имена на *-leifr / -láfr*. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский также выдвинули гипотезу, что скандинавы могли по аналогии снабжать элементами *-leifr / -láfr* те славянские имена, которые на самом деле не оканчивались на *-славъ*³²⁶. Отметим, что тезис А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского о том, что древнерусские имена на *-славъ* воспринимались скандинавами как имена на *-leifr / -láfr*, подтверждается упоминанием *Ярускара* в Старшей Эдде. Это выдуманное имя построено по аналогии с именем *Яруслейв*, от которого отброшен элемент *-leifr*, после чего к начальному *Ярус-* добавлен скандинавский элемент *-kárr*.

Возможно, что одной из причин восприятия имен на *-слав* в качестве имен на *-leifr / -láfr* стал распространенный у славян способ сокращения двусоставных личных имен, при котором от второй основы имени остается лишь первый согласный. В качестве примеров следует привести пары **Borimirъ / *Borimъ*, **Borislavъ / *Borisъ*, **Budimirъ / *Budimъ*, **L'ubimirъ / *L'ubimъ*, **Radimirъ / *Radimъ*, **Voldislavъ / *Voldisъ*³²⁷. Такой способ сокращения распространен и в

³²⁶ Как отмечают А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, «если допустить вслед за целым рядом исследователей, что под именем *Бурицлав* (*Búrizlafr*) скрывается Борис Владимирович, то оказывается, что скандинавы снабжают элементом *-слав* даже те княжеские антропонимы, которые на русской почве изначально его не содержат» [Литвина, Успенский 2006: 52 (прим. 39)]. В устной беседе Ф. Б. Успенский указал мне, что подобным образом сконструировано имя героини «Саги об Ингваре» королевы Силькисив. Оно, очевидно, построено по аналогии со скандинавской формой имени дочери Ярослава Владимировича и жены норвежского конунга Харальда Сигурдарсона (Сурового) Олисава – *Эллисив*.

³²⁷ Подробнее о гипокористике этого типа см. выше прим. 303.

других индоевропейских традициях. Одновременное наличие у славян полных форм на *-славъ* и кратких форм с как бы отброшенным *-лавъ* могло стать толчком к представлению германцев о вариативности наличия элемента *-láfr* в именах славян.

Итак, славянское имя *Борис* могло быть трансформировано в *Burizláfr*. Причиной добавления элемента *-leifr* / *-láfr* могло стать произошедшее уже на скандинавской языковой почве сближение имени *Борис* с именами других славянских правителей, известных скандинавам – Болеслава, Ярослава, Глеба.³²⁸

Славянское имя *Boleslavъ*, вероятно, стало передаваться скандинавами в виде *Burizláfr* / *Burizleifr* под влиянием воспринятого ими примерно в то же время имени *Борисъ*.

Если принять точку зрения А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, то следует задаться вопросом, когда к имени *Борис* или *Бурис* был добавлен элемент *-láfr*. Первая версия ответа на этот вопрос заключается в предположении о том, что Борис в скандинавской среде еще при жизни звался *Буриславом*. С другой стороны, возможно, что элемент *-láfr* в имени *Бурислав* появился уже в ходе развития устной традиции, при передаче рассказов о подвигах Эймунда на Руси.

Последняя версия предполагает, что имя *Борисъ* было заимствовано скандинавами в форме **Buris* и лишь позже было трансформировано в *Burisláfr*. Как уже говорилось, в поздней фантастической «Саге о Вильмунде» мы сталкиваемся с персонажем по имени *Бурис*. Его действия напоминают сюжет «Эймундовой пряжи», где в аналогичной роли выступает Бурислав. Необходимо понять, каким образом этот поздний источник, донес до нас в почти неизменном виде имя русского князя начала XI века. Можно представить себе два объяснения наличия в «лживой» саге формы *Бурис*. Первое из них предполагает, что в устной легенде о подвигах Эймунда на

³²⁸ Кроме того, А. Ф. Литвина обратила мое внимание на то, что имена *Бурислав* и *Ярислейв* сходны не только элементом *-leifr* / *-láfr*, но и предшествующими ему тремя фонемами. Это созвучие могло также послужить толчком к удлинению гипотетической первоначальной формы **Buris* до *Burisláfr*.

Руси главный антагонист изначально носил имя *Бурис*, что позднее в одной из ветвей традиции было изменено на *Бурислав* из-за контаминации с другими именами с элементом *-leifr* / *-láfr*. Второе – и более вероятное – объяснение заключается в том, что антагонист Эймунда все же носил имя *Бурислав*, позднее вошедшее в одну из лживых саг в форме *Бурис* в результате воздействия вторично заимствованного в XII веке скандинавами имени *Borislav*.

Возможно, Борис в скандинавской среде еще при жизни звался *Буриславом*. Если заново взглянуть на именослов русских князей поколения детей и внуков Владимира Святославича, то оказывается, что большинство из них содержали элементы *-славъ*, *-волод-* или *Вьсе-*³²⁹, которые легко воспринимались скандинавами в виде *-leifr* / *-láfr*, *-vald-* и *Vissi-*. Все это позволяет предположить, что возможность передачи славянского имени в скандинавской форме была важным фактором, влиявшим на выбор имен русских княжичей в эпоху Владимира и Ярослава. Данная гипотеза, во-первых, объясняет обилие имен на *-славъ* в династии Рюриковичей. Во-вторых, она проливает свет на появление в этот период в древнерусском княжеском именослове имени *Гьльѣбъ*. Судя по всему, скандинавское имя *Gudleifr* прижилось на Руси благодаря сходству элемента *-leifr* с элементом *-славъ*. В-третьих, в рамках выдвинутой гипотезы получает объяснение и интересующая нас форма *Бурислав*, которая могла быть официальным скандинавским именем Бориса Владимировича.

* * *

Итак, наиболее обоснованным следует признать возведение скандинавского имени *Burislavfr* к древнерусскому имени *Борисъ*. Судя по всему, имена древнерусских князей поколения сыновей Владимира Святославича были восприняты скандинавами одновременно и

³²⁹ Из этого правила среди сыновей Владимира выбиваются только имена *Святоплькъ* и *Позвиздъ*. При этом о Позвизде Владимировиче нам не известно ничего. Он упоминается лишь в одном из перечней сыновей Владимира в летописи. Святополк же, возможно, был сыном Ярополка, а не Владимира.

подверглись некоторой унификации. Вместе с именами *Ярославъ / Jarisleifr*, *Брячиславъ / Vartiláfr*, *Guðleifr / Гълѣбъ* имя *Борисъ* в варажской среде приобрело скандинавский элемент *-leifr / -láfr*.

3.2. Убийство Бурислава и убийство Бориса

В этом разделе будет критически рассмотрена гипотеза С. В. Руссова – Н. Н. Ильина о сходстве описаний убийства Бориса в летописи и убийства Бурислава в «Эймундовой пряди». Мне предстоит ответить на вопрос, какое событие легло в основу рассказа пряди.

После появления книги Н. Н. Ильина [1957] исследователи поделились на сторонников и противников идеи о том, что в рассказе «Эймундовой пряди» об убийстве Бурислава описано убийство Бориса Владимировича³³⁰. Между тем сами тексты не подвергались с тех пор новому подробному анализу.

Описанию убийства Бурислава полностью посвящена одна из глав «Эймундовой пряди»:

«Эймунд убил Бурислава конунга

Однажды рано утром Эймунд позвал к себе Рагнара, родича своего, десять других мужей, велел оседлать коней, и выехали они из города 12 вместе, и больше ничего с ними не было. Все другие остались. Бьёрн звался исландец, который поехал с ними, и Гарда-Кеттиль, и муж, который звался Асткелль, и двое Тордов. Эймунд и его товарищи взяли с собой еще одного коня и на нем везли свое боевое снаряжение и припасы. Выехали они, снарядившись, как купцы, и не знали люди, что значит эта поездка и какую они задумали хитрость. Они въехали в лес и

³³⁰ См., например: [Янин 1969: 26; Алешковский 1971: 129–131 (прим. 1); Членов 1971; Хорошев 1986: 26–32; Головкин 1988: 23–24; 2000: 40–42; Котляр 1989; Данилевский 1998: 346–347; Корпела 2001: 96–97] (за гипотезу Н. Н. Ильина); [Глазырина, Джексон, Мельникова 1999: 522; Назаренко 2001: 453–454] (против гипотезы Н. Н. Ильина). Ср. также [Рыбаков 1963: 207] (изложение версий без высказывания собственного мнения).

ехали весь тот день, пока не стала близка ночь. Тогда они выехали из лесу и подъехали к большому дубу; кругом было прекрасное поле и широкое открытое место. Тогда сказал Эймунд конунг: “Здесь мы остановимся. Я узнал, что здесь будет ночлег у Бурислава конунга и будут поставлены на ночь шатры (tialldstad)”. Они обошли вокруг дерева и пошли по просеке и обдумывали – где лучшее место для шатра. Тогда сказал Эймунд конунг: “Здесь Бурислав конунг поставит свой стан (herbudir). Мне говорили, что он всегда становится поближе к лесу, когда можно, чтобы там скрыться, если понадобится”. Эймунд конунг взял веревку или канат и велел им выйти на просеку возле того дерева, и сказал, чтобы кто-нибудь влез на ветки и прикрепил к ним веревку, и так было сделано. После этого они нагнули дерево так, что ветви опустились до земли, и так согнули дерево до самого корня. Тогда сказал Эймунд конунг: “Теперь, по-моему, хорошо, и нам это будет очень кстати”. После того они натянули веревку и закрепили концы. А когда эта работа была кончена, была уже середина вечера. Тут слышат они, что идет войско конунга, и уходят в лес к своим коням. Видят они большое войско и прекрасную повозку; за нею идет много людей, а впереди несут знамя. Они повернули к лесу и [пошли] по просеке туда, где было лучшее место для шатра, как догадался Эймунд конунг. Там они ставят шатер (landtialldit), и вся рать также, возле леса. Уже совсем стемнело. Шатер у конунга был роскошный и хорошо устроен: было в нем четыре части и высокий шест сверху, а на нем – золотой шар (knarrr ór gulle) с флюгером. Они видели из лесу все, что делалось в стане, и держались тихо. Когда стемнело, в шатрах зажглись огни, и они поняли, что там теперь готовят пищу. Тогда сказал Эймунд конунг: “У нас мало припасов – это не годится; я добуду пищу и пойду в их стан”. Эймунд оделся нищим, привязал себе козлиную бороду и идет с двумя посохами к шатру конунга, и просит пищи, и подходит к каждому человеку. Пошел он и в соседний шатер и много получил там, и хорошо благодарил за добрый прием. Пошел он от шатров обратно, и припасов было довольно. Они пили и ели, сколько хотели; после этого было тихо. Эймунд конунг разделил своих мужей; шесть человек оставил в лесу, чтобы они стерегли коней и были готовы, если скоро понадобится выступить. Пошел тогда Эймунд с товарищами, всего шесть человек,

по просеке к шатрам, и казалось им, что трудностей нет. Тогда сказал Эймунд: “Рагнвальд и Бьёрн, и вы исландцы, пусть идут к дереву, которое мы согнули”. Он дает каждому в руки боевой топор. “Вы – мужи, которые умеют наносить тяжелые удары, хорошо пользуйтесь этим теперь, когда это нужно”. Они идут туда, где ветви были согнуты вниз, и еще сказал Эймунд конунг: “Здесь пусть стоит третий, на пути к просеке, и делает только одно – держит веревку в руке и отпустит ее, когда мы потянем ее за другой конец. И когда мы устроим все так, как хотим, пусть он ударит топором по веревке, как я назначил. А тот, кто держит веревку, узнает, дрогнула ли она от того, что мы ее двинули, или от удара. Мы подадим тот знак, какой надо, – от него все зависит, если счастье нам поможет, и тогда пусть тот скажет, кто держит веревку, и рубит ветви дерева, и оно быстро и сильно выпрямится”. Сделали они так, как им было сказано. Бьёрн идет с Эймундом конунгом и Рагнаром, и подходят они к шатру, и завязывают петлю на веревке, и надевают на древко копья, и накидывают на флюгер, который был наверху на шесте в шатре конунга, и поднялась она до шара, и было все сделано тихо. А люди крепко спали во всех шатрах, потому что они устали от похода и были сильно пьяны. И когда это было сделано, они берутся за конец и так натягивают веревку, и стали советовать. Эймунд конунг подходит поближе к шатру конунга и не хочет быть вдали, когда шатер будет сорван. По веревке был дан удар, и замечает тот, кто ее держит, что она дрогнула, говорит тем, кто должны были рубить, и стали они рубить дерево, и оно быстро выпрямляется и срывает весь шатер конунга, и [закидывает его] далеко в лес. Все огни сразу погасли. Эймунд конунг хорошо заметил вечером, где лежит в шатре конунг, идет он сразу туда и сразу же убивает конунга и многих других. Он взял с собой голову Бурислава конунга. Бежит он в лес и его мужи, и их не нашли. Стало страшно тем, кто остался из мужей Бурислава конунга при этом великом событии, а Эймунд конунг и его товарищи уехали, и вернулись они домой рано утром. И идет [Эймунд] к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурислава. “Теперь посмотрите на голову, господин, – узнаете ли ее?” Конунг краснеет, увидя голову. Эймунд сказал: “Это мы, норманны, сделали это смелое дело, господин; позаботьтесь теперь о том, чтобы тело вашего брата было хорошо, с почетом, похоронено”. Ярицлейв конунг отвечает: “Вы

поспешно решили и сделали это дело, близкое нам; вы должны позаботиться о его погребении. А что будут делать те, кто шли с ним?” Эймунд отвечает: “Думаю, что они соберут тинг и будут подозревать друг друга в этом деле, потому что они не видели нас, и разойдутся они в несогласии, и ни один не станет верить другому и не пойдет с ним вместе, и думаю я, что не многие из этих людей станут обрывать своего конунга”. Выехали норманны из города и ехали тем же путем по лесу, пока не прибыли к стану. И было так, как думал Эймунд конунг, — все войско Бурислава конунга ушло и разошлось в несогласии. И едет Эймунд конунг на просеку, а там лежало тело конунга, и никого возле него не было. Они обрядили его и приложили голову к телу и повезли домой. О погребении его знали многие. Весь народ в стране пошел под руку Ярицлейва конунга и поклялся клятвами, и стал он конунгом над тем княжеством, которое они раньше держали вдвоем» (Eym., s. 373–375 (s. 127–130)).

Древнерусский рассказ об убиении Бориса Владимировича дошел до нас в нескольких версиях, однако описание самого убийства Бориса почти идентично в летописях, отражающих «Повесть временных лет», и в Новгородской I летописи младшего извода³³¹. Приведем легенду о гибели Бориса по версии Ипатьевской летописи. После описания смерти Владимира и похвалы ему в летописи читаем:

«С(вя)тополкъ же сѣде в Киевѣ · по о(ть)ци своемь · и созва Кыяны · и нача имѣние имь даяти а они приимаху и не бѣ с(ь)рд(ь)це ихъ с нимь яко братья ихъ быша с Борисомь · Борису же возвратившюся с воины не обрѣтшю Печенѣгъ · вѣсть приде ему · яко о(ть)ць ти оум(ь)рль · и плакася по о(ть)ци велми · любимъ бо бѣ о(ть)ц(ь)мь · паче всих · и ста на Алтѣ пришедъ · рѣша ему дружина от(ь)ня · се дружина оу тебе от(ь)ня и вои · поиди сяди в Киевѣ на столѣ от(ь)нѣ онъ же реч(е) не буди то мнѣ възнати руки на брата на старѣшаго · аще о(ть)ць ми оумре то сѣи ми будеть · въ о(ть)ца мѣсто · и се

³³¹ Лавр. 6523, л. 45–46 (стб. 132–135); Ипат. 6523, л. 49 об.–50 об. (стб. 118–121); Радз. 6523, л. 74–76; НовгІмл 6523, л. 75–77 (с. 169–172).

слышавше вои и разиidoшася *от* него · Борисъ же стояше съ отроки своими · С(вя)тополкъ же исполнися безакония · Каиновъ смыслъ приимъ · посылая к Борису гл(агол)я · яко с тобою хошю · любовь имѣти · и к огню ти придамъ · лстыя под нимъ · како бы погубити · С(вя)тополкъ же приде ночьюю к Вышегороду · и отаи призва Путшю · и Вышегородскыя боярьцѣ · и реч(е) имъ · прияете ли мнѣ всимъ с(ь)рд(ь)ц(ь)мъ · и реч(е) Путыша можемъ головы своѣ с Вышегородци положити он же рче имъ не повѣдите никомуже · шедше оубиите брата моего Бориса · они же въскорѣ обѣщася ему створити се · о сяковыхъ бо Соломонъ реч(е) · скоры суть бес правды прольяти кровь · собирають собѣ злая · ти бо обещаютьс(я) · крови сихъ путѣе суть скончевающе безаконие · неч(ь)стѣемъ бо свою д(у)шю емлютъ послании же придоша ночьюю · и подступиша ближе · и слышаша · бл(а)женаго Бориса поюща заоутреннюю · повѣдаша бо ему яко хотять тя погубити · и выставъ нача пѣтъ гл(агол)я · Г(о)с(под)и что ся оумножиса · стужающии ми · встають на мя · мнози и паки яко стрѣлы твоя оуньзоша во мнѣ · яко азъ на раны готовъ · и болѣзни моя предо мною есть · и паки гл(агол)аше Г(о)с(под)и оуслыши м(о)л(и)тву мою · и не вниди в судъ с рабомъ твоимъ · яко не оправдись предъ тобою · всякъ живы яко погна врагъ д(у)шю мою · и кончавъ експс(ал)мы · и видивъ яко послании суть погубить его · и нача пѣти псалтырь гл(агол)я яко оунци тучни и сборъ злобныхъ осѣде мя · Г(о)с(под)и Б(о)же мои на тя оуповахъ · и сп(а)си мя · и *от* всихъ гонящихъ избави мя · по сем же нача канунъ пѣти тако въ заоутрню · помолися зря на икону · гл(агол)я на образъ · вл(а)д(ы)ч(ь)нъ Г(о)с(под)и Ис(у)се Х(ри)с(т)е · иже симъ образомъ · явися на земли сп(а)с(е)ния ради нашего · изволивый своею волею · пригвоздити руци свои на кр(е)стѣ · и приемъ стр(а)сть грѣхъ ради нашихъ · тако и мене сподоби прияти стр(а)сть · се же не *от* противныхъ · приимаю но *от* брата своего и не створи ему Г(о)с(под)и в семь грѣха · и помолившюся ему · и възлеже на одрѣ своемъ · и се нападоша на мя³³² аки звѣрье дивии около шатра · и насунуша и копьи и прободоша Бориса · и слугу его падша на немъ · прободоша с нимъ · бѣ бо съ любимъ Бори-

³³² В других списках Ипат. и в Радз. – «на нь» вместо «на мя», в других летописях эти слова отсутствуют.

сомь · бяше бо отрокъ · съ родомъ Оугринь³³³ · именемъ Георгии · егоже любляше по велику Борисъ · бѣ бо възложи на нь гривну злату · в ней же престояше ему избиша же отроки многы Борисовы · Георгиеви же не могуше сняти вборзѣ гривны съ шѣи · и оуѣкнуша главу его · и тако сняша гривну ту · а главу *отвѣргше* прочь · тѣм же не обрѣтоша · послѣ же тѣла е_з(о) въ трупѣи · Бориса же оубивше оканънии оувѣртѣвше и в шатерь · и възложиша и на кола · повезоша · и еще дышющу ему и оувидивше³³⁴ се оканънии С(вя)тополкъ · и яко еще ему дышющу · и посла два Варяга · приконъчевати его · онѣма же пришедшима и видившима яко еще ему живу сущю · и единъ ею извлекъ мечь и пронзе ю къ с(ь)рд(ь)цю · и тако скончася · бл(а)ж(е)нии Борисъ приимъ вѣнѣць *от* Х(ри)с(т)а Б(ог)а с правѣдными причтеся съ прор(о)кы и съ ап(о)с(то)лы и с лики м(у)ч(е)н(и)кы въдворяся · Авраму · на лонѣ почивая · видя неизречьную рад(о)сть · воспѣвая съ анг(е)лы · и веселяся с лики с(вя)т(ы)хъ · и положиша тѣло его принесоша · и отаи Вышегороду · въ ц(е)ркви · с(вя)т(а)го Василия · оканънии же оубиини придоша къ С(вя)тополку · аки хвалу имуще безаконъници · суть же имена симъ законопреступникомъ · Путьша Талець Елович³³⁵ · Ляшко о(т)ць же ихъ сотона» (Ипат. 6523, л. 49 об.–50 об. (стб. 118–121)).

Н. Н. Ильин указал на сходство описания событий в рассказах об убийстве Бориса в летописи и об убийстве Бурислава в «Эймундовой пряди». По мнению Н. Н. Ильина, эти сюжеты совпадают «в ряде существенных подробностей» [Ильин 1957: 160]. Такими сходными моментами, по наблюдению исследователя, являются: место события – шатер на опушке леса или на лесной поляне в дне пути от столицы Руси; время события – ночь; примерное количество убийц; а

³³³ В рукописи первоначально было написано «оугричинь», но затем буквы «чи» были соскоблены.

³³⁴ В Лавр. – «оувѣдѣвше».

³³⁵ Буква *ч* в рукописи переделана из *и*. Варианты: «Еловичь» (Лавр.); «Оловичь» (НовГлмл); «Еливиць» (НовГКрамз. 6523, л. 242 (с. 58)).

также наличие мотивов: отсечения головы одного из убитых и ухода воинов от Бориса / Бурислава [Ильин 1957: 161–163]. Исходя из этих совпадений, Н. Н. Ильин сделал вывод о том, что в данном фрагменте «Эймундовой пряди» Бурислава следует отождествить с Борисом [Ильин 1957: 163–169].

А. М. Членов детализировал перечень параллелей между описаниями убийства Бурислава и убийства Бориса, доведя его количество до 13-ти: «(1) убитый в обоих случаях является древнерусским князем, братом Ярослава, сыном Владимира; (2) убийц в обоих случаях посылает брат убитого, занимающий киевский стол»; «(3) убийство в обоих случаях происходит на расстоянии одного дневного перехода от Киева; (4) убийство в обоих случаях начинается глубокой ночью; (5) убийство в обоих случаях начинается в шатре, установленном для ночлега князя; (6) убийство в обоих случаях совершает небольшая группа убийц; (7) убийцы в обоих случаях проникают в шатер князя без сопротивления; (8) резня в обоих случаях затрагивает только княжеский шатер; (9) убийцы в обоих случаях возвращаются к пославшему их князю; (10) в шатре в обоих случаях остается обезглавленный труп, голову же люди убитого князя не находят; (11) в убийстве в обоих случаях принимают участие варяги; (12) убийцы в обоих случаях сами тайно хоронят убитого князя без подобающих почестей»; «(13) убийцы в обоих случаях остаются безнаказанными» [Членов 1971: 327].

По мнению А. М. Членова, «количество совпадений столь велико, что речь идет, очевидно, не о двух разных убийствах, а (как совершенно справедливо предположил Ильин) об одном убийстве, о двух описаниях того же самого убийства» [Членов 1971: 327].

Отметим, что тексты об убийствах Бурислава и Бориса имеют несколько странных особенностей. Так, в летописи кажется не совсем уместным рассказ об обезглавливании Борисова слуги Георгия, на золотую гривну которого позарились убийцы, а в «Эймундовой пряди» выглядит излишним подробнейшее описание вздергивания

шатра Бурислава на дереве. Эти мотивы на первый взгляд кажутся побочными и неумеренно раздутыми.

«Suspendendo ad arborem cum catena aurea»

Убийство Бориса, убийство Бурислава и убийство Агни

Для разрешения проблемы идентификации Бурислава «Эймундовой пряди» важнейшее значение имеет изучение сюжетных параллелей приведенных выше текстов.

Одна из глав «Саги об Инглингах» («Ynglinga saga») «Круга Земного» имеет сюжет, сходный с рассказами и об убийстве Бориса, и об убийстве Бурислава.

«Сага об Инглингах» повествует о предках норвежского королевского рода. Большая часть этих предков – это древние конунги Центральной Швеции, Свеаланда. Сага была создана в XIII веке исландцем Снорри Стурлусоном и включена им в его свод саг о норвежских конунгах, за которым позднее закрепилось название «Круг Земной» («Heimskringla»).

Большая часть «Саги об Инглингах» сопровождается цитатами из «Перечня Инглингов» норвежского скальда Тьодольва из Хвинира. «Перечень» датируется примерно концом IX – началом X века. Исследователи определили, что некоторые подробности, приводимые Снорри в прозаическом тексте саги, возникли в результате неверной интерпретации им текста Тьодольва. Однако Снорри, очевидно, имел в своем распоряжении и иные источники кроме «Перечня Инглингов»³³⁶.

В 19-й главе «Саги об Инглингах» рассказывается об убийстве Агни: конунг отправляется в поход в Страну Финнов и побеждает их вождя Фрости, который погибает в сражении. Далее в саге читаем:

«Агни конунг разорял Страну Финнов и покорил ее себе, и взял большую добычу. Он взял также Скъяльв, дочь Фрости, и

³³⁶ См. [Смирницкая 2005: 108–112].

Логи, ее брата. Когда он возвращался с востока, он пристал в проливе Стокксунд. Он разбил свои шатры (tjöld) к югу на прибрежной равнине. Там был тогда лес. На Агни конунге была тогда золотая гривна (gullmen), которой когда-то владел Висбур. Агни конунг собирался жениться на Скъяльв. Она попросила его справить тризну по своему отцу. Он созвал многих знатных людей и дал большой пир. Он очень прославился своим походом. Пир шел горой. Когда Агни конунг опьянел, Скъяльв сказала ему, чтобы он поберег гривну, которая была у него на шее. Тогда он крепко привязал гривну к шее и лег спать. А шатер стоял на опушке леса, и над шатром было высокое дерево, которое защищало шатер от солнечного жара. Когда Агни конунг заснул, Скъяльв взяла толстую веревку и привязала к гривне. Ее люди опустили шесты палатки, закинули веревку на ветви дерева и потянули так, что конунг повис под самыми ветвями. Тут ему пришла смерть. Скъяльв и ее люди вскочили на корабль и уплыли. Агни конунг был там сожжен, и это место с тех пор называется Агнафит. Оно на востоке Таура и к западу от Стокксунда. Тьодольв говорит так:

Навряд ли рать
 Была рада
 Тому, что Скъяльв
 Учинила с князем,
 Когда повис
 Агни на гривне,
 Вздернут у Таура
 Сестрой Логи.
 Тяжкий удел
 Вождю выпал –
 Смирять коня
 Супруга Сигню»³³⁷ (Yngl. s. 19 (s. 35–36)).

³³⁷ «Þat telk undr, | ef Agna her | Skjalfar rǫð | at sköpum þóttu, | þás gæðing | með gollmeni | Loga dís | at lopti hóf, | hinns við Taur | temja skyldi | svalan hest | Signýjar vers». Перевод О. А. Смирницкой. «Смирять коня супруга Сигню» – ‘быть повешенным’.

В своем переводе О. А. Смирницкая отражает те версии прочтения стихов Тьодольва, которым последовал автор «Круга Земного» в своем прозаическом изложении легенды о гибели Агни. Между тем некоторые интер-

В более кратком виде история гибели Агни содержится в анонимной «Истории Норвегии» (вторая половина XII века):

«Альрик родил Хогни; его (близ места Агнафит, {которое сейчас называется Стокхольм}) убила собственными руками его жена, {повесив на дереве на золотой цепи}»³³⁸ (HistNorw, p. 99).

Р. Кук бегло указывал в подстраничном примечании на сюжет 19-й главы «Саги об Инглингах» как на одну из параллелей к эпизоду «Эймундовой пряжи» с согнутым дубом, использованным для поднятия шатра Бурислава [Кук 1986: 84 (п. 91)], однако исследователь не обратил внимание на то, что рассказ о гибели Агни оказывается очень близок по сюжету и к древнерусским текстам об убийстве Бориса.

претации Снорри следует признать ошибочными. Так, слова *loga dis*, содержащиеся в стихах Тьодольва, по-видимому, должны переводиться как ‘диса огня’ (то есть ‘женщина’) [Гаде 1984: 62], а слово *taur*, судя по всему, не является топонимом и означает ‘шейная гривна’ (см. [Брим 1894: 9], ср. [Нурен 1892: 214]). Таким образом, наиболее вероятный перевод этой строфы таков: ‘Мне видится удивительным, | если войску Агни | планы Скьяльв | казались обычными, | когда дарителя | с золотой гривной | диса огня | подняла в воздух, | ему при помощи гривны | суждено было смирать | холодного коня | мужа Сигню’. Из-за ошибок Снорри в его прозаический рассказ проникли некий брат Скьяльв по имени Логи и Таур – местность, близ которой якобы был убит Агни.

³³⁸ «Alricr autem genuit Hogna; istum uxor sua juxta locum Agnafit, {qui nunc Stokholm r dicitur}, propriis manibus interfecit {suspendendo ad arborem cum catena aurea}».

Слова, взятые в фигурные скобки, отсутствуют в единственной дошедшей до нас рукописи «Истории Норвегии» и содержатся только в более позднем шведском сочинении, автор которого заимствовал ряд пассажей из «Истории Норвегии». Как считает Д. Эванс, слова «qui nunc Stokholm r dicitur» не восходят к тексту «Истории Норвегии» [Эванс 1981: 90 (п. 3), 101–102].

Если сравнить набор мотивов в разных текстах, то оказывается, что во всех трех рассказах (о Борисе, о Буриславе и об Агни) отражены мотивы возвращения князя (или конунга) из похода (см. мотив № 1 в таблице 22), установки ему шатра (№ 3), золотого предмета, являющегося атрибутом князя (№ 4), укладывания князя спать (№ 7) и убийства князя, в котором некоторую роль играет золотой предмет, (№ 8). В легенде о гибели Агни и в одном из остальных источников присутствуют мотивы оплакивания отца (№ 5) и опьянения конунга или его людей (№ 6). Мотивы прихода небольшой группы убийц в позднее время (№ 2) и обезглавливания (№ 9) связывают между собой древнерусские тексты и «Эймундову прядь», но не отражены в «Саге об Инглингах».

Особенно интересно то, что мотивы, связанные с золотым предметом (см. №№ 4 и 8, выделенные в таблице 22 при помощи курсивного начертания), имеют значительные различия в древнерусских текстах и в «Эймундовой пряди», однако оказываются явно близки при сравнении с «Сагой об Инглингах». Кажущиеся побочными для рассказов об убийствах мотив золотой гривны отрока Георгия и мотив вздергивания шатра Бурислава находят яркую параллель в описании повешения Агни на золотой гривне. Рассказ об Агни представляет собой как будто соединенные воедино повествования об убийствах Бориса и Бурислава.

Сходство рассмотренных текстов видно на таблице 22.

Таблица 22

МОТИВ	Начальная летопись	«Эймундова прядь»	«Сага об Инглингах»
№ 1	князь возвращается из похода в чужую страну	конунг идет войной на Ярислейва из чужой страны	конунг возвращается из удачного похода в чужую страну
№ 2	маленькая группа убийц приходит ночью	маленькая группа убийц приезжает ближе к ночи	
№ 3	князь ложится в шатре	конунг разбивает шатры на опушке леса	конунг разбивает шатры на опушке леса

№ 4	князь возложил на своего слугу золотую гривну	на шатре конунга – золотой шар	на конунге – золотая гривна
№ 5	князь плачет по своему отцу		конунг правит тризну по отцу своей невесты
№ 6		люди конунга сильно пьяны	конунг пьянеет
№ 7	князь ложится спать	люди конунга крепко спят	конунг ложится спать
№ 8	убийцы отрубаят голову слуге, у которого на шее золотая гривна ³³⁹	над шатром конунга – большой дуб; убийцы срывают шатер при помощи веревки, привязанной к дубу и к золотому шару на шатре	над шатром конунга – высокое дерево; убийцы подвешивают конунга на дерево при помощи веревки, привязанной к гривне у него на шее
№ 9		убийцы отрубаят голову конунгу	

Как мы видим, во-первых, сходство летописного рассказа и текста пряди с легендой об Агни обнаруживается только при *соединении* описаний убийства Бориса и убийства Бурислава. Во-вторых, наиболее яркими и специфическими являются параллели именно тех мотивов, которые ранее были выделены мной как предположительно побочные в рассказах об убийстве Бориса и об убийстве Бурислава, взятых по отдельности. Оба этих обстоятельства чрезвычайно важны. Их нетривиальность свидетельствует о том, что сходство трех приведенных текстов не могло возникнуть случайным образом.³⁴⁰

³³⁹ Наиболее разнящиеся в разных текстах мотивы №№ 8 и 9 следует обозначить как *убийство, в котором некоторую роль играет золотой предмет*, (№ 8) и *обезглавливание* (№ 9). В древнерусской версии эти мотивы слились в одном эпизоде.

³⁴⁰ Вероятность независимого возникновения сходства между тремя сюжетами следует признать крайне незначительной. Такая версия может быть оправданной при сопоставлении текстов далеких культур, мы же в обоих случаях имеем дело с текстами, созданными носителями скандинавской

Все это позволяет заключить, что древнерусские тексты об убийстве Бориса и рассказ «Эймундовой пряжи» об убийстве Бурислава восходят к общему источнику – повествованию об убийстве Бориса, сюжет которого в большинстве своих деталей был близок сюжету легенды о гибели Агни. Далее я буду называть это повествование *Варяжской легендой*, так как, во-первых, Борис был убит варягами, а, во-вторых, в рассказе об убийстве обнаруживается связь со скандинавскими легендами.

Большое количество изменений, которым Варяжская легенда подверглась до включения в дошедшие до нас тексты, указывает на то, что изначально это был устный рассказ, созданный по горячим следам гибели Бориса либо свидетелями убийства, либо кем-то, кто был с ними в непосредственном контакте (убийство Бориса не афишировалось, поэтому его подробности не могли стать широко известны³⁴¹). Варяжская легенда, судя по всему, была еще свободна от религиозных «риторики и лирики»³⁴², вошедших в древнерусский рассказ о гибели Бориса в ходе складывания его церковного почитания, с одной стороны, и от тех добавлений, которые предполагал жанр исландской пряжи, повествующей о далеких путешествиях скандинавов, – с другой. В процессе устного бытования в древнерусской и скандинавской среде часть мотивов Варяжской легенды и там и там была потеряна и / или видоизменена, и рассказ об убийстве Бориса дошел до нас в том виде, в каком его через многие годы независимо друг от друга записали древнерусский и исландский книжники.

Изначально сюжет Варяжской легенды в большинстве своих деталей, судя по всему, был сходен с сюжетом о гибели Агни. Вероятно, в Варяжской легенде присутствовали сходные с «Сагой об Инг-

традиции или их потомками (ср. многочисленные следы скандинавского фольклора в Начальной летописи).

³⁴¹ Как было показано в главе I, летописный рассказ об убиении Бориса был создан более чем через полвека после убоицы 1010-х годов.

³⁴² «Риторика и лирика» – выражение А. А. Шахматова [1908: 34 (§ 20)].

лингах» мотивы: военного похода (№ 1); установки шатров на опушке леса (№ 3); золотой гривны князя (№ 4); крепкого сна людей Бориса (№ 7); большого дерева и веревки, используемых для подвешивания князя (и, возможно, его шатра) за золотой предмет (№ 8). В легенде также могло говориться об опьянении людей Бориса (№ 5).

Кроме того, в Варяжской легенде, видимо, были независимые от «Саги об Инглингах» мотивы прихода убийц (№ 2)³⁴³ и отсечения головы Бориса (№ 9). Эти мотивы, возможно, являются достоверным отражением обстоятельств убийства Бориса.

Итак, я считаю, что сходство описаний убийства Бориса, убийства Бурислава и убийства Агни может объясняться только тем, что и рассказ об убийстве Бурислава в «Эймундовой пряди», и летописное описание убийства Бориса восходят к устной легенде о гибели Бориса.

Варяжская легенда об убийстве Бориса могла быть связана с легендой об убийстве Агни одним из трех возможных способов: либо заимствование происходило из Варяжской легенды в рассказ о гибели Агни; либо в Варяжскую легенду из легенды об Агни³⁴⁴, либо эти тексты независимо друг от друга построили свой сюжет, позаимствовав его схему из некоего общего источника.

От выбора одного из этих вариантов не зависит вывод о том, существовала ли Варяжская легенда. Между тем непротиворечивое объяснение связи Варяжской легенды об убийстве Бориса и легенды о гибели Агни может подкрепить этот важный для нас вывод.

Итак, разберем три предложенных варианта.

³⁴³ В легенде, вероятно, говорилось, что во главе отряда убийц стояли два человека (то есть Эймунд и его побратим Рагнар), которых глухо упоминает летописец в виде «двух варягов». Ср. [Никитин 2001: 294].

³⁴⁴ Это возможно только в том случае, если легенда существовала в схожей с «Сагой об Инглингах» форме (необязательно в письменном виде), по крайней мере, уже в начале XI века, так как текст «Круга Земного», как уже говорилось, был написан через двести лет после убийства Бориса.

О возможности независимого заимствования сюжетов рассказа об убийстве Агни и Варяжской легенды о гибели Бориса из третьего текста в нашем случае говорить сложно до тех пор, пока нам не известен никакой текст, который мог бы быть общим источником рассказов об убиении Бориса и Агни³⁴⁵.

Гипотетически возможно заимствование сюжета из Варяжской легенды в легенду о смерти Агни: Варяжская легенда (в одной из своих ранних форм) могла быть использована Снорри Стурлусоном или кем-то из его предшественников, описывавших гибель Агни. Однако вероятность привлечения скандинавским сказителем или книжником для объяснения древней скандинавской легенды относительно позднего сюжета, связанного с конкретным событием, произошедшим на Руси, представляется незначительной. Эта вероятность еще больше снижается, если вспомнить, что самые важные мотивы легенды о гибели Агни нашли отражение уже в «Перечне Инглингов», датированном концом IX – началом X века.³⁴⁶

³⁴⁵ Отметим между тем, что некоторые скандинавские тексты все же содержат подобные сюжеты. См., например, рассказ о Хаконе Могучем и его слуге Карке из «Саги об Олаве Трюгвасоне» «Круга Земного» (Нкг. OT 49–50 (bd. 1, s. 354–355); см. [Михеев 2005a: 36–37 (прим. 12)]).

³⁴⁶ Между тем стихи Тьодольва содержат не все те мотивы, параллели к которым мы находим в текстах об убийстве Бориса. В «Перечне Инглингов» нет речи о (1) возвращении из похода, (2) шатре на опушке леса, (3) сне Агни; (4) не говорится о том, что Агни был повешен именно на *дереве*. Поэтому предположение о знакомстве автора Варяжской легенды с легендой об Агни может быть справедливо только в том случае, если мы признаем, что Снорри при написании «Саги об Инглингах» основывался не только на тексте Тьодольва, но привлекал к работе над сагой и другие источники, содержавшие легенды о древних свейских конунгах.

Между тем Снорри, безусловно, привлекал данные Тьодольва в качестве одного из основных источников своей работы. Это видно на примере введения в прозаический рассказ «Саги об Инглингах» Логи и Таура в результате ошибочной интерпретации строк Тьодольва (см. выше прим. 337). То, что эти ошибки принадлежат именно Снорри, косвенно подтверждается

Намного вероятнее, что один из сюжетов известного многим скандинавам сказания о древних свейских конунгах повлиял на создателей первого повествования об убийстве Бориса Владимировича. Если какой-то мотив легенды об Агни повторяется в древнерусском тексте и / или в «Эймундовой пряди», то этот мотив входил в парадигму, которой следовал создатель Варяжской легенды³⁴⁷.

В ходе бытования Варяжской легенды в обеих традициях исчезли или были сильно трансформированы различные мотивы, сходные с сюжетом легенды о гибели Агни. Так, в древнерусском варианте был утрачен мотив большого дерева, используемого для подвешивания князя или его шатра, а золотая гривна стала атрибутом не Бориса, а его слуги Георгия. В скандинавском же варианте был серьезно трансформирован мотив золотой гривны князя, которая превратилась в золотой шар на шатре Бурислава. Эти изменения говорят о том, что авторы дошедших до нас древнерусского и скандинавского рассказов об убийстве Бориса и / или их предшественники уже не знали истории гибели Агни или просто не соотносили с этим повествованием описываемые ими события древнерусской истории. В обеих традициях была потеряна память контекста³⁴⁸.

Проверим теперь наше предположение о заимствовании сюжета легенды об Агни при описании убийства Бориса.

тем, что они никак не отразились в текстах, восходящих к Варяжской легенде об убийстве Бориса.

³⁴⁷ Нельзя исключать и возможность того, что этой парадигме следовали сами убийцы Бориса, которые могли в своих поступках не выходить из системы координат традиции, как бы встраивая повседневную жизнь в эпическую перспективу. Между тем представить себе реальность повешения человека на гривне довольно сложно. Более вероятно, что убийство Бориса было лишь при его описании уподоблено убийству Агни.

³⁴⁸ О термине *память контекста* см. [Данилевский 2004: 60–61].

Необходимым условием заимствования сюжета из одного повествования в другое является наличие каких-либо конкретных причин, побудивших автора одного из текстов обратиться к другому.

Рассмотрим контекст, в который в скандинавской традиции была включена легенда о гибели Агни. В 14-й главе «Саги об Инглингах» описывается убийство конунга Висбура (прапрапрадеда Агни) его сыновьями:

«Висбур наследовал своему отцу Ванланди. Он женился на дочери Ауди Богатого и дал ей вено (mundi) – три больших двора и золотую гривну (gullmen). У них было два сына – Гисль и Эндур. Но Висбур бросил ее и женился на другой, а она вернулась к отцу со своими сыновьями. У Висбура был также сын по имени Домальди. Мачеха Домальди велела наколдовать ему несчастье. Когда сыновьям Висбура исполнилось двенадцать и тринадцать лет, они явились к нему и потребовали вено своей матери. Но он отказался платить. Тогда они сказали, что золотая гривна их матери будет гибелью лучшему человеку в его роде (ætt), и уехали домой. Они снова обратились к колдунье и просили ее сделать так, чтобы они могли убить своего отца. А колдунья Хульд сказала, что сделает не только это, но также и то, что с этих пор убийство родича (ættvíg) будет постоянно совершаться в роду Инглингов. Они согласились. Затем они собрали людей, окружили дом Висбура ночью и сожгли его в доме. Тьодольв говорит так:

И в жару
 Сгорел Висбур,
 Пожран был
 Родичем бури.
 Когда под кров
 К нему дети
 Пустили гостить
 Татя леса,
 И в дымном дому
 Грыз владыку

Гарм углей,
Громко воя»³⁴⁹ (Yngl. s. 14 (s. 29–30)).

В «Истории Норвегии» этот сюжет рассказан следующим образом:

«Он (Ванланди – С. М.) родил Висбура, которого заживо сожгли его сыновья вместе со всем его двором, чтобы быстрее получить наследство»³⁵⁰ (HistNorw, p. 98).

Кроме 19-й главы «Саги об Инглингах», в которой рассказывается о смерти Агни, пророчество колдуньи напрямую реализуется в 20-й и 21-й главах саги, где в обоих случаях убивают друг друга родные братья (сыновья Агни Альрек и Эйрик и сыновья Альрека Ингви и Альв), и в 25-й главе, главным героем которой является конунг Аун, принесший в жертву Одину восемь из своих сыновей. Согласно «Истории Норвегии», от рук своего брата погиб также Анунд Дорога.³⁵¹ Однако единственное прямое упоминание о проклятье Хульд в скандинавских текстах содержится именно в рассказе о гибели Агни, где особо оговаривается наличие у Агни золотой гривны Висбура.

Таким образом, золотая гривна Агни в скандинавской традиции, безусловно, ассоциировалась с проклятием Инглингов, в роду

³⁴⁹ «Ok Visburs | vilja byrgi | sævar niðr | svelga knátti, | þás meinþjóf | markar ottu | setrs verjendr | á sinn fǫður, | ok allvald | í arinkjóli | glóða garmr | glymjandi beit». Перевод О. А. Смирницкой. «Родич бури», «тать леса», «Гарм углей» – кеннинги, обозначающие ‘огонь’.

³⁵⁰ «Hic genuit Wisbur, quem filii sui cum omni curia sua, ut citius hæreditentur, vivum incenderunt».

Отметим, что в этой фразе не совсем ясно, к какому члену предложения относятся слова «cum omni curia sua» (‘со всем его двором’). Между тем переводчица «Истории Норвегии» на английский Д. Канин, не оговаривая неоднозначность латинского текста, определяет их как дополнение к *incenderunt*, а не к *filii*: «Vanlandi fathered Visburr, who with all his retinue was burned alive by his sons...» [Канин, Фелпстед 2001: 12].

³⁵¹ HistNorw, p. 101. Cp. Yngl. s. 35.

которых было суждено постоянно повторяться убийствам близких родичей.

Все это позволяет предположить, что убийство Бориса Владимира потому было сопоставлено авторами Варяжской легенды именно с убийством Агни, что убийство князем его близкого родственника вызывало у носителей скандинавской традиции аналогию с убийствами в роду Инглингов, на которых лежало проклятие Хульд.

Итак, я нашел непротиворечивое объяснение зависимости Варяжской легенды об убийстве Бориса от легенды о гибели Агни, а также выявил причины, побудившие обратиться при описании убийства Бориса к древней скандинавской легенде. Все это подкрепляет сделанный выше вывод о том, что рассказы об убийстве Бориса и убийстве Бурислава восходят к общему источнику.

Следует отметить, что сходное с рассмотренным выше обращение к скандинавской мифологической традиции можно обнаружить в древнеисландской «Пряди о Халли Челноке», в одном из эпизодов которой рассказывается о том, как скальд Тьодольв Арнорссон по просьбе конунга Харальда Сурового уподобляет простых людей древним героям:

«Как-то раз, когда конунг шел со своей свитой по улице, из одного дома до них донеслась громкая ругань. Там спорили дубильщик с кузнецом, а в следующую минуту они принялись друг друга тузить. Конунг остановился и некоторое время наблюдал за их потасовкой. Затем он сказал: “Пойдем отсюда, я не хочу вмешиваться в их ссору, но ты, Тьодольв, сочини о них вису”. “Государь, – говорит Тьодольв, – не пристало мне делать такое, ведь я считаюсь Вашим главным скальдом”. Конунг отвечает: “Это труднее, чем тебе могло показаться. Ты должен представить их совсем другими людьми. Пускай один будет Сигурд Убийца Фафнира, а другой Фафнир, и придай каждому приметы его ремесла”. Тогда Тьодольв сказал вису:

<p>Sigurðr eggjaði sleggju snák váligrar brákar, en skafdreki skinna skreið of leista heiði. Menn sáusk orm, áðr ynni, ilvegs búinn kilju, nautaleðrs á naðri neflangr konungr tangar.</p>	<p>“Сигурд кузнечного молота подстрекал ужасного змея гашпиля, но дракон-создатель кожи уполз с пустоши ног; люди боялись змея, одетого в плащ дороги подошв, пока длинноносый конунг клещей не умертвил гада бычьей шкуры”.</p>
--	--

“Хорошо сказано, – говорит конунг, – а теперь сочини другую вису, и пусть один из них будет Тором, а другой – великаном Гейррёдом, и придай каждому приметы его ремесла”. Тьодольв сказал тогда такую вису:

<p>Varp ór þrætu þorpi Þórr smiðbelgja stórra hvápteldingum höldnum hafra kjöts at jötni. Hljóðgreipum tók húða hrökkviskafls ór afli gláðr við galdra smiðju Geirröðr síu þeiri.</p>	<p>“Тор больших кузнечных мехов извергал из села спора сдерживаемые молнии глотки на ётуна козлиной плоти; Гейррёд мечущейся подковы кожи, радостный, с силой хватал ладонями звука раскаленное железо кузницы заклинаний”.</p>
---	---

“После этого не скажут, что ты плохой скальд”, – говорит конунг. И все хвалили его за эти висы» (Sneglu-Halla þ., кар. III (s. 267–269); перевод Е. А. Гуревич и И. Г. Матюшиной).³⁵²

³⁵² «Сигурд кузнечного молота», «конунг клещей» и «Тор кузнечных мехов» в процитированных висах – кеннинги кузнеца; «змей гашпиля», «дракон-создатель кожи», «гад бычьей шкуры», «ётун козлиной плоти» и «Гейррёд подковы кожи» – кеннинги дубильщика; «пустошь ног» – пол; «плащ дороги подошв» – башмаки («дорога подошв» – подметки); «село спора» и «кузница заклинаний» – рот; «молнии глотки» и «раскаленное железо кузницы заклинаний» – ругань; «ладони звука» – уши.

Как отметили переводчики этого фрагмента Е. А. Гуревич и И. Г. Матюшина [Гуревич, Матюшина 2000: 69–71], единоборство Тора с великаном (ётуном) Гейррёдом описано в Младшей Эдде Снорри Стурлусона: «Вдоль всей палаты были разведены костры, и когда Тор вошел в палату и стал напротив Гейррёда, тот ухватил щипцами раскаленный брусок железа и

В данном сюжете, как и в предполагаемой мной Варяжской легенде об убийстве Бориса, описываемые рассказчиком события уподобляются мифологическим. Таким образом, Варяжская легенда, если она существовала в том виде, в каком я ее реконструирую, не выбивается из традиции.

Обстоятельства возникновения Варяжской легенды об убийстве Бориса

Еще одним неперенным условием заимствования сюжета из одного повествования в другое является актуальность заимствуемого сюжета в той культурной среде, в которой он используется. Параллель между убийством Бориса и убийством Агни могла быть проведена только представителем такого сообщества, которому были знакомы и близки древние скандинавские легенды.

На Руси начала XI века легенды о древних свейских конунгах не могли быть повсюду известны и актуальны, поэтому список вероятных мест возникновения древнерусской аллюзии на рассказ об убийстве Агни не бесконечен. Пытаясь определить ту конкретную среду, в которой возникла Варяжская легенда, нельзя также забывать и о том, что она, скорее всего, родилась в окружении того князя (или представителя высшей знати), который в ходе междоусобицы Владимиричей непосредственно боролся с Борисом и был близким родственником Бориса, так как только в таком случае аналогия Варяжской легенды с гибелью Агни оказывалась наполнена смыслом.

Первым претендентом на роль того человека, в чьем окружении возникла Варяжская легенда, является Святополк, которому убийство Бориса приписывается древнерусским летописцем. Однако оказывается, что источники почти ничего не сообщают нам о связях

швырнул в Тора. Но Тор поймал брусок железными рукавицами и высоко поднял. Гейрред, чтобы защититься, отскочил за железный столб. А Тор бросил раскаленное железо, и оно пробило столб, и Гейррёда, и стену и ушло в землю» (SnEdda, k. 18 (s. 89–90), перевод О. А. Смирницкой).

Святополка со Скандинавией. Согласно летописи, он не был сыном скандинавской жены Владимира Рогнеды. Кроме того, он, возможно, был сыном не Владимира, а его брата Ярополка, который в отличие от Владимира никогда не сидел в Новгороде и не ходил за море. Жена Святополка была не скандинавкой, а дочерью польского князя Болеслава³⁵³. В междоусобных войнах на Руси, согласно древнерусским и западным источникам, Святополк использовал поляков, немцев и печенегов³⁵⁴, но не варягов (кроме эпизода убийства Бориса – !). Все вышеизложенное приводит нас к выводу о том, что

³⁵³ Одна из жен шведского конунга Эйрика Победоносного, вышедшая впоследствии замуж за датского конунга Свейна Вилобородого, скорее всего, была дочерью Мешка I, то есть сестрой Болеслава (подробнее об этом см. [Шюк 1914: 14–17], а также [Успенский 2002: 25–26] с указанием литературы), ее дети, в том числе Кнут Свейнссон Могучий и, возможно, Олав Эйриксон Шведский (Шётконунг) (скорее всего, матерью Олава Эйриксона все же была другая жена Эйрика Победоносного), приходились жене Святополка двоюродными братьями. Однако эти далекие родственные связи Святополка со скандинавскими правителями вряд ли имели для него значение, так как в ходе междоусобицы Владимиричей союзником Олава и Кнута был как раз противник Святополка Ярослав (об этом союзе см. [Назаренко 2001: 491–503]).

³⁵⁴ Согласно «Повести временных лет», в битве у Любеча (на Днепре) на стороне Святополка выступали печенеги (Лавр. 6523–6524, л. 48 об. (стб. 141–142); Ипат. 6523–6524, л. 53 об. (стб. 128–129); Радз. 6523–6524, л. 80–80 об.). Согласно Новгородской I летописи, после этой битвы Святополк бежал к печенегам (НовГлст [6524], л. 1 об.; НовГлмл 6524, л. 79 об. (с. 175)). При захвате Киева Святополку помогали ляхи (Лавр. 6526, л. 48 об.–49 (стб. 142–144); Ипат. 6526, л. 53 об.–54 (стб. 130–131); Радз. 6526, л. 81–81 об.). Затем Святополк бежал к печенегам (Лавр. 6526, л. 49 (стб. 144); Ипат. 6526, л. 54 (стб. 131); Радз. 6526, л. 81 об.), после чего привел их на Ярослава для участия в своем последнем сражении на Альтском поле (Лавр. 6527, л. 49 (стб. 144); Ипат. 6527, л. 54 (стб. 131); Радз. 6527, л. 82). Согласно хронике Титмара Мерзебургского, во взятии Киева Болеславом и Святополком участвовали поляки и немцы (Thietmar VIII 31–32, fol. 191'–192' (S. 528–530)), а также венгры и печенеги (Thietmar VIII 32, fol. 192–192' (S. 530)).

Святополк и люди, близкие к нему, не могли быть авторами Варяжской легенды из-за незначительности связей со скандинавским миром.

Между тем одновременно и близким родственником Бориса, и человеком, тесно связанным со Скандинавией, был Ярослав. Большая часть известных нам древнерусско-скандинавских контактов этого времени связана именно с его фигурой. Ярослав был в близких отношениях с норвежским, шведским и, возможно, датским королевскими родами. Ярослав долго княжил в Новгороде³⁵⁵, известном своими связями с Северной Европой³⁵⁶. Мать Ярослава Рогнеда происходила из знатного скандинавского рода, правившего в Полоцке. Кроме того, как уже отмечалось, женой Ярослава и матерью большинства (если не всех) его детей была Ингигерд – дочь конунга свеев.

Таким образом, окружение Ярослава было такой средой, где легенды о древних свейских конунгах были, безусловно, известны и актуальны. Следовательно, сопоставление убийства Бориса с убийством Агни могло быть произведено в окружении Ярослава. При этом нельзя исключать возможность участия в создании Варяжской легенды и самого убийцы Бориса – Эймунда³⁵⁷.

³⁵⁵ Даже в период своего киевского княжения Ярослав часто находился в Новгороде (Лавр. 6532, л. 50 (стб. 147) = Ипат. 6532, л. 55–55 об. (стб. 134–135) = Радз. 6532, л. 85; Лавр. 6544, л. 51 (стб. 150–151) = Ипат. 6542, л. 56 об. (стб. 138) = Радз. 6542, л. 86).

Ср. соображения И. А. Линниченко об отрицательном отношении киевлян к Ярославу [Линниченко 1884: 91–93].

³⁵⁶ О новгородско-скандинавских связях особо распространяться излишне. Напомню лишь тот факт, что согласно «Повести временных лет» до смерти Ярослава Новгород платил дань варягам (Лавр. 6390, л. 8 об. (стб. 24); Ипат. 6390, л. 10 (стб. 17); Радз. 6390, л. 11–11 об.).

³⁵⁷ Как отмечалось выше, Эймунд, вероятно, происходил из рода шведских конунгов. Тот факт, что один из подвигов Эймунда был описан его сподвижниками с опорой на повествование о гибели легендарного свейского конунга Агни, является еще одним подтверждением гипотезы об идентич-

Насколько правомочно предположение о том, что убийство русского князя было осмыслено в контексте легенды о древнем свейском конунге?

Контакты между древней Русью и Свеаландом (центральной Швецией) изучены достаточно подробно на археологическом материале³⁵⁸, по данным шведских рунических надписей³⁵⁹, на основе некоторых известий о династических связях правящих династий Руси и Швеции. Между тем вопрос о связях литературного свойства оказывается гораздо сложнее. Дело в том, что в период наиболее тесных контактов Руси со Свеаландом и там и там отсутствовала традиция письменной фиксации литературы или фольклора, а зарождение этой традиции было в обоих регионах неразрывно связано с христианизацией. Поэтому дохристианская скандинавская устная традиция, казалось бы, имела мало шансов быть отображенной в древнерусских письменных источниках.

Однако некоторые следы такого отображения все же удается обнаружить. Особенное значение для нас имеют скандинавские параллели к летописным рассказам о сватовстве отца Ярослава, Владимира Святославича, к его матери, полоцкой княжне Рогнеде, о покорении Владимиром Полоцка и о мести Рогнеды Владимиру.

ности Эймунда убийцы Бурислава и Эймунда Олавссона Старого. Такая аллюзия была бы особо уместна в устах наследника шведского трона. В убийстве Бурислава, согласно «Эймундовой пряди», участвовал и Гардакетиль, впоследствии служивший сыну Эймунда Ингвару.

³⁵⁸ Отметим в первую очередь несколько работ, в которых анализируется археологический материал с территории древней Руси, свидетельствующий о знакомстве со скандинавской мифологией: [Молчанов 1988; Мельникова 2001: 180–189; Петрухин, Пушкина 2004: 243].

³⁵⁹ См. [Мельникова 2001: 286–347].

Таблица 23

ПВЛ по Лавр.	Лаврентьевская летопись (6636 год)
<p>«В лѣт(о) ·6488·: Приде Володимиръ съ Варяги Нооугороду · и реч(е) посадникомъ Ярополчимъ · идѣте къ брату моему · и рцѣте ему · Володимиръ ти иде[тъ]³⁶⁰ на тя · пристра[и]ваися противу битися · и сѣде в Новѣгородѣ · и посла ко Рогѣволоду Полотъску гл(агол)я · хочю пояти тѣчерь твою собѣ женѣ · онъ же реч(е) тѣчери свои · хочеши ли за Володимера · оно же реч(е) · не хочю розути робичича · но Ярополка хочю · бѣ бо Рогѣволодь пришель и-заморя · имяше власть свою в Полотъскѣ · а Туры Туровѣ · от него же и Туровци прозваиася · и придоша отроци Володимерови · и повѣдаша ему всю рѣчь Рогѣнѣдину · и дѣчерь Рогѣволожою князя Полотъскаго · Володимиръ же собра вои многи · Варяги · и Словѣни · Чюдь и Кривичи · и поиде на Рогѣволода · в</p>	<p>«О сих же Всеславичих сиче есть яко сказаша вѣдущии преж(е) · яко Роговолоду держащю и владѣющю и княжашю Полотъскую землю · а Володимеру сущю Новѣгородѣ · дѣтску сущю · еще и погану · и бѣ оу него [оуи его] Добрына · воевода и храборъ и нарядень мужъ · и съ посла к Роговолоду · и проси оу него дщере [его] за Володимера · он же реч(е) дщери свои · хошеши ли за Володимера · она же реч(е) не хочю розути робичича · но Ярополка хочю · бѣ бо Роговолодь перешель изъ заморя · имѣяше волость свою Полтескѣ · слышавше же Володимиръ разгнѣвася о тои рѣчи оже реч(е) не хочю я за робичича · пожалиси Добрына и исполнися ярости · и поемше вои идоша на Полтескѣ · и побѣдиста Роговолода · Рогѣволодь же вѣѣже в городъ · и приступивѣше к городу и взяша городъ · и самого [кн(я)зя Роговолода] яша и жену его · и дщерь его · и Добрына поноси ему и дщери его · нарекъ ей робичича · и повелѣ Володимеру быти с нею · пред о(т)ц(е)мъ ея и м(а)т(е)рью · потом о(т)ца ея оуби · а саму поя женѣ · и нарекоша ей имя Горислава · и роди Изяслава · поя же пакы ины жены многы · и нача ей негодовати · нѣколи же ему пришедшу к ней · и оуснувшю · хотѣ и зарѣзати ножемъ · и ключиися ему оубудитися · и я ю за руку · она же реч(е) сжалиласи бяхъ · зане о(т)ца моего уби · и землю его полони мене дѣля · и се нынѣ не любиши мене и съ младенцемъ симъ · и повелѣ ею оустроитися во всю тварь ц(е)с(а)рьскую · якоже в д(е)нь посага ея · и сѣсти на постели свѣтлѣ · в хранинѣ да пришедъ потнеть ю · она же тако створи · и давши же мечъ сынови своему Изяславу в руку нагъ · и</p>

³⁶⁰ Текст в квадратных скобках здесь и ниже взят из Радз.

се же время [хотяху] Рогънѣды вести за Ярополка · и приде Володимерь на Полотескъ · и оуби Рогъволода · и с(ы)на его два · и дъчерь его поя женѣ · и поиде на Ярополка».	реч(е) яко внидеть ти о(те)ць рци выступя · о(т)че еда единъ мнишися ходя · Володимерь же реч(е) · а хто тя мнѣль сдѣ · и повергъ мечь свои · и созва боляры · и повѣда им · они же рекоша оуже не оубии ея дѣтати дѣля сего · но въздвигни отчину ея · и даи ей с сыном своимъ · Володимерь же оустрои городъ · и да има · и нареч(е) имя городу тому Изяславль · и оттолѣ мечь взимають · Роговоложи внуци · противу Ярославлим внуком».
Лавр. 6488, л. 23 об.–24 (стб. 75–76) ³⁶¹	Лавр. 6636, л. 99 об.–100 (стб. 299–301)

А. Стендер-Петерсен и Е. А. Рыдзевская обнаружили параллели к этой легенде в двух сюжетах из саг о норвежских конунгах. А. Стендер-Петерсен сопоставил историю Владимира и Рогнеды с рассказом «Круга Земного» об Олаве Трюггвасоне и Гудрун, дочери Железного Скегги [Стендер-Петерсен 1934: 230–233]. Е. А. Рыдзевская отметила сходство легенды о Рогнеде с сюжетом о Гудрёде и Асе в 48-й главе «Саги об Инглингах», завершающимся в первой главе следующей саги «Круга Земного» – «Саги о Хальвдане Черном» [Рыдзевская 1978: 209–210].³⁶²

Между тем к летописному сюжету о сватовстве князя Владимира к Рогнеде и о покорении им Полоцка в «Круге Земном» есть по крайней мере пять прямых параллелей, четыре из которых отражены в «Саге об Инглингах». При различии в конкретных деталях все они построены на *мести* женщины своему мужу или жениху за измену и / или за убийство родичей.

³⁶¹ Ср. Ипат. 6488, л. 30 (стб. 63–64); Радз. 6488, л. 42–42 об.; НовгІмл 6488, л. 42–42 об. (с. 125–126).

³⁶² О разнообразных параллелях к сюжету о Владимире и Рогнеде см. [Миллер 1897: 148–153; Шахматов 2003 (1908); Соколов 1923; Стендер-Петерсен 1934: 210–244; Рыдзевская 1978: 209–215; Литвина, Успенский 2006: 335–354].

Обе главы «Саги об Инглингах», в которых упоминается золотая гривна конунга Висбура (они уже цитировались мной выше), тоже содержат сходный сюжет. Так, в 14-й главе сыновья Висбура сжигают отца за то, что он бросил их мать (после чего она вернулась с сыновьями к своему отцу) и не отдал ей по праву принадлежащее ей вено. В 19-й главе конунг Агни хочет взять в жены Скьяльв, но она убивает Агни, мстя ему за гибель отца. Кроме того, похожий сюжет отражен в рассказе о родителях Висбура – Ванланди и Дриве – в 13-й главе «Саги об Инглингах», где конунг Ванланди бросил свою жену и был погублен за это при помощи колдовства (подробнее см. таблицу 24).

Примечательно, что среди всех этих сюжетов мотив выступления сыновей против отца, находящий себе параллель в эпизоде защиты Рогнеды малолетним Изяславом, мы встречаем в «Саге об Инглингах» только в главе о Висбуре.

Для удобства сравнения сопоставим данные эпизоды с летописными рассказами о Владимире и Рогнеде при помощи таблицы.

Таблица 24

	Yngl. s. 13–14	Yngl. s. 14	Yngl. s. 19	Yngl. s. 48, Hkr. Halfdan. 1	Лавр. 6488	Лавр. 6636
герои	Ванланди и Дрива	Висбур и дочь Ауди Богатого	Агни и Скьяльв	Гудрёд и Аса	Владимир и Рогнеда	
сва- тов- ство				послал сватов в Агдир	послал сватов в Полоцк	дядя жениха послал сватов в Полоцк
отказ				отец невесты отказал	невеста отказала	невеста отказала

победа			победил конунга Страны Финнов, который погиб	победил отца невесты, который погиб вместе со своим сыном	убил отца невесты и двух ее братьев	победили отца невесты (потом его убил дядя жениха)
взятие города				захватил усадьбу отца невесты	захватил город	захватили город
захват			захватил дочь побежденного	захватил невесту	захватил невесту	захватили невесту и ее родителей
свадьба	был в Стране Финнов и женился	женился и дал вено	собирался жениться на ней	женился	женился	жених изнасиловал невесту и женился на ней
измена	уехал, обещав вернуться, и не вернулся	бросил, женился на другой, не отдал вено				взял себе еще многих жен
наличие детей	сын – отправлен матерью в Швецию к отцу	два сына (12 и 13 лет в момент мести) – уехали с матерью к ее отцу		сын (в момент мести ему исполнился год)		сын

мечь	мужа по указанию жены погубила колдунья-мара	сыновья сожгли отца в его доме	невеста и ее люди убили жениха	мужа убил слуга жены по ее указанию	(1) жена хотела зарезать мужа ночью, но он проснулся; (2) сын не дал отцу отомстить матери за это
эпиллог	сын стал конунгом после отца	править страной стал другой сын конунга	невеста уехала	вдова уехала с сыном в Агдир и стала там править	жена с сыном получили в вотчину Полоцк и уехали туда

Такая концентрация различных вариаций одного и того же сюжета в одном сравнительно небольшом тексте вряд ли может быть случайной.

Можно предположить, что и при Владимире, и при Ярославе для описания важных политических событий использовались одни и те же модели. Как выясняется, одним из продуктивных приемов построения повествования для окружения этих князей было введение аллюзий на легенды о древних свейских конунгах. Очевидно, что связь с традициями рода Инглингов была для этих князей особенно актуальна. Для того чтобы продемонстрировать ее, Владимир, Ярослав и их окружение, как можно полагать, осмыслили свои действия в парадигме легенд о древних свейских конунгах.³⁶³

³⁶³ Существует мнение о позднем возникновении в древнерусских текстах развернутого повествования о сватовстве Владимира, покорении Полоцка и мести Рогнеды. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский считают, что при описании этих событий летописец, возможно, использовал «некоторый стереотипизированный способ построения сюжета о мести женщины», широко известный в скандинавской традиции. Исследователи приходят к выводу о возможно существовавшем «единстве скандинаво-русского культурного пространства в конце 20-х гг. XII в.» [Литвина, Успенский 2006: 341]. Однако это вполне убедительное предположение не опровергает возможность

Нельзя исключать и того, что сведения, которые легли в основу летописного рассказа о противостоянии Ярослава с Владимиром³⁶⁴, а также реконструируемая Варяжская легенда об убийстве любимого сына Владимира по образу убийства Агни были ранее частями устного повествования о несправедливости Владимира по отношению к Рогнеде и ее родне. Предположение о единстве этих сюжетов основано на том, что образцами и для одного и для другого служили древние скандинавские легенды.

Обратимся теперь к обстоятельствам гибели Бориса Владимировича.

Согласно летописи, Борис был убит по приказу Святополка, а в «Эймундовой пряди» сообщается, что его убили наемники Ярислейва – Ярослава. Если Варяжская легенда об убийстве Бориса возникла в окружении Ярослава, то следует признать более вероятным, что и само убийство Бориса было совершено сторонниками Ярослава.

Отметим, что для описываемого времени борьба за власть между ближайшими родственниками была обычным событием. Сам Ярослав, как известно, до смерти Владимира готовился к вооруженной борьбе с отцом.³⁶⁵

существования раннего устного предания о Владимире и Рогнеде (построенного, как и Варяжская легенда об убийстве Бориса, на обыгрывании сюжетов древних скандинавских легенд), которое было зафиксировано письменно только через много лет после своего возникновения.

³⁶⁴ Лавр. 6522–6523, л. 44 об. (стб. 130); Ипат. 6522–6523, л. 48 об. (стб. 115); Радз. 6522–6523, л. 73; НовгІмл 6522–6523, л. 74 об. (с. 168).

³⁶⁵ Летописец неоднократно сообщает о жесткости Ярослава. В 1015 году по его приказанию были перебиты знатные новгородцы, а еще через несколько лет – его двоюродный дядя, новгородский посадник Коснятин Добрынич (СофІ 6527, л. 148 об. (стб. 172); НовгІV 6528, л. 61 (с. 110); НовгКарамз. 6528, л. 248 (с. 62)). Как отметил А. А. Горский, «рассказывая о деяниях Ярослава, летописец не делает попытки затушевать очевидное вероломство князя, т. е. явно воспринимает его действия как нормальные» [Горский 2001: 99].

Давно отмечено, что один из старших внуков Ярослава получил имя *Святополк*. М. Х. Алешковский предположил, что «если в 1050 г. Святополком <...> назван внук еще живущего Ярослава, то это значит, что сам Святополк официально не признан убийцей Бориса и Глеба и имя его не стало одиозным, а канонизации Бориса и Глеба, а вместе с ней и официального проклятия Святополка еще не было в 1050 г.» [Алешковский 1971: 86].³⁶⁶

Как было показано выше, рассказ об убийстве Бориса, Глеба и Святослава был вставлен в летопись примерно в 1070-е годы, что может служить доводом в пользу мнения М. Х. Алешковского.

Однако в случае признания версии о том, что Борис был убит сторонниками Ярослава, следует ответить на несколько вопросов.

Во-первых, важный вопрос ставит А. В. Назаренко: «Если почитание святых братьев-княжичей началось уже при Ярославе, то как последнему удалось ввести в массовое заблуждение своих современников, многие из которых еще прекрасно помнили события 1015 г.?» [Назаренко 1999: 324]. Между тем уже Н. Н. Ильин отмечал, что убийство Бориса, очевидно, было тайным. По его мнению, оно могло произойти непосредственно перед бегством Ярослава в Новгород, когда на Киев наступали войска Болеслава [Ильин 1957: 168]. Ярослав, очевидно, скрывал то, что был замешан в убийстве брата.

³⁶⁶ Имя Святополку Изяславичу, вероятно, давал сал Ярослав. (Другой внук Ярослава – Владимир Мономах – в своем «Поучении» сообщает: «Азь худьи дѣдомъ своимъ Ярославом · бл(а)г(о)с(ло)вл(е)нымъ славнымъ нареч(е)нѣмъ въ кр(е)щ(е)нии · Василии · Русьскимъ именемъ Володимиръ» (Лавр. 6604, л. 78 (стб. 240)).)

Отметим между тем, что, как показали А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, в роду Рюриковичей использование имен дядьев и других не прямых предков могло иметь целью «перенесение на своих прямых потомков всех родовых функций» этих предков [Литвина, Успенский 2006: 24], то есть имяна-речение Святополка Изяславича могло отражать желание Ярослава передать своему роду все властные полномочия покойного Святополка. Возможно, что именно поэтому проклятие Святополка могло в первые века почитания Бориса и Глеба не распространяться на его имя.

Скрывать это, учитывая, что об обстоятельствах убийства мог быть осведомлен только узкий круг его приближенных³⁶⁷, было несложно. Отметим также, что о вине Святополка в убиении Бориса и Глеба говорят лишь те источники, которые создавались на Руси при жизни прямых потомков Ярослава и поэтому, очевидно, не могли содержать обвинения отца и деда почти всех живых Рюриковичей в братоубийстве.³⁶⁸

Во-вторых, А. В. Назаренко поставил вопрос о том, откуда в «Повесть временных лет» попал список имен убийц Бориса, если в действительности он был убит Эймундом и его отрядом.³⁶⁹ Мне представляется, что сведения об именах убийц имеют позднее происхождение. Дело в том, что еще А. Л. Никитин отметил «удивительные совпадения, касающиеся отражения деятельности Святополка Изяславича в ПВЛ и Святополка Владимировича в “Сказании...”». Так оказывается, что князя Василька (теревовльского) слепил ножом “торчин, именовъ Береньдеи, овчюхъ Святополчь” [Ип., 235]³⁷⁰, сразу заставляющий вспомнить другого “торчина”, повара Глеба, который его “зареза, аки агня” (вариант: “аки овчю”). Воеводой

³⁶⁷ Это были в первую очередь скандинавские наемники, бóльшая часть которых могла покинуть Русь вскоре после перехода Эймунда на службу к Брячиславу Изяславичу.

³⁶⁸ Ср. [Поппэ 2003: 315–316].

С середины XI века единственными Рюриковичами, которые не были потомками Ярослава, являлись полоцкие князья – потомки Изяслава Владимира, старшего брата Ярослава.

Жития святого Вацлава утверждают, что прославление чешского святого князя началось еще его убийцей – Болеславом. На этом основании принято не сомневаться в теоретической возможности покаяния Ярослава. Между тем этот довод следует признать незначимым, так как лишь агиографические тексты приписывают прославление Вацлава Болеславу.

³⁶⁹ Устное выступление А. В. Назаренко 29 января 2008 года на обсуждении рукописи данной книги в Институте славяноведения РАН.

³⁷⁰ Ипат. 6605, л. 89 об. (стб. 235). – С. М.

Святополка Изяславича в ПВЛ неоднократно назван киевский тысяцкий Путята, чей двор по смерти Святополка был подвергнут погрому и разорению (“кияни же разьграбиша дворъ Путятинъ, тысячьского, идоша на жида и разграбиша я” [Ип., 275]³⁷¹) и чье имя естественно ассоциируется с именем предводителя вышгородских убийц Бориса – “Путьша”» [Никитин 2001: 285]. Нельзя исключать того, что летописец, критически относившийся к Святополку Изяславичу, вставил в летопись имена убийц Бориса и Глеба.

В-третьих, неясно, почему потомками Ярослава Борис все же был канонизирован, если виновником его гибели был сам Ярослав. Для ответа на этот вопрос следует обратиться к специфике зарождения борисо-глебского культа. Как показал М. Х. Алешковский, культ святых братьев возник из их местного почитания как целителей и лишь впоследствии был воспринят не только там, где княжили, погибли или были похоронены Борис и Глеб, но и по всей Руси и стал культом святых воинов, покровителей рода Рюриковичей [Алешковский 1972]. Кроме того, следует напомнить, что имена *Борис* и *Глеб* (а также *Роман* и *Давыд*) князя стали давать своим детям лишь с середины XI века. У сыновей Ярослава мы этих имен не находим. Это, возможно, еще раз свидетельствует о том, что почитание святых братьев началось не в княжеской среде. Таким образом, Ярослав, на мой взгляд, не был инициатором почитания Бориса и Глеба; на раннем этапе этот культ развивался стихийно. Толчком к более широкому признанию святости Бориса и Глеба, вероятно, послужили слухи о чудесах, происходивших над могилами братьев; сыновья Ярослава были вынуждены считаться с этим уже укоренившимся культом.³⁷² В летопись легенды о гибели Бориса и Глеба проникли лишь в 1070-е годы.

³⁷¹ Ипат. 6621, л. 102 об. (стб. 275). – С. М.

³⁷² Ср. [Хорошев 1986: 32].

Ф. Б. Успенский обратил мое внимание на то, что одной из самых активных в почитании Бориса и Глеба ветвей Рюриковичей были потомки Изяслава полоцкого. Так, среди детей Всеслава Брючиславича были Борис, Глеб,

Если в рассказе об убийстве Бурислава мы имеем описание убийства Бориса Владимировича, то следует признать наличие еще одного противоречия древнерусских источников со скандинавскими. Согласно летописи, Борис был убит через девять дней после смерти Владимира Святославича. Между тем «Эймундова прядь» описывает убийство Бориса в *завершающей части* рассказа о службе Эймунда Ярославу.

А. В. Назаренко утверждает, что Борис и Глеб «погибли, в любом случае, раньше “сечи у Любца”, которая состоялась поздней осенью или в начале зимы» 1016 года [Назаренко 2001: 455], но никак не аргументирует это заключение. Отмеченная выше достоверность относительной хронологии рассказа о подвигах Эймунда на Руси в «Эймундовой пряди», выявленная выше вторичность повести о Борисе и Глебе в составе летописи и ее тенденциозность убеждают в недостоверности и самой датировки гибели Бориса 1015 годом и заставляют поставить под сомнение точку зрения А. В. Назаренко.

Если верить относительной хронологии событий на Руси в «Эймундовой пряди», то гибель Бориса следует датировать примерно третьим годом службы Эймунда Ярославу. Перед убийством Бориса в «Эймундовой пряди» описаны битва под Любечем 1016 года и нападение бярмов на столицу Руси (возможно – нападение печенегов на Киев в 1017 году). После убийства в пряди рассказывается о противостоянии Ярослава и Брячислава. Таким образом, совершенно очевидно, что Борис был убит после Любечского сражения 1016 года, но до начала борьбы Ярослава с Брячиславом. Попытки ответить на вопрос, когда конкретно погиб Борис, могут носить исключительно характер догадок.³⁷³

Роман и Давыд. Возможно, что первыми из князей, способствовавших канонизации Бориса и Глеба, были именно представители полоцкой ветви Рюриковичей. Ср. [Поппэ 2003: 322–323].

³⁷³ См., например: [Ильин 1957: 163, 168–169; Головкин 1988: 25].

Остается выяснить причины, по которым летописец датировал убийство Бориса именно 6523 годом. Вероятно, это объясняется тем, что автору агиографической легенды надо было избежать описания участия Бориса в междоусобице.

Трансформация главных мотивов Варяжской легенды

В ходе бытования Варяжской легенды в обеих традициях исчезли или были сильно трансформированы различные мотивы, сходные с сюжетом легенды о гибели Агни. Эти изменения говорят о том, что те, кто записывали древнерусскую и скандинавскую версии легенды об убийстве Бориса, и / или их предшественники уже не знали истории гибели Агни или просто не соотносили с этим повествованием описываемые ими события древнерусской истории.

Механизм отмеченных трансформаций требует подробного разбора.

Как известно из исследований фольклора, сказители, передающие произведения (не только прозаические, но и поэтические организованные), всегда исходят из некоего общего ядра транслируемой легенды. В момент исполнения сказитель добавляет к этому ядру подходящие сюжетные и формульные детали (используя в том числе так называемые «бродячие сюжеты»).

История каждый раз рассказывается по-разному даже одним и тем же исполнителем. Характер различий зависит не только от случайных факторов, но и от обстановки, в которой происходит исполнение, от внимающей легенде аудитории. Со временем ядро сказания всегда подвергается медленной трансформации под воздействием тех «украшений», которыми обрамляли ее конкретные рассказчики, так как их ученики могли принимать эти «украшения» за часть ядра (и наоборот). Между тем эти изменения не могли носить кардинальный характер. При наличии давно разошедшихся версий одного сказания исследователь имеет возможность относительно точно определить его ядро.

Значительную трансформацию устные легенды претерпевают в инокультурных условиях. Как отметила Е. А. Мельникова, рассмотревшая изменения сюжета о гибели героя от коня в древнерусской и скандинавской традициях, «мотивы, наиболее тесно связанные с древнескандинавской мифологией и культовой практикой <...> [с]лавянизация первоначально скандинавской дружины сделала <...> непонятными, и установить их изначальное присутствие в сказании возможно только при сопоставлении со скандинавским вариантом того же сюжета» [Мельникова 2007: 123–124].³⁷⁴

Рассматривая набор мотивов в дошедшем до нас тексте «Эймундовой пряди», нельзя не отметить одну важную особенность. В пряди имеется много так называемых «бродячих сюжетов». Это было показано Р. Куком, который сопоставил сюжеты большинства эпизодов «Эймундовой пряди» с материалом широкого круга литературных памятников средневековой Европы [Кук 1986: 72–84].

В частности Р. Кук привлек к сопоставлению с одним из эпизодов пряди рассказ об убийстве Асмунда (племянника датского короля Свейна Астридссона) в «Саге о Харальде Суровом» «Круга Земного». Согласно саге, Асмунд поссорился с дядей и стал разорять страну.

«А те люди, которые страдали от этих бесчинств, пришли к конунгу и жаловались на причиненный им ущерб. Он отвечает:

– Почему вы говорите об этом мне? Почему не идете к Хакону сыну Ивара? Он ведь мною назначен защитником страны и должен поэтому охранять бондов и защищать их от викингов. Мне говорили, что Хакон смелый и мужественный человек, но теперь, думается мне, он старается избежать всего, что кажется ему опасным.

Эти слова конунга передали Хакону, многое прибавив. Тогда Хакон отплыл со своим войском на поиски Асмунда. Их корабли встретились. Хакон тотчас вступил в бой. И был это

³⁷⁴ Ср. также [Мельникова 2000: 166; Мельникова 2003: 361].

жестокий и жаркий бой. Хакон взошел на корабль Асмунда и очистил его от бойцов. И так вышло, что они вступили с Асмундом в рукопашный бой, нанося друг другу удары. Тут пал Асмунд. Хакон отрубил ему голову. Затем Хакон поспешил к Свейну конунгу и прибыл к нему в то время, когда конунг сидел за столом. Хакон подошел к столу, положил голову Асмунда перед конунгом и спросил, узнает ли он ее. Конунг не отвечал, но густо покраснел. Затем Хакон удалился. Немного погодя конунг послал к нему своих людей и отпустил его прочь» (Hkr. NarSig 49 (bd. 3, s. 143–145), перевод А. Я. Гуревича).

Р. Кук отметил, что этот сюжет близок «Эймундовой пряди» тем, что в обоих текстах говорится об отсечении головы жертвы и о принесении этой головы противнику убитого, краснеющему при виде этой головы, а также тем, что и там и там противником убитого является его близкий родственник, а непосредственным убийцей – иноземный наемник [Кук 1986: 74].

Действительно, в «Эймундовой пряди» читаем:

«И идет [Эймунд] к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурислава. “Теперь посмотрите на голову, господин, – узнаете ли ее?” Конунг краснеет, увидя голову» (Eym., s. 374 (s. 129)).

Отметим также, что описания убийств Бурислава и Асмунда сходны и тем, как происходит отправка убийц. Ярослав, как и Свейн Астридссон, не отдает прямого приказа убить своего родственника:

«Эймунд сказал: <...> Но как же быть, господин, если мы доберемся до конунга (Бурислава – С. М.), – убить его или нет? Ведь никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы”. Конунг (Ярислейв – С. М.) отвечает: “Не стану я побуждать людей к бою с Буриславом конунгом ни винить, если он будет убит”» (Eym., s. 373 (s. 127)).

Кроме того, рассказы об убийствах Бурислава и Асмунда обнаруживают сходство в том, что оба убийцы после описанных событий вынуждены расстаться со своими патронами.

Источники не дают нам полных оснований утверждать, что автор «Эймундовой пряди» сознательно проводил параллель между убийствами Бурислава и Асмунда, однако наличие некоторой связи между этими текстами несомненно. Возможно, детали сюжета были позаимствованы авторами «Эймундовой пряди» из рассказов о Свейне Астридссоне.

Проанализировав многочисленные подробные параллели к сюжетам пряди, Р. Кук выдвинул предположение, что «Эймундова прядь» в ходе своего развития подверглась влиянию со стороны традиции так называемых анекдотов о военных хитростях. К таким военным хитростям в пряди Р. Кук отнес особенности защиты осажденного Буриславом города [Кук 1986: 78–82] и подвешивание жертвы на дереве [Кук 1986: 82–84]. «Теперь встает следующий вопрос: произошли эти изменения в сторону традиционных анекдотов [о военных хитростях – С. М.] где-то вне *Eymundar þátttr*, а затем были заимствованы для включения в это повествование или они произошли непосредственно в нем? Ответить на этот вопрос с полной уверенностью, безусловно, невозможно, однако то, что эти версии сюжетов, насколько нам известно, уникальны, и то, что в одной и той же повести обнаруживаются две таких трансформации и обе они имеют один и тот же характер, свидетельствует в пользу того, что эти изменения впервые произошли в *Eymundar þátttr*. Если это так, то мы располагаем свидетельством серьезного преобразования при создании пряди, в ходе которого эти два рассказа или мотива были трансформированы в военные стратагемы. Это преобразование имело своей почти исключительной целью построение повествования вокруг одной темы – роли хорошего и умного военачальника на службе у правителя», – заключает Р. Кук [1986: 84–85].

Насыщенность «Эймундовой пряди» бродячими сюжетами, по мнению Р. Кука, сближает прядь с кругом «варяжских легенд», о

которых писал А. Стендер-Петерсен³⁷⁵ [Кук 1986: 76–86]. Вероятно, рассказы о приключениях Эймунда на Руси в ходе своего устного бытования подверглись литературной обработке в традициях «варяжских легенд».

Итак, содержание будущей «Эймундовой пряди» в скандинавской традиции претерпело неизбежные изменения под влиянием новых аналогий, введившихся сказителями в качестве «украшений» рассказа о подвигах Эймунда. Серьезным изменениям подвергся и мотив повешения, первоначально игравший важную роль в рассказе об убийстве Бориса. Выше мной было выдвинуто предположение, что в первоначальном повествовании об убийстве Бориса способом

³⁷⁵ Согласно теории А. Стендер-Петерсена, подробно изучившего вопрос об отражении в летописи легенд скандинавского происхождения, источниками значительной части рассказов «Повести временных лет» о событиях IX – начала XI века были сведения, полученные летописцами от древнерусских дружинников скандинавского происхождения [Стендер-Петерсен 1934: 34–35, 39–40]. По мнению исследователя, память о первых правителях Руси сохранялась в виде прядей среди княжеской дружины [Стендер-Петерсен 1934: 248]. А. Стендер-Петерсен и его последователи (среди которых была советский скандинавист Е. А. Рыдзевская) обратили внимание на большое количество параллелей сюжетам данных прядей в восточносредиземноморской литературной традиции и заключили на этом основании, что большая часть древнерусских «варяжских» легенд подверглась влиянию фольклора, бытовавшего в Византии. Они считали, что византийские легенды (точнее – события ранней истории Руси, осмысленные дружинниками-варягами под воздействием таких легенд), среди которых наиболее значительную часть составляли так называемые анекдоты о военных хитростях, независимым образом находили отражение в древнерусских текстах и в исландских сагах [Стендер-Петерсен 1934: 40–41, 246–248; Рыдзевская 1978: 201, 209].

Отметим, что еще О. И. Сенковский считал одним из основных источников летописи бытовавшие на Руси варяжские саги [Сенковский 1834а: 28–31]. Развивая и уточняя это наблюдение, М. П. Погодин писал, что «преувеличенные их (варягов – С. М.) рассказы, сохранявшиеся в предании, в песнях, в Сагах, или полученные Нестором изустно, употреблены были им в сочинении Летописи, и при распространении прежних записок» [Погодин 1846: 175].

его умерщвления было повешение на дереве на золотой гривне. Затем в древнерусском варианте был утрачен мотив большого дерева, используемого для подвешивания князя или его шатра, а золотая гривна стала атрибутом не Бориса, а его слуги Георгия. В скандинавском же варианте был серьезно трансформирован мотив золотой гривны князя, которая превратилась в золотой шар на шатре Бурислава. В отличие от древнерусской версии, где был полностью утрачен мотив повешения, в «Эймундовой пряди» мы, наоборот, находим очень подробное описание того, как люди Эймунда забросили в лес шатер Бурислава, сначала привязав веревку к золотому шатру на верху шатра и к ветвям дерева и согнув это дерево, а затем резко отпустив его.

Как отметил Р. Кук, этот рассказ, возможно, испытал влияние одного из «бродячих сюжетов» византийско-древнерусско-скандинавского круга. Исследователь сближал повествование «Эймундовой пряди» с описанием убийства Видгрипа в «Саге об Одде Стреле» (Ogvar-Odds s., cap. 41 (s. 174–176)), где также рассказывается (1) о коварном приходе героя в лагерь жертвы и выведывании им того, где находится жертва, (2) о странных манипуляциях с шатром, (3) об обезглавливании жертвы и уносе ее головы [Кук 1986: 84 (п. 91)].

В древнерусской традиции, потерявшей связь со скандинавским контекстом, процесс трансформации ядра повествования, вероятно, шел быстрее, чем в исландской.

Причиной того, что в дошедших до нас летописных текстах золотая гривна оказывается на шее слуги Бориса – Георгия, возможно, стало желание составителя агиографической легенды о гибели Бориса ввести свой рассказ в новый контекст. В Библии есть несколько примеров возложения правителем золотой цепи на своего слугу в знак отличия:

«И снял фараон перстень свой с руки своей и надел его на руку Иосифа; одел его в виссонные одежды, возложил золотую цепь на шею ему (περίεθηκεν κλοιὸν χρυσοῦν περὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ)» (Быт 41: 42).

«Сильно закричал царь, чтобы привели обаятелей, Халдеев и гадателей. Царь начал говорить, и сказал мудрецам Вавилонским: кто прочитает это написанное и объяснит мне значение его, тот будет облечен в багряницу, и золотая цепь будет на шее у него (*μαχάκην χρυσοῦν περιθήσει αὐτῷ*), и третьим властелином будет в царстве» (Дан 5: 7; ср. также Дан 5: 16, 29).

Таким образом, в рассказ о гибели Бориса после потери памяти прежнего контекста – скандинавской легенды об убийстве Агни – и, соответственно, после утраты мотивом повешения на гривне статуса части *канвы* повествования была введена аллюзия на Библию.

Также возможно, что появление Георгия в рассказе об убиении Бориса связано с влиянием агиографических произведений, в которых рассказывалось о мученической гибели чешского князя Вячеслава. Н. Н. Ильин отметил, что «[в] преданиях о Вячеславе, равно как и в повествовании об убийстве Бориса и Глеба, находим <...> избие-ние и ограбление приближенных князя» [Ильин 1957: 53].

Таким образом, после потери связи с сюжетом легенды о гибели Агни рассказ об убийстве Бориса и в древнерусской, и в скандинавской среде обрастал новыми деталями, заимствованными из того сюжетного фонда, который был близок сказителям, транслировавшим Варяжскую легенду, или книжникам, ее записавшим и переписывавшим.

Когда же возникла Варяжская легенда об убийстве Бориса?

Отражение аллюзии в древнерусских источниках, составители которых не могли быть знакомы с письменными исландскими сагами, говорит об очень раннем времени ее создания. Этот вывод подтверждается значительностью трансформации первоначального рассказа в обеих традициях.

Доказательством раннего времени возникновения Варяжской легенды также служит то, что исландская традиция, как уже отмечалось выше, очень нетвердо знала о судьбе Эймунда на Руси. Повидимому, те исландцы, которые принесли домой рассказы о подвигах Эймунда, покинули Русь вскоре после перехода Эймунда на службу к Брячиславу Изяславичу.

Вероятность того, что Варяжская легенда сложилась в те годы, когда варяги Эймунда служили уже не Ярославу, а Брячиславу, очень мала. В таком случае авторы возникшей в Южной Руси примерно в 1070-е годы агиографической легенды о Борисе и Глебе вряд ли могли бы использовать Варяжскую легенду в своей работе.

Выводы

Итак, проделанное исследование склоняет нас к выводу о том, что в разгаре междоусобной войны сыновей Владимира Святославича варяги, служившие наемниками при Ярославе, тайно убили Бориса.

В варяжском кругу, близком к Ярославу, вскоре после убийства возник первый устный рассказ об этом событии. Он, судя по всему, был построен по модели древней легенды о гибели свейского конунга Агни, повешенного на дереве на золотой гривне.

В ходе бытования повествования о смерти Бориса в устах рассказчиков, не понимавших аллюзии, на которой была построена Варяжская легенда, важные мотивы древней повести терялись и видоизменялись. Обстоятельства смерти Бориса переосмыслились под влиянием других параллелей. На Руси были привлечены в первую очередь христианские источники, а в Скандинавии – местные сюжеты.

Ярослав, очевидно, скрывал то, что был замешан в убийстве брата. Однако независимо от Ярослава на Руси зародился культ Бориса и Глеба как святых мучеников и целителей. Для утверждения почитания братьев было необходимо описать в том числе и гибель Бориса. В ходе создания этого рассказа всплыли отголоски Варяжской легенды об убийстве Бориса. Убийцей был назван Святополк – один из погибших и не оставивших потомства участников войны за Владимирово наследство, а датировано убийство было 1015 годом, чтобы избежать описания участия Бориса в междоусобице.

Выдвинутая мной гипотеза объясняет не только сходство, обнаруживающееся между древнерусской легендой о гибели Бориса и

рассказом о смерти Бурислава, но и то, почему эти повествования отличаются друг от друга. Других версий, способных объяснить все эти особенности, до сих пор не предлагалось.

Схема реконструированной в этом разделе истории текстов должна выглядеть так.

Схема 7

3.3. Проблема идентификации Бурислава «Эймундовой пряди» в эпизодах его борьбы с Ярославом

Основной противник Ярослава в «Эймундовой пряди» и в древнерусских летописях называется по-разному. В летописях это Святополк, а в «Эймундовой пряди» – Бурислав.

Как было показано выше, в эпизоде убийства Бурислава в «Эймундовой пряди» под Буриславом подразумевается Борис Владимирович. Кроме того, имя *Бурислав*, вероятно, происходит от имени *Борисъ*.³⁷⁶

³⁷⁶ То, что под Буриславом пряди может подразумеваться Борис, ставит под сомнение А. А. Шайкин. Он отмечает, что в «Эймундовой пряди» Бурислав назван старшим сыном Валльдамара, что больше подходит к Святополку (старшему княжичу на момент смерти Владимира), нежели к Борису [Шайкин 2003: 364].

Кроме того, как отмечает А. А. Шайкин, в «Эймундовой пряди» Эймунду приписана следующая речь: «Не так жаль ему (Буриславу – С. М.) было оставить знамя, как жизнь, и думаю я, что он опасен и был в Тюрклянде зимой, и намерен еще идти войной на вас (Ярислейва – С. М.), и у него с собой войско, которое не станет бежать, и это – тюрки и блокумен, и многие другие злые народы. И слышал я, что похоже на то, что он отступится от христианства (*gangi af kristninne*), и собирается он поделить страну между этими злыми народами, если ему удастся отнять у вас Гардарики. А если будет так, как он задумал, то скорее всего можно ждать, что он с позором выгонит из страны всех ваших родичей» (Еум., s. 373 (s. 126)).

А. А. Шайкин считает, что сведения о вероотступничестве подтверждают версию о том, что образ Бурислава отражает именно Святополка, так как, «учитывая, во-первых, его печенежские связи (несколько лет жизни у кочевников), во-вторых, брак с дочерью князя “латинской” веры и близость к католическому священнику (Рейнберну, арестованному Владимиром вместе со Святополком), можно признать небезосновательными соображения о возможном отступничестве от православной веры» [Шайкин 2003: 365]. Между тем во всей своей статье А. А. Шайкин на каждом шагу отмечает крайнюю недостоверность «Эймундовой пряди», поэтому удивительно его доверие к двум отмеченным сообщениям. Еще неожиданнее выглядит мнение А. А. Шайкина о том, что близость к христианскому священнику

В данном разделе будет рассмотрен вопрос о том, почему антагонист Ярослава назван в скандинавских текстах *Буриславом* не только в описании его убийства.

Разберем сначала эпизод второго столкновения Ярослава с Буриславом. В «Эймундовой пряди» после описания битвы на реке, которая по летописи известна как битва под Любечем 1016 года, находим рассказ о нападении Бурислава с бьярмами на столицу Руси³⁷⁷, где находился Ярослав (Eym., s. 372 (s. 124–126)).

А. И. Лященко [1926: 1077–1078] предположил, что нападение бьярмов в «Эймундовой пряди» соответствует нападению печенегов на Киев, известному из «Хроники» Титмара Мерзебургского. Повестью о походе Болеслава на Русь в 1018 году, Титмар сообщает:

«На город Киев, чрезвычайно укрепленный, по наущению Болеславу часто нападали враждебные печенеги, пострадал он и от сильного пожара. Хотя жители и защищали его, однако он быстро был сдан иноземному войску: оставленный своим обратившимся в бегство королем, [Киев] 14 августа принял Болеслава и своего долго отсутствовавшего сениора Святополка, благорасположение к которому, а также страх перед нами обратили [к покорности] весь тот край. В соборе святой Софии, который в предыдущем году по несчастному случаю сгорел, прибывших с почестями, с мощами святых и прочим

немецкого происхождения может являться отступлением от христианства в глазах средневековых скандинавов.

Процитированный выше фрагмент «Эймундовой пряди» о вероотступничестве Бурислава, судя по всему, не является отражением действительности. Этими словами рассказчик пряди, вероятно, хотел дать отрицательную характеристику антагонисту своего главного героя.

³⁷⁷ Как уже отмечалось выше, в «Эймундовой пряди» столицей Руси в большинстве случаев считается Хольмгард (Новгород), который был лучше известен скандинавам, нежели Киев.

всевозможным благолепием встретил архиепископ этого города» (Thietmar VIII, 32, fol. 192–192' (S. 530)).³⁷⁸

Н. Н. Ильин согласился с отождествлением нападения бьярмов с набегами печенегов, упоминаемыми Титмаром. По его мнению, летописи под 1017 годом сообщают о том же событии [Ильин 1957: 121–122]. Дело в том, что в летописях Новгородско-Софийской группы мы находим сведения о нападении печенегов на Киев в 1017 году:

«В лѣт(о) 6525. Приидоша печенѣзи къ Киеву, и сѣкошася у Києва, и едва къ вечеру одолѣ Ярославъ печенѣгы, о отбѣгоша посрамлени. И заложы Ярославъ градъ великыи Києвъ, и златая врата постави, и ц(е)рк(о)вь С(вя)тую Софии заложы» (СофІ 6525, л. 110 (стб. 129)).³⁷⁹

Мнение о том, что Титмар и летописи Новгородско-Софийской группы рассказывают об одном и том же событии, поддержал А. В. Назаренко [2001: 472–475], подробно разобравший проблемы датировки печенежского набега, пожара Софии Киевской и захвата Ярославом города. По его убеждению, все эти события произошли летом–осенью 1017 года [Назаренко 2001: 475].

³⁷⁸ «Urbs autem Kitava nimis valida ab hostibus Pedeneis ortatu Bolizlavi crebra impugnatione concutitur et incendio gravi minoratur. Defensa est autem ab suis habitatoribus, sed celeriter patuit extraneis viribus; namque a rege suo in fugam verso relicta XVIII. Kal. Sept. Bolizlavum et, quem diu amiserat, Zentepulcum seniore suum, cuius gratia et nostrorum timore omnis hec regio conversa est, suscepit. Archiepiscopus civitatis illius cum reliquiis sanctorum et ceteris ornatibus diversis hos advenientes honoravit in sancte monasterio Sofhiae, quod in priori anno miserabiliter casu accidente combustum est».

³⁷⁹ Ср. НовгIV 6525, л. 58 об. (с. 108); НовгКарамз. 6525, л. 246 об. (с. 61). В Лавр., Ипат., Радз. и НовгI сведений о нападении печенегов под этим годом нет. Возможно, данное сообщение случайным образом выпало из Начальной летописи. См. [Шахматов 1908: 228–230 (§ 172); Назаренко 2001: 475; Гиппиус 2002: 98–99].

А. Б. Головкин поддержал и развил идеи А. И. Лященко и Н. Н. Ильина. Он обратил внимание на то, что (1) в летописи говорится о походе Бориса на печенегов, но нет сведений о столкновении между ними, (2) «из “Саги об Эймунде” известно, что где-то на рубеже 1016–1017 г. новый киевский князь вступил в союз с “бьярмицами” (печенегами)» [Головкин 1988: 25], (3) набег печенегов на Киев произошел в 1017 году, (4) в составе войска Бурислава в пряди упоминаются «тюрки» («*tyrkir*»), то есть «тюркские племена Северного Причерноморья» [Головкин 1988: 25]. Из всего этого исследователь сделал вывод, что на рубеже 1016–1017 годов Борис вступил в союз с печенегами [Головкин 1988: 25]. «Видимо, Болеслав Храбрый рассчитывал на поддержку одного из главных претендентов на киевский стол. Союзнические отношения князя Бориса с кочевниками сложились в тот момент, когда этот князь утратил власть в Киеве и местом его обитания стали земли, пограничные со степью, вероятнее всего, Переяславская волость Ростовского наместничества-княжества. Поддержка киевской верхушкой сначала Бориса, а затем Святополка свидетельствует о том, что эти союзники Болеслава на Руси не вели в 1015–1017 гг. борьбу друг с другом³⁸⁰», – отмечает А. Б. Головкин [1988: 25].

В «Хронике» Титмара говорится, что печенеги напали на Киев «по наущению Болеславу», что свидетельствует о союзнических отношениях между польским князем и степняками. Между тем для нас принципиально важно, что тесные связи с печенегами, и с более раннего времени, чем то, на которое указал А. Б. Головкин, безусловно, имел и один из сыновей Владимира. Как сообщается в письме архиепископа Бруно Кверфуртского императору Генриху II, датированном 1008 годом, в результате миссии к печенегам Бруно удалось добиться заключения мира между Русью и степняками,

³⁸⁰ *Thietmari Chronicon*. – L. 8, 32; ПВЛ. – Ч. 1. – С. 90–96. (Прим. А. Б. Головкин. – С. М.)

скрепляя который, Владимир отправил заложником к печенегам своего сына³⁸¹.

Итак, можно заключить, что в 1017 году Киев, в то время подвластный Ярославу, подвергся нападению печенегов, находившихся в союзе с Болеславом, а также, вероятно, с хотя бы одним из сыновей Владимира.

Перейдем к сопоставлению сведений о битве на реке в «Эймундовой пряди» и о битве на Днестре под Любечем в летописях. И в древнерусских, и в скандинавском источниках эти сражения описаны как первые столкновения между участниками уобицы 1010-х годов.

Согласно летописи, в Любечской битве на берегу Днестра, которая произошла поздней осенью 6524 (1016) года, против Ярослава боролся *Святополк*³⁸². В свою очередь в «Эймундовой пряди» сообщается о столкновении между Ярислейвом и *Буриславом*. С кем же на самом деле боролся Ярослав в этом сражении?

Мог ли в битве под Любечем участвовать Святополк?

Согласно древнерусским летописям, Святополк бежал в Польшу после неудачного сражения с Ярославом. Между тем, как отметил Н. Н. Ильин, Титмар Мерзебургский вроде бы дает другую датировку побега Святополка к Болеславу:

«... названный король [Владимир – С. М.] умер в преклонных летах, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице; впоследствии, сам

³⁸¹ Epistola Brunonis, p. 225. Г. М. Филист (сторонник гипотезы Н. Н. Ильина – А. Б. Головки) считал, что этим сыном Владимира, отправленным к печенегам в 1008 году, был Борис, который впоследствии активно пользовался своими связями в степи [Филист 1990: 62]. Ср. [Назаренко 1999: 316].

³⁸² См. Лавр. 6524, л. 48 об. (стб. 141–142); Ипат. 6524, л. 53 об. (стб. 129); Радз. 6524, л. 80–80 об.; НовгІст [6524], л. 1–1 об.; НовгІмл 6524, л. 78 об.–79 об. (с. 174–175).

ускользнув, но оставив там жену, он бежал к тестю» (Thietmar VII, 73, fol. 175 (S. 488)).³⁸³

Исходя из этого сообщения, Н. Н. Ильин предположил, что Святополк бежал в Польшу непосредственно после смерти Владимира [Ильин 1957: 105].³⁸⁴

Основываясь на точке зрения Н. Н. Ильина, А. Б. Головки выдвинул гипотезу о том, что Святополк не участвовал в описанной в «Эймундовой пряди» битве на реке [Головки 1988: 24–25]. Между тем рассказ о Любечской битве, как было показано выше, относится к первоначальному пласту летописного текста, поэтому для того, чтобы подвергать сомнению его достоверность, нужны очень веские причины.

Кроме того, анализ взаимоотношений Германии, Польши и Руси заставляет еще сильнее сомневаться в тезисе Н. Н. Ильина об отсутствии Святополка на Руси в 1016 году. А. В. Назаренко обратил внимание на тот факт, что в январе 1017 года Болеслав неожиданно запросил мира у своего постоянного соперника – императора Генриха II. И до того, и в течение 1017 года император терпел постоянные поражения. В январе 1018 года в Будишине был заключен мир между Германией и Польшей. «По будишинскому миру, несмотря на полный успех Болеслава в войне, Польша удовлетворилась тем, что уже имела до начала конфликта 1015 г.», – отмечает А. В. Назаренко [2001: 456]. По мнению исследователя, все эти действия Болеслава могут объясняться только тем, что в конце 1016 – начале 1017 года к нему явился Святополк, потерпевший поражение в Любечской битве и нуждавшийся в военной помощи для борьбы с Ярославом [Назаренко 2001: 455–462]. «И напротив: поведение польского князя

³⁸³ «... rex ille plenus dierum obiit, integritatem hereditatis suae duobus relinquens filiis, tercio adhuc in carcere posito, qui postea elapsus coniuge ibidem relicta ad socerum fugit».

³⁸⁴ Мнение Н. Н. Ильина поддержали многие исследователи. См. [Королюк 1964: 238–239; Хорошев 1986: 29; Головки 1988: 24; Котляр 1989: 118].

в 1015–1017 гг. трудно понять в предположении, что Святополк находился при его дворе уже осенью или даже летом 1015 г.», – подчеркивает А. В. Назаренко [2001: 459–460].

Таким образом, вероятно, слова Титмара «впоследствии, сам ускользнув, но оставив там жену, он бежал к тестю» являются некоторым упрощением ситуации. По-видимому, в действительности Святополк, освобожденный и получивший власть сразу после смерти Владимира, лишь после битвы под Любечем бежал к Болеславу, а жена Святополка (дочь Болеслава), вероятно, остававшаяся в Киеве во время этой военной кампании, именно тогда была захвачена в плен Ярославом. Позже, согласно Титмару, Болеслав и Святополк предлагали Ярославу обменяться пленными, пытаясь вернуться из неволи Болеславу, жену Святополка (Thietmar VIII, 33, fol. 192^v (S. 530)).³⁸⁵

Итак, сведения летописи об участии Святополка в битве под Любечем должны быть признаны достоверными. Если противником Ярослава под Любечем был бы не Святополк, а только Борис–Бурислав, то скрыть этот факт было бы крайне сложно. В отличие от тайного убийства Бориса свидетелей битвы было множество.

Между тем следует ответить на вопрос, мог ли участвовать в Любечской битве еще и Борис. В пользу такого предположения свидетельствует несколько доводов. Во-первых, в «Эймундовой пряди» антагонистом Ярослава–Ярислейва назван именно Бурислав, имя

³⁸⁵ Святополк, вероятно, стал править в Киеве сразу после смерти Владимира. Согласно рассказу летописи, смерть Владимира в его княжеской резиденции в Берестовом была утаена от простых людей, «бѣ бо С(вя)тополкъ Киевѣ» (Лавр. 6523, л. 45 (стб. 130); ср. Ипат. 6523, л. 49 (стб. 115); Радз. 6523, л. 73 об.; НовгІмл. 6523, л. 74 об. (с. 169)), после чего Святополк срочно распорядился втайне перевезти тело отца в Десятинную церковь (НовгІмл. 6523, л. 74 об.–75 (с. 169); Лавр. 6523, л. 45 (стб. 130); Ипат. 6523, л. 49 (стб. 115); Радз. 6523, л. 73 об.). Согласно убедительной реконструкции Ю. Г. Писаренко [2006], это было сделано для того, чтобы во время перехода власти к Святополку резиденция Владимира не была разграблена.

которого восходит к древнерусскому имени *Борисъ*. Во-вторых, сопоставление сведений об убийстве Бориса в древнерусских и скандинавских источниках показало, что Борис был убит сторонниками Ярослава. В-третьих, следует отметить, что в летописных описаниях битвы под Любечем Святополк не является активным действующим лицом и как бы не включен в повествование. Наконец, в-четвертых, Борис и Бурислав постоянно упоминаются вместе со степняками³⁸⁶, а в рассказе о Любечской битве в качестве союзников Святополка названы печенег. Возможно, что они были приведены Борисом [Филист 1990: 58]. Итак, участие Бориса в Любечской битве (на стороне Святополка) следует признать вполне вероятным.

Между тем естественно, что побежденный и убитый Борис, а не Святополк, в 1018 году победивший Ярослава благодаря помощи Болеслава, должен был лучше запомниться исландским рассказчиком, передававшим повесть о героических подвигах Эймунда. Поэтому возможность контаминации в глазах скандинавов образов Святополка и Бориса полностью исключать (как это делают А. Б. Головкин [1988: 23–24; 2000: 43] и Г. М. Филист [1990: 14, 65]) нельзя.

В реальности главным противником Ярослава в битве под Любечем, очевидно, был Святополк. Как известно, до нас дошли монеты, чеканенные Святополком в Киеве [Сотникова 1995: 96–114, 192–205], а монет Бориса не известно. Кроме того, в летописной повести об

³⁸⁶ В рассказе летописи, предшествующем описанию убиения Бориса, читаем: «Володимеру бо разболѣвшюся · в се же время бяше оу него Борисъ · Печенѣгом идушемъ на Русь · посла противу имъ Бориса · <...> Борису же възвратившюся съ вои · не обрѣтшю Печенѣгъ · вѣсть приде к нему о(ть)ць ти оумерель» (Лавр. 6523, л. 44 об., 45 об. (стб. 130, 132); ср. Ипат. 6523, л. 48 об., 49 об. (стб. 115, 118); Радз. 6523, л. 73, 74; НовгІмл 6523, л. 74 об., 75–75 об. (с. 168, 169)). Это единственное военное мероприятие, об участии в котором Бориса сообщают древнерусские источники.

В «Эймундовой пряди» на стороне Бурислава воюют бьярмы, тюрки («tyrkir»), «blōkumenn» (о данном этнониме см. [Мельникова 2001: 298]) и «многие другие злые народы».

убиении Бориса говорится о послушании Бориса старшему брату³⁸⁷. Интересно, что Борис был похоронен в Вышгороде, хотя был убит ближе к Переяславию и Киеву. Вышгород, судя по всему, являлся резиденцией Святополка. Именно там в ходе археологических раскопок была найдена свинцовая печать, которую атрибутируют Святополку [Янин 1998: 18–19 (№ 26)]. Все это заставляет утверждать, что Борис, вероятно, признавал Святополка в качестве киевского князя, мог быть союзником Святополка и, возможно, помогал ему в борьбе с притязавшим на Киев Ярославом.

* * *

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют точно определить, почему в скандинавской версии антагонист Ярослава назван *Буриславом*, хотя согласно летописи главным противником Ярослава в 1010-е годы был Святополк. Н. Н. Ильин, безусловно, был прав, указывая на контаминацию образов Бориса и Святополка в скандинавских легендах о подвигах Эймунда. Между тем проделанный анализ не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу о том, что Борис был союзником Святополка и Болеслава, участвовал в Любечской битве на стороне Святополка и приводил на Киев печенегов, координируя свои действия со Святополком и Болеславом. Союз Бориса со Святополком, если он имел место, мог быть главной причиной контаминации их образов в глазах скандинавов.

³⁸⁷ «... и ста на Лѣтъ пришедь · рѣша же ему [Борису – С. М.] дружина отня · се дружина оу тебе отня и вои · поиди сяди Киевѣ на столѣ отни · онъ же реч(е) не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣшаго · аще и о(ть)ць ми оумре · то съ ми буди въ о(ть)ца мѣсто · и се слышавше вои разидошася *от* него» (Лавр. 6523, л. 45 об. (стб. 132)). Ср. Ипат. 6523 49 об.–50 (стб. 118); Радз. 6523 л. 74 об.; НовГІмл 6523, л. 75 об. (с. 170).

3.4. Выводы главы

Сопоставление сведений древнерусских и скандинавских источников о событиях 1015–1019 годов на Руси позволило ответить на несколько конкретно-исторических вопросов.

Во-первых, имя *Бурислав*, которое носит в скандинавских текстах главный антагонист Ярислейва (Ярослава Владимировича), судя по всему, восходит к древнерусскому имени *Борисъ*.

Во-вторых, все данные говорят в пользу того, что Борис Владимирович был убит варяжскими наемниками своего брата Ярослава в разгар междоусобной войны Ярослава со Святополком. Рассказ об убийстве дошел до нас и в древнерусской, и в скандинавской версиях. Между тем в летописи убийцей неверно назван Святополк и убийство ошибочно датировано 1015 годом.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют точно определить, почему в скандинавской версии антагонист Ярослава в междоусобице 1015–1019 годов всегда называется *Буриславом*, хотя, согласно летописи, главным противником Ярослава в это время был Святополк. Возможно, Борис был союзником Святополка, и поэтому их образы оказались контаминированы в скандинавских легендах о подвигах Эймунда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанное исследование позволяет мне предложить следующую реконструкцию событий 1015–1019 годов на Руси и реконструкцию истории текстов, в которых об этих событиях рассказывается.

Незадолго до смерти киевского князя Владимира Святославича его сын Ярослав, который княжил в Новгороде, перестал выплачивать дань в Киев и, опасаясь нападения отца, нанял в поддержку варягов. 15 июля 1015 года Владимир умер, после чего в Киеве стал княжить его старший сын Святополк. Вскоре у Ярослава произошел конфликт с новгородцами из-за того, что те учинили расправу над бесчинствовавшими в городе варягами. Однако Ярослав сумел собрать войска и отправился в поход на Святополка. Войска Ярослава и Святополка встретились на Днепре у Любеча (вероятно, осенью 1016 года). В битве победа досталась Ярославу с его варяжскими наемниками. Святополк бежал в Польшу, а Ярослав стал княжить в Киеве. В 1018 году Ярослав был побежден польским князем Болеславом. Ярослав бежал в Новгород, но собрал войска и вновь победил Святополка. Святополк бежал к печенегам, а Ярослав стал княжить в Киеве. Последовательное описание этих событий не позже середины XI века положил на пергамен древнерусский книжник, трудившийся над масштабным историографическим сочинением о русской истории от древних князей до современного ему Ярослава Владимировича.

Анализ древнерусских и скандинавских источников позволяет утверждать, что в промежутке между 1016 и 1021 годом варяжскими наемниками Ярослава во главе с Эймундом (вероятно, представителем шведской королевской династии) был убит один из младших сыновей Владимира Борис, возможно, являвшийся союзником Святополка. Рассказ о его гибели дошел до нас и в древнерусских, и в скандинавских текстах. В последних Борис назван Буриславом.

Эймунд после убийства Бориса перешел на службу к полоцкому князю Брячиславу Изяславичу. Несколько исландцев, которые

состояли в отряде Эймунда, покинули его и принесли рассказы о своих подвигах на родину. Позднее, при включении повествования об Эймунде в состав саги об Олаве Святом, под пером исландского книжника эта повесть приобрела пролог и эпилог, связавшие ее с норвежской историей.

Примерно в 1070-е годы в процессе складывания на Руси культа Бориса и Глеба как святых в летопись были внесены полулегендарные рассказы об убийстве Бориса, Глеба и Святослава Владимировичей по приказу Святополка, о победе Ярослава над Святополком в битве на реке Альте и о смерти Святополка. Сведения летописи, расширенные этими и более поздними вставками, в начале XII века были использованы составителями житий Бориса и Глеба.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Сокращения

Жития Бориса и Глеба / Д. И. Абрамович – Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Д. И. Абрамович. Пг., 1916. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2.)

ИОРЯС – Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГБ – Российская государственная библиотека.

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.

STUAGNL – Samfund til utgivelse af gammel nordisk litteratur.

Рукописные источники

Пятикнижие XIV в. – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304. I), № 1.

Пятикнижие Моисеево, с дополнениями. Втор. пол. (кон.?) XIV в.

Толковые пророки – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304. I), № 89.

Книги 16 пророков толковые. Кон. XV – нач. XVI в.

Троицкий хронограф – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304. I),

№ 728. Хронограф. XV в. (Ссылки на листы даются в соответствии с имеющейся в рукописи нумерацией арабскими цифрами.)

Печатные источники

Архангельское Еванг. – Архангельское Евангелие 1092 года: Исследования.

Древнерусский текст. Словоуказатели / Л. П. Миронова, Т. Л. Миронова. М., 1997.

Георгий Амартол – Матвеев В., Щёголева Л. Книги временные и образные Георгия Монаха. М., 2006. Т. 1. Ч. 1: Интерпретированный текст Троицкой рукописи.

Епифаний, «О 12 камнях» – Епифаний Кипрский. О двенадцати камнях, бывших на одеждах Аарона // Творения Святых Отцов в русском переводе. М., 1884. Т. 52: Творения святого Епифания Кипрского. Ч. 6. С. 267–278.

Епифаний, «О камне алмазе» – Епифаний Кипрский. О камне алмазе, который носил первосвященник, трижды в год входя во Свята́я святых //

- Творения Святых Отцов в русском переводе. М., 1884. Т. 52: Творения святого Епифания Кипрского. Ч. 6. С. 279–282.
- Ермолинская летопись – ПСРЛ. Т. 23: Ермолинская летопись / Ф. И. Покровский. СПб., 1910. (Репринтное издание: М., 2004.)
- Житие Феодосия – Житие преподобнааго отьца нашего Феодосия, игумена печерьскаго // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1: XI–XVII века. С. 352–432.
- Изборник 1073 – Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание. М., 1983.
- Ипат. – ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. / А. А. Шахматов. (Репринтные издания: М., 1998; М., 2001.)
- Лавр. – ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Е. Ф. Карский. Вып. 1: Повесть временных лет. (Репринтные издания: М., 1997; М., 2001.)
- Летописец Еллинский и Римский – Летописец Еллинский и Римский / О. В. Творогов, С. А. Давыдова. СПб., 1999. Т. 1: Текст.
- Летопись Авраамки – ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. (Репринтное издание: М., 2000.)
- НовГмл – Новгородская первая летопись младшего извода. Комиссионный список // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / А. Н. Насонов. М., 1950. (Репринтное издание: М., 2000.) С. 101–427.
- НовГст – Новгородская харатейная летопись. М., 1964.
- НовГIV – ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. 2-е изд. Вып. 1. / Ф. И. Покровский. (Репринтное издание: М., 2000.)
- НовГКарамз. – ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись / А. Г. Бобров, З. В. Дмитриева, Я. С. Лурье.
- Острожская Библия – Библия сирѣч книги ветхаго и новаго завѣта, по языку словенску. [Острог], 1581. (Репринтное издание: М.; Л., 1988.)
- Остромирово Еванг. – Остромирово Евангелие 1056 – 57 года. С приложением греческого текста Евангелий / А. Востоков. СПб., 1845. (Репринтное издание: М., 2007.)
- Парим. чт. – Мѣсяца июля 24. Святую мученику Бориса и Глеба. На вечерни чтения 3 // Жития Бориса и Глеба / Д. И. Абрамович. С. 115–121.
- Прол. сказ. – [Проложное сказание] (14 июля). Въ тѣ же день память творимъ святою мученику новоявленною Бориса и Глѣба // Жития Бориса и Глеба / Д. И. Абрамович. С. 95–97.
- Радз. – Радзивилловская летопись. СПб.; М., 1983.
- Распр. житие Владимира – Житие блаженаго Вьлодимера // Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 462–471.

- Сказ. – Съказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глѣба // Жития Бориса и Глеба / Д. И. Абрамович. С. 27–51. (См. также издания: [Бугославский 1928: 1–154; Ревелли 1993: 112–459].)
- Сказание чудес – Съказание чюдесь святуо стратотърпцю Христову Романа и Давида // Жития Бориса и Глеба / Д. И. Абрамович. С. 52–66. (См. также издания: [Бугославский 1928: 155–178; Ревелли 1993: 477–579].)
- СофІ – ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1: Софійская первая летопись старшего извода / С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина.
- Тверской сборник – ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. (Репринтное переиздание в книге: ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.)
- Толковая Палея – Палея Толковая по списку сделанному в г. Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1896. Вып. 2.
- Чтен. – Мѣсяца июля въ 24. Чтение о житии и о погублении блаженную стратотерпца Бориса и Глѣба // Жития Бориса и Глеба / Д. И. Абрамович. С. 1–26. (См. также издания: [Бугославский 1928: 179–206; Ревелли 1993: 601–703].)
- Adam – Adam von Bremen. *Hamburgische Kirchengeschichte*. 3. Aufl. / V. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi.)
- De adm. imp. – Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст. Перевод. Комментарий / Изд. 2-е, испр. Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 2001.
- Epistola Brunonis – Epistola Brunonis ad Henricum regem // Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski / Wydał A. Bielowski. Lwów, 1864. T. 1. P. 224–228.
- Eym. – [Eymundar þáttir] // Flat., s. 368–378 (bd. 2, s. 118–135). (Перевод пряди цитируется по изданию: Сага об Эймунде. [Перевод Е. А. Рыдзевской] // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования.) М., 1978. (Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1978 г.) С. 89–104. (Перевод Е. А. Рыдзевской в редакции Т. Н. Джаксон опубликован в [Джаксон 1994: 104–119].)) Ср. также [Сенковский 18346].
- Flat. – Flateyjarbok / Guðbrandr Vigfusson, C. R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. 1–3.
- Gðr. II – Guðrúnarkviða II // Edda: Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. 3. durchgesehene Aufl. / G. Neckel. Heidelberg, 1936. (Germanische Bibliothek. Abteilung 2: Untersuchungen und Texte. Bd. 9.) I: Text. S. 218–225.

- Hervar. – [Hervarar saga ok Heiðreks konungs.] Контаминированная редакция // Сказание о мече Тюрфинге (Hervarar saga ok Heiðreks) / И. Шаровольский. Киев, 1906. I: Старо-исландский текст с введением. С. 61–79. (В этом издании сага не имеет деления на главы. В ссылках я указываю в квадратных скобках традиционно выделяемые главы саги.)
- HistNorw – Historia Norwegiæ // Monumenta historica Norvegiæ: Latinske kil-deskrifter til Norges historie i middelalderen / G. Storm. Kristiania, 1880. P. 71–124.
- Hkr. – Snorri Sturluson. Heimskringla / Finnur Jónsson. København, 1893–[1900]. Bd. I–III. (STUAGNL. XXIII: 1–3.) (Перевод цитируется по изданию: Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подготовили: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. Репринтное издание: М., [1995].)
- Landnám. (Hauksbók) – Landnámabók. I. [Hauksbók] // Landnámabók. I–III: Hauksbók. Sturlubók. Melabók M.M. København, 1900. S. 3–125.
- Landnám. (Sturlubók) – Landnámabók. II. [AM 107 (Sturlubók)] // Landnámabók. I–III: Hauksbók. Sturlubók. Melabók M.M. København, 1900. S. 129–231.
- Óhleg – Olafs saga helga: Die «Legendarische Saga» über Olaf den Heiligen (Hs. Delagard. saml. nr. 8^{ll}) / A. Heinrichs, D. Janshen, E. Radicke, H. Röhn. Heidelberg, 1982.
- Qrvar-Odds s. – Qrvar-Odds saga. AM 344a 4° // Qrvar-Odds saga / R. C. Boer. Leiden, 1888. S. 2–196.
- Scyl. – Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Recensuit I. Thurn. B.; N. Y., 1973. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. V.)
- SnEdda – Snorri Sturluson. Edda / F. Jónsson. København, 1900. (Перевод цитируется по изданию: Младшая Эдда / Изд. подг. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970.)
- Sneglu-Halla þ. – Sneglu-Halla þátr // Eyrfirðinga sögur: Víga-Glúms saga · Qgmundar þátr dýttis · Þorvalds þátr tasalda · Svarfdœla saga · Þorleifs þátr jarlsskálds · Valla-Ljóts saga · Sneglu-Halla þátr · Þorgríms þátr Hallasonar / Jónas Kristjánsson. Reykjavík, 1956. (Íslenzk fornrit. Bd. IX.) S. 262–295.
- Sö – Södermanlands runinskrifter / E. Brate, E. Wessén. Stockholm, 1924–1936. I–II. (Sveriges runinskrifter. Bd. 3.)
- SvaðaFlat – Þátr Svada ok Arnors kellingarnefs // Flat., s. 225–227 (bd. 1, s. 435–439).
- SvaðaÓTm – [Svaða þátr og Arnors kerlingarnefs] // Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Ólafur Halldórsson. København, 1961. Bd. 2. (Editiones Arná-magnæanæ. Ser. A. Vol. 2.) S. 177–184.

- Thietmar – Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / R. Holtzmann. B., 1935. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova ser. T. IX.) (Цитаты из «Хроники» даются в переводе А. В. Назаренко [1993: 138–143].)
- U – Upplands runinskrifter / E. Wessén, S. B. F. Jansson. Stockholm, 1943–1946. Del. 2. I–II. (Sveriges runinskrifter. Bd. 7.)
- Vilmundar saga – Vilmundar saga viðutan // Late Medieval Icelandic Romances / A. Loth. Copenhagen, 1964. IV: Vilhjálm's saga sjóðs. Vilmundar saga viðutan. (Editiones Arnmagnæanæ. Ser. B. Vol. 23.) P. 137–201.
- Völsunga s. – Völsunga Saga // Fornaldar sögur Nordrlanda eptir gömlum handritum / C. C. Rafn. Kaupmannahöfn, 1929. Bd. 1. S. 149–234.
- Yngl. s. – Ynglinga saga // Hkr. Bd. I. (STUAGNL. XXIII: 1.) S. 9–85. (Перевод саги цитируется по изданию: Сага об Инглингах. [Пер. прозы М. И. Стеблин-Каменского, пер. стихов О. А. Смирницкой] // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 11–37.)
- Yngv. – Yngvars saga víðförla / E. Olson. København, 1912. (STUAGNL. XXXIX.) (Перевод цитируется по [Глазырина 2002: 250–271].)

Литература

- Айналов 1910 – Айналов Д. Очерки и заметки по истории древне-русского искусства. IV. Миниатюры «Сказания» о свв. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника // ИОРЯС. 1910 г. СПб., 1910. Т. XV. Кн. 3. С. 1–128.
- Алешковский 1967 – Алешковский М. Х. «Повесть временных лет». Из истории создания и редакционной переработки: Диссертация... кандидата исторических наук. Л., 1967.
- Алешковский 1971 – Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.
- Алешковский 1972 – Алешковский М. Х. Русские глеборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 104–125.
- Алешковский 1976 – Алешковский М. Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сборник статей: 1975. М., 1976. С. 133–162.
- Артамонов 2003 – Артамонов Ю. А. Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 г.: Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 173–277.
- Артамонов 2008 – Артамонов Ю. А. Святые князья-мученики Борис и Глеб // Вестник церковной истории. М., 2008. № 3 (11). С. 236–255.

- Бережков 1963 – Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Бернштейн 1961 – Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Биллярский 1862 – Биллярский П. С. Замечания о языке Сказания о св. Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи // Записки императорской академии наук. СПб., 1862. Т. II. Кн. II. С. 109–120.
- Браун 1910а – Браун Ф. А. Кто был Ингвар-путешественник? // Записки Неофилологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1910. Вып. IV. С. 131–153.
- Браун 1910б – Braun F. Hvem var Yngvarr enn víðförli? Ett bidrag till Sveriges historia under XI århundradets första hälft // Fornvännen: Meddelanden från K. vitterhets historie och antikvitets akademien. Stockholm, 1910. Årg. 5. S. 99–118.
- Браун 1924 – Braun F. Das historische Rußland im nordischen Schrifttum des X.–XIV. Jahrhunderts // Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag 19. Juli 1924. Halle an der Saale, MCMXXIV. S. 150–196.
- Брим 1894 – Brim E. Ó. Bemærkninger angående en del vers i 'Noregs konungasögur 1' // Arkiv för nordisk filologi. Lund, 1894. Bd. 11. N. F. Bd. 7. Ht. 1. S. 1–32.
- Бугославский 1914а – Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора // ИОРЯС. 1914 г. СПб., 1914. Т. XIX. Кн. 1. С. 131–186.
- Бугославский 1914б – Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора // ИОРЯС. 1914 г. Пг., 1914. Т. XIX. Кн. 3. С. 153–191.
- Бугославский 1928 – Бугославський С. Пам'ятки XI–XVIII в.в. про князів Бориса та Гліба (Розвідка та тексти). У Києві, 1928. (Історично-філологічний відділ Всеукраїнської академії наук. Збірник № 77; Комісія давнього письменства. Пам'ятки мови та письменства давньої України. Т. 1.) (Репринтне издание: [Бугославський 2007 (1940): 361–600].)
- Бугославский 2007 (1940) – Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. II: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. (Публикация диссертации 1940 года.)
- Валеев 2003 – Валеев Г. Антропоним *Борис* как свидетельство древних тюрко-славянских контактов // Вестник Челябинского университета. Сер. 10: Востоковедение. Евразийство. Геополитика. Челябинск, 2003. № 1 (2). С. 224–238.

- Вилкул 2003а – Вилкул Т. Даты рождения княжичей: Старшие и младшие Ярославичи // *Ruthenica*. Київ, 2003. Т. II. С. 108–114.
- Вилкул 2003б – Вилкул Т. Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. [Vol.] XI. P. 5–35.
- Вилкул 2006 – Вилкул Т. Летописные вставки из *Повести временных лет* в *Сильвестровско-Минейной редакции Сказания о св. Борисе и Глебе* // *Ruthenica*. Київ, 2006. Т. V. С. 37–72.
- Гаде 1984 – Gade K. E. Skjalf // *Arkiv för nordisk filologi*. 1984. № 100. S. 59–71.
- Гинкен 1893 – Гинкен Г. Г. Древнейшие русские двусосновные личные имена и их уменьшительные // *Живая старина: Периодическое издание отделения этнографии императорского русского географического общества*. СПб., 1893. Вып. IV.
- Гиппиус 1997 – Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // *Новгородский исторический сборник*. СПб., 1997. [Вып.] 6 (16). С. 3–72.
- Гиппиус 2001 – Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игорев... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics: International Journal for the Study of the Russian Language*. Dordrecht; Boston, 2001. Vol. 25. № 2. P. 147–181.
- Гиппиус 2002 – Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics: International Journal for the Study of the Russian Language*. Dordrecht; Boston, 2002. Vol. 26. P. 63–126.
- Гиппиус 2006а – Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*. М., 2006. С. 56–96.
- Гиппиус 2006б – Гиппиус А. А. История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2006.
- Гиппиус 2007 – Гиппиус А. А. Языковая гетерогенность и качество нарратива в «Повести временных лет» // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. М., 2007. № 3 (29). С. 29–30.
- Глазырина 2001 – Глазырина Г. В. Правители Руси (Обзор древнескандинавских источников) // *Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье*. М., 2001. С. 143–159.
- Глазырина 2002 – Глазырина Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике: Текст. Перевод. Комментарий. М., 2002.

- Глазырина, Джаксон, Мельникова 1999 – Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е. А. Часть V. Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 408–562.
- Головко 1988 – Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988.
- Головко 2000 – Головко О. З історії міжкнязівської війни 1015–19 рр. на Русі // Україна в Центрально-Східній Європі: Студії з історії XI–XVIII століть. Київ, 2000. Вип. 1. С. 38–49.
- Голубовский 1900 – Голубовский П. В. Служба святым мученикам Борису и Глебу в Иваницкой минее 1547 – 79 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1900. Кн. 14. Вып. III. С. 125–164.
- Горский 2001 – Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...» Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001.
- Грушевский 1899 – Грушевський М. Історія України-Руси. У Львові, 1899. Т. II: XI–XIII в. (Збірник історично-філософської секції наукового товариства імени Шевченка. Т. II.)
- Гудзий 2007 (1940) – Гудзий Н. К. [Отзыв на диссертацию С. А. Бугославского] // [Бугославский 2007 (1940): 609–615].
- Гуревич 2004 – Гуревич Е. А. Древнескандинавская новелла: Поэтика «прядей об исландцах». М., 2004.
- Гуревич, Матюшина 2000 – Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М., 2000.
- Данилевский 1998 – Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1998.
- Данилевский 2004 – Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Джаксон 1994 – Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1994.
- Джаксон 2000 – Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М., 2000.
- Джаксон 2001 – Джаксон Т. Н. Austr í Gørdum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.
- Добродомов 1970 – Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянскую антропонимию (к этимологии имени *Борисъ*) // Антропонимика. М., 1970. С. 229–236.
- Ильин 1957 – Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа.) М., 1957.
- Канин, Фелпстед 2001 – A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Óláfr / Transl. by A. Kunin. Edited with an introduction and notes

- by C. Phelpstead. L., 2001. (Viking Society for Northern Research. Text series. Vol. XIII.)
- Карамзин 1991 (1816) – Карамзин Н. М. История государства российского. М., 1991. Т. II–III.
- Карпов 2005 – Карпов А. Ярослав Мудрый. М., 2005. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 1148 (948).)
- Королюк 1964 – Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964.
- Корпела 2001 – Korpela J. Prince, Saint and Apostle: Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden, 2001. (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Reihe: Geschichte. Bd. 67.)
- Котляр 1989 – Котляр М. Ф. Чи Святополк убив Бориса і Глеба? // Український історичний журнал. Київ, 1989. № 12 (345). С. 110–122.
- Кук 1986 – Cook R. Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy in *Eymundar þáttur Hringssonar* // Viator: Medieval and Renaissance Studies. Berkeley; Los Angeles; L., 1986. Vol. 17. P. 65–89.
- Кучкин 1984 – Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Ламбин 1874 – Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1874. Ч. CLXXIII. [Июнь. Отд. наук.] С. 225–263.
- Леже 1884 – Leger L. Chronique dite de Nestor (Несторова или первоначальная летопись) / Trad., introd. et comment. L. Leger. P., 1884.
- Линниченко 1884 – Линниченко И. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч. 1: Русь и Польша до конца XII века.
- Литвина, Успенский 2006 – Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006.
- Лихачев 1950 – Перевод [Д. С. Лихачева и Б. А. Романова] // Повесть временных лет / Д. С. Лихачев. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод. С. 205–404.
- Лихачев 1999 – Перевод [Д. С. Лихачева] // Повесть временных лет / Д. С. Лихачев. Изд. 2-е, испр. СПб., 1999. С. 143–268.
- Лукин 2007 – Лукин П. В. События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. М., 2007. № 4. С. 3–20.

- Лященко 1926 – Лященко А. И. «Eumundar Saga» и русские летописи // Известия Академии Наук СССР = Bulletin de l'Académie des sciences de l'URSS. Л., 1926. Сер. VI. Т. XX. № 12. С. 1061–1086.
- Макарий 1995 (1857) – Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости от Константинопольского патриархата (988–1240). Первое издание: Макарий [Булгаков], еп. Винницкий. История Русской Церкви. СПб., 1857. Т. II.
- Мельникова 1976 – Мельникова Е. А. Экспедиция Ингвара Путешественника на восток и поход русских на Византию 1043 г. // Скандинавский сборник = Skrifter om Skandinavien. Таллин, 1976. XXI. С. 74–87.
- Мельникова 2000 – Melnikova E. The death in the horse's skull: The interaction of Old Russian and Old Norse literary traditions // Gudar på jorden: Festskrift till Lars Lönnroth. Stockholm, 2000. S. 152–169.
- Мельникова 2001 – Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
- Мельникова 2003 – Мельникова Е. А. Олег Вещий: К проблеме адаптации скандинавских культурных традиций в Древней Руси // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. 10–12 сентября 2003 г. СПб., 2003. С. 354–362.
- Мельникова 2007 – Мельникова Е. А. «Сказания о первых князьях»: Принципы репрезентации устной дружинной традиции в летописи // Мир Клио: Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной. М., 2007. Т. 1. С. 118–131.
- Мельникова 2008а – Мельникова Е. А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 78–133.
- Мельникова 2008б – Мельникова Е. А. Эймунд Хрингссон, Ингигерд и Ярослав Мудрый: Источниковедческие наблюдения // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в средние века: К 70-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2008. (Славяне и их соседи. Вып. 12.) С. 144–160.
- Мельникова, Петрухин, Зализняк и др. 1991 – [Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Зализняк А. А., Литаврин Г. Г., Бибииков М. В., Флоря Б. Н. Комментарий к] главе 9 // De adm. imp. С. 291–332.
- Миллер 1897 – Миллер В. Очерки русской народной словесности: Былины. I–XVI. М., 1897.

- Мильков, Полянский 2002 – Мильков В. В., Полянский С. М. Комментарии // Паляя Толковая / А. М. Камчатнов, В. В. Мильков, С. М. Полянский и др. М., 2002. С. 529–603.
- Милютенко 2006 – Милютенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006.
- Михеев 2005а – Михеев С. М. Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: К проблеме варяжских источников древнерусских текстов // Славяноведение. М., 2005. № 2. С. 28–42.
- Михеев 2005б – Михеев С. М. Раздвоение убийства Бориса и история борисоглебского цикла // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2005. № 3 (21). С. 74–75.
- Михеев 2006а – Михеев С. М. [Рец. на:] Святые князья-мученики Борис и Глеб / Н. И. Милютенко (СПб., 2006) (Библиотека христианской мысли. Источники; Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях) // *Scrinium: Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. Saint-Petersbourg, 2006. Т. 2: *Universum Hagiographicum. Mémorial R. P. Michel van Esbroeck, s. j. (1934–2003)*. P. 446–456.
- Михеев 2006б – Михеев С. Эймунд-убийца Бориса, Ингвар Путешественник и Анунд из Руси: к вопросу о шведах на Руси в XI веке // *Ruthenica*. Київ, 2006. Т. V. С. 19–36.
- Михеев 2007 – Михеев С. М. Различия в описаниях событий и взаимоотношения текстов борисоглебского цикла // Славяноведение. М., 2007. № 5. С. 3–19.
- Михеев 2008а – Михеев С. М. Отражение Начальной летописи в Новгородской I летописи младшего извода // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2008. № 1 (31). С. 45–59.
- Михеев 2008б – Михеев С. М. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: Литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2008. № 2 (32). С. 27–32.
- Михеев 2008в – Михеев С. М. Рассказ о Святополке и Ярославе и легенда о Борисе и Глебе: «Древнейший свод» и свод 70-х годов XI в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2008. № 3 (33). С. 45–46.
- Михеев 2008г – Михеев С. М. «Эймундова прядь» в составе «Книги с Плоского острова» // XVI конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции (г. Архангельск, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 9–12 сентября 2008 года). М.; Архангельск, 2008. Ч. I. С. 164–166.
- Михеев 2008д – Михеев С. М. Развитие русского княжеского именованослова в конце X – первой половине XI века в контексте русско-скандинавских

- связей // XVI конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции (г. Архангельск, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 9–12 сентября 2008 года). М.; Архангельск, 2008. Ч. II. С. 144–146.
- Молчанов 1988 – Молчанов А. А. О сюжете композиции на обложке турьего рога из Черной Могилы // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (26–28 сентября 1988 г.): Тезисы докладов. Чернигов, 1988. С. 67–69.
- Мусин 2006 – Мусин А. Е. [Рец. на:] *Святые князья-мученики Борис и Глеб*. Исследование и подготовка текстов Н. И. Милютенко. СПб., Издательство Олега Абышко, 2006. 432 с., ил. (Серия: «Библиотека христианской мысли. Источники» и «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях»). Ответственный редактор серии Г. М. Прохоров) // *Ruthenica*. Київ, 2006. Т. V. С. 268–281.
- Мюллер Л. 1952 – Müller L. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Heidelberg, 1952. Bd. XXIII. S. 60–77.
- Мюллер Л. 1954 – Müller L. Die nicht-hagiographische Quelle der Chronik-Erzählung von der Ermordung der Brüder Boris und Gleb und von der Bestrafung ihres Mörders durch Jaroslav // *Festschrift für Dmytro Čyževskij zum 60. Geburtstag am 23. März 1954*. B., 1954. (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der freien Universität Berlin. Bd. 6.) S. 196–217.
- Мюллер Л. 1956 – Müller L. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Heidelberg, 1956. Bd. XXV. S. 329–363.
- Мюллер Л. 1959 – Müller L. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Heidelberg, 1959. Bd. XXVII. S. 274–322.
- Мюллер Л. 1962 – Müller L. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Heidelberg, 1962. Bd. 30. S. 14–44.
- Мюллер Л. 1963 – Müller L. Neuere Forschungen über das Leben und die kulturelle Verehrung der Heiligen Boris und Gleb // *Slawistische Studien zum V. Internationalen Slawistenkongress in Sofia 1963*. Göttingen, 1963. (Opera slavica. Bd. IV.) S. 295–317.
- Мюллер Л. 2004 – Müller L. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb (5) // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Heidelberg, 2004. Bd. 63. Heft 1. S. 23–49.

- Мюллер Л. 2006 – Müller L. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb (6) // Zeitschrift für Slavische Philologie. Heidelberg, 2006. Bd. 64. Heft 2. S. 245–278.
- Мюллер Л. 2008 – Müller L. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb (6) // Zeitschrift für Slavische Philologie. Heidelberg, 2008. Bd. 65. Heft 1. S. 1–23.
- Мюллер П. 1820 – Müller P. E. Sagabibliothek med Anmærkninger og indledende Afhandlinger. Kjøbenhavn, 1820. Bd. 3.
- Назаренко 1993 – Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993.
- Назаренко 1999 – Назаренко А. В. Часть IV. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 259–407.
- Назаренко 2001 – Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Назаренко 2003 – Назаренко А. В. Борѣс и Глеб // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. VI: Бондаренко – Варфоломей Эдесский. С. 44–49.
- Назаренко 2005 – Назаренко А. В. Племянники венгерского короля Иштвана I на Руси // Ad fontem. У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 167–175.
- Назаренко 2007 – Назаренко А. В. Киевский митрополит Иоанн I // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2007. № 3 (29). С. 76–77.
- Никитин 2001 – Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.
- Нурен 1892 – Noreen A. Mytiska beståndsdelar i Ynglingatal // Uppsalastudier tillagnade Sophus Bugge på hans 60-åra födelsedag den 5 januari 1893. Uppsala, 1892. S. 194–225.
- Орлов 1902 – Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902.
- Пак 2007 – Пак Н. О новом издании памятников Борисо-Глебского цикла сравнительно с предыдущими // Ruthenica. Київ, 2007. Т. VI. С. 397–441.
- Парамонова 2003 – Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003.
- Петров 1979 – Петров С. В. К вопросу об этимологии имени Всеволод // Скандинавский сборник = Skrifter om Skandinavien. Таллин, 1979. XXIV. С. 111–112.

- Петрухин 2008 – Петрухин В. Я. Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание // *Ярослав Мудрый и его эпоха*. М., 2008. С. 167–180.
- Петрухин, Пушкина 2004 – Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Скандинавские амулеты и «Сага о Вельсунгах» на Восточном пути // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 2004. Ч. I. С. 241–243.
- Писаренко 2006 – Писаренко Ю. Почему «потаиша» смерть князя Владимира (К летописной статье 1015 г.) // *Ruthenica*. Київ, 2006. Т. V. С. 238–248.
- Погодин 1834 – Погодин. Эймундова сага // *Ученые записки императорского московского университета*. М., 1834. Февраль. № VIII. Отд. IV: Смесь. С. 374–401.
- Погодин 1846 – Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 1: Вступление. Об источниках древней русской истории, преимущественно о Несторе.
- Поппэ 1969a – Poppe A. Opowieść o męczeństwie i cudach Borysa i Gleba: Okoliczności i czas powstania utworu // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1969. Rocznik XVIII. № 3. S. 267–292.
- Поппэ 1969b – Poppe A. Opowieść o męczeństwie i cudach Borysa i Gleba: Okoliczności i czas powstania utworu // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1969. Rocznik XVIII. № 4. S. 359–382.
- Поппэ 1975 – Poppe A. Światopełk I // *Słownik starożytności słowiańskich: Encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975. Т. 5: S–Ś. S. 570–571.
- Поппэ 1981 – Poppe A. La naissance du culte de Boris et Gleb // *Cahiers de civilisation médiévale: X^e–XIIe siècles*. Poitiers, 1981. Т. XXIV. № 1. P. 29–53.
- Поппэ 1995 – Поппэ А. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia mediaevalis*. München, 1995. Т. VIII, 1. P. 21–68.
- Поппэ 2003 – Поппэ А. В. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // *ТОДРЛ*. СПб., 2003. LIV: Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. С. 304–336.
- Прицак 1981 – Pritsak O. *The Origin of Rus'*. Cambridge (Mass.), 1981. Vol. 1: *Old Scandinavian Sources Other Than the Sagas*.
- Прицак 2003 – Прицак О. Походження Русі: Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. Київ, 2003. Т. II. (Київська бібліотека давнього українського письменства. Студії. Т. III.)
- Ревелли 1993 – Revelli G. Monumenti letterari su Boris e Gleb = Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993.

- Ревелли 1998а – Ревелли Д. Старославянские легенды святого Вячеслава чешского и древнерусские княжеские жития // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 79–93.
- Ревелли 1998б – Ревелли Д. Сказания о чудесах в легендах о святом Вячеславе и в житиях Бориса и Глеба // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 94–100.
- Ревелли 2003 – Ревелли Д. Христианские воззрения в «Чтении» Нестора // ТОДРЛ. СПб., 2003. LIV: Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. С. 70–77.
- Руссов 1834 – Руссов С. О сагах в отношении к русской истории, или Вообще о древней Руси. СПб., 1834.
- Рыбаков 1960 – Рыбаков Б. А. Раскопки в Любече в 1957 году // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1960. [Вып.] 79. С. 27–34.
- Рыбаков 1963 – Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания · Былины · Летописи. М., 1963.
- Рыдзевская 1978 – Рыдзевская Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования.) М., 1978. (Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1978 г.) С. 159–236.
- Сенковский 1834а – Сенковский О. И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, составляемый из литературных и ученых трудов. СПб., 1834. Т. 1. Отд. III: Науки и художества. С. 1–77.
- Сенковский 1834б – Eumundar Saga = Эймундова сага / О. И. Сенковский // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, составляемый из литературных и ученых трудов. СПб., 1834. Т. 2. Отд. III: Науки и художества. С. 1–71.
- Серебрянский 1915 – Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
- Смирницкая 2005 – Смирницкая О. А. Древнегерманская поэзия: Каноны и толкования. М., 2005.
- Соболевский 1890 – Соболевский А. И. «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание» о свв. Борисе и Глебе (По поводу статьи г. Левитского) // Христианское чтение. СПб., 1890. Ч. 1. С. 791–804.
- Соболевский 2006 (1910) – Соболевский А. И. Два личных имени // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. М., 2006. Т. 2: Статьи и рецензии. С. 307–308. (Перепечатка статьи, вышедшей в 1910 году.)

- Соколов 1923 – Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германо-русские отношения в области эпоса) // Ученые записки Государственного Саратовского университета имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1923. Т. I. Вып. 3: Словесно-историческое отделение педагогического факультета.
- Соловьев 1988 (1851) – Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1–2.
- Соловьев 1988 (1853) – Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. II: История России с древнейших времен. Т. 3–4.
- Сотникова 1995 – Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI веков: Каталог и исследование. М., 1995.
- Стеблин-Каменский 1963 – Стеблин-Каменский М. И. Комментарии // Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна. Ред., вст. ст. и комментарии М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963. С. 214–257.
- Стендер-Петерсен 1934 – Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. København, 1934. (Acta Jutlandica. Aarskrift for Aarhus universitet. VI: 1.)
- Строев 1834 – Скрамненко С. Критический взгляд на статью под заглавием Скандинавские саги, помещенную в первом томе Библиотеки для чтения. М., 1834.
- Татищев 1963 (1773) – Татищев В. Н. Собрание сочинений. М.; Л., 1963. Т. II: История Российская. Часть вторая (вторая редакция). Главы 1–18.
- Творогов 1974 – Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. XXVIII: Исследования по истории русской литературы XI – XVII вв. С. 99–113.
- Творогов 1976 – Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Л., 1976. XXX: Историческое повествование Древней Руси. С. 3–26.
- Творогов 1997 – Повесть временных лет. [Перевод О. В. Творогова] // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1: XI–XVII века. С. 63–315.
- Тимберлейк 2006 – Timberlake A. The Origins of Anonymous's Skazanie and Nestor's Chtenie o svv. muchenikakh Borise i Glebe // Русский язык в научном освещении. М., 2006. № 1 (11). С. 156–194.
- Тихомиров 1979 (1960) – Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 46–66. (Перепечатка статьи, вышедшей в 1960 году.)
- Толль 1933 – Toll H. Emund, Stenkil och Håkan röde. Stockholm, 1933.

- Толочко А. 2005 – Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005.
- Толочко П. 2008 – Толочко П. П. О происхождении Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 8–14.
- Топоров 2006 (1993) – Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // Исследования по этимологии и семантике. М., 2006. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. С. 11–141. (Перепечатка статьи, вышедшей в 1993 году.)
- Трубачев 2004 (1968) – Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России) // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово · История · Культура. М., 2004. Т. 2. С. 103–153. (Перепечатка статьи, вышедшей в 1968 году.)
- Успенский 2001 – Успенский Ф. Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Успенский 2002 – Успенский Ф. Б. Скандинавы · Варяги · Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Успенский 2005 – Успенский Ф. Б. К изучению династической истории Швеции XI в.: Конунг Стейнкель в «Саге о Хервёр» и у Адама Бременского // Древнейшие государства Восточной Европы: 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 251–263.
- Фетисов 2008 – Фетисов А. А. «Знак Рюриковичей» из пещерного комплекса в Басараби на Нижнем Дунае // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в средние века: К 70-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2008. (Славяне и их соседи. Вып. 12.) С. 210–227.
- Филист 1990 – Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990.
- Фрис 1967 – De Vries J. Altnordische Literaturgeschichte. В., 1967. Bd. 2: Die Literatur von etwa 1150 bis 1300. Die Spätzeit nach 1300.
- Фрисен 1910 – Von Friesen O. Hvem var Yngvarr enn víðförli? // Fornvännen: Meddelanden från K. vitterhets historie och antikvitets akademien. Stockholm, 1910. Årg. 5. S. 199–209.
- Херманн Пальссон, Эдвардс 1989 – Hermann Palsson, Edwards P. Introduction // Vikings in Russia: Yngvar's Saga and Eymund's Saga. Edinburgh, 1989. P. 1–43.
- Хермансон 2000 – Hermanson L. Släkt, vänner och makt: En studie av elitens politiska kultur i 1100-talets Danmark. Göteborg, 2000. (Avhandlingar från Historiska institutionen i Göteborg. 24.)

- Хорошев 1986 – Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.) М., 1986.
- Хофманн 1981 – Hofmann D. Die *Yngvars saga víðforla* und Oddr munkr inn fróði // *Specvlvm norroenvm: Norse studies in memory of Gabriel Turville-Petre*. Odense, 1981. P. 188–222.
- Циммерлинг 2000 – Исландские саги / Перевод с древнеисландского языка, общая редакция и комментарии А. В. Циммерлинга. М., 2000. [Т. 1.]
- Цукерман 2007 – Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // *The Origins of the Russian State: To the 30th anniversary of the archeological studies of Novgorod Ryurik Gorodische and the Novgorod Oblast Archeological Expedition: Historical and archeological collection of articles: Proceedings of International Scientific Conference. October 4–7, 2005, Veliky Novgorod, Russia = У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции. 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. St.-Petersburg, 2007. С. 343–351.*
- Членов 1971 – Členov A. M. Zur Frage der Schuld an der Ermordung des Fürsten Boris // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1971. Neue Folge. Bd. 19. H. 3. S. 321–346.
- Шайкин 2003 – Шайкин А. А. «Оставим все, как есть...» (по поводу современных интерпретаций убийства Бориса и Глеба) // *ТОДРЛ. СПб., 2003. LIV: Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. С. 337–369.*
- Шахматов 1908 – Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. (Работа несколько раз переиздавалась.)
- Шахматов 1940 – Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // *ТОДРЛ. М.; Л., 1940. IV. С. 9–150.*
- Шахматов 2003 (1908) – Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Ранее русское летописание XI–XII вв. С. 305–379. (Перепечатка статьи, вышедшей в 1908 году.)
- Шахматов 2003 (1916) – Шахматов А. А. Повесть временных лет // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Ранее русское летописание XI–XII вв. С. 527–977. (Первое издание: Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I: Вводная часть. Текст. Примечания.)

- Шахматов 2003 (1947) – Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. С. 428–464. (Первое издание статьи вышло в 1947 году.)
- Шене 2003 – Jean Skylitzès. *Empereurs de Constantinople* / Trad. B. Flusin, annot. J.-C. Cheynet. P., 2003. (Réalités Byzantines. 8.)
- Шюк 1914 – Schück H. *Den äldsta kristna konungalängden i Sverige*. Uppsala, 1914. (Uppsala universitets årsskrift. 1914. Program 1.)
- Щавелева 1990 – Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1990.
- Эванс 1981 – Evans D. A. H. *King Agni: myth, history or legend?* // *Specvlvm norroenym: Norse studies in memory of Gabriel Turville-Petre*. Odense, 1981. P. 89–105.
- Янин 1969 – Таинственный 11 век // *Знание – сила*. М., 1969. № 3. С. 25–27.
- Янин 1970 – Янин В. Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* М., 1970. Т. I: Печати X – начала XIII в.
- Янин 1981 – Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // *Летописи и хроники: 1980 г.*: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 153–181.
- Янин 1998 – Янин В. Л. Часть I. Исследование // Янин В. Л., Гайдуков П. Г. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* М., 1998. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970 – 1996 гг. С. 11–110.
- Янин, Зализняк 2004 – Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: [№] 776–915 (из раскопок 1997–2000 гг.) // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1997–2000 гг.)* М., 2004. Т. XI. С. 9–107.

Справочные издания

- СДРЯ – *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. М., 1988–2008–. Т. I–VIII–.
- Сл. РЯ XI–XVII – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1971–2006–. Вып. 1–27–.
- ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / О. Н. Трубачев. М., 1974–2007–. Вып. 1–33–.
- SJS – *Slovník jazyka staroslověnského = Lexicon linguae palaeoslovenicae*. Praha, 1966–1997. I–IV.

ABSTRACT

The book studies succession feuds of 1015–1019 between descendants of the Kievan prince Vladimir Sviatoslavich (the Great) as reflected in Russian and Scandinavian sources. The author comes to the following conclusions.

1. The Novgorodian chronicler whose work resulted in the younger redaction of the *Novgorodian I Chronicle* used a defective copy of a chronicle from late XI – early XII century. Following the words «лице твое ангельское» in the account of prince Gleb's assassination (entry for the year 6523) several gatherings were missing from the manuscript. The chronicler did not have the latest versions of the Primary Chronicle at his disposal and did not use the *Tale of Bygone Years* (1115–1118) for his description of the feud of the sons of Vladimir. His account of the slaughter of Varangian (Scandinavian) mercenaries in Novgorod and the Liubech Battle between Yaroslav and Sviatopolk is based on a source dating back to an earlier version of the Primary Chronicle.

2. The only source used by the author of the *Reading on the Life and Slayings of the Blessed Passion-Bearers Boris and Gleb* (Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глѣба) to describe the feud of the sons of Vladimir was a chronicle that contained essentially the same information as that in surviving chronicles based on the Primary Chronicle of late XI – early XII century.

3. The list of Vladimir's sons under the year 6488 (980) in the Primary Chronicle is modeled on the list of Jacob's sons in the Old Testament. It seems likely that Vysheslav and Sviatopolk were originally listed as having the same mother, the Czech wife of Vladimir.

4. The person named *Zinislavos* in the *Synopsis of Histories* of the Byzantine chronicler John Scylitzes under the year 1036 was probably Iziaslav Yaroslavich, a grandson of Vladimir.

5. The *Narrative and Passion and Encomium of the Holy Martyrs Boris and Gleb* (Съказание и страсть и похвала святуя мученику Бо-

руса и Глѣба) was based on a chronicle from late XI – early XII century and a hagiography – either the *Reading* or a similar text.

6. The Primary Chronicle originally was a monothematic account of succession on the Kievan throne. It contained no mention of Boris, Gleb and their assassinations, or the Battle on the Alta River and the death of Sviatopolk. The earliest text did not describe Sviatopolk as «Accursed» («окаянный»). Boris and Gleb legend was introduced into the chronicle by a redactor working between mid-eleventh century and the 1090ies, probably in the 1070ies or 1080ies.

7. The «Norwegian» prologue and final sections of *Eymundar þáttur Hringssonar* (after the episode describing Eymund's departure for service to Vartilaf) were created and added at a later stage of the text's development in order to facilitate its inclusion in a collection of sagas about Norwegian kings.

8. Eymund, the protagonist of *Eymundar þáttur*, may be the elder son of the Swedish king Olaf Skötkonung, better known as Emund the Old or Emund the Evil.

9. Skandinavian name *Burisláfr* is probably derived from the name of the Russian prince Boris Vladimirič (*Борисъ*).

10. Both the account of Boris' killing in the chronicle and the account of the killing of Burislaf in *Eymundar þáttur* were based on a narrative which had itself been modeled on the old legend of the death by hanging of Agni (the Swedish king hung on a tree by his golden torque). It seems likely that Boris Vladimirič was killed by Varangian mercenaries of his elder brother Yaroslav.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ВВЕДЕНИЕ	10
ГЛАВА I. ДРЕВНЕРУССКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ УСОБИЦЕ	
1015–1019 годов	12
1.1. Отражение Начальной летописи в Новгородской I летописи	18
«Лице твое ангельское»: Рубеж первого и второго участков Новгородской I летописи	20
«И поиде на Святополк»: Рассказы об избииении варягов в Новгороде и о Любечской битве	28
«Воздати комуждо противу трудом»: Использование в Новгороде дефектного списка Начальной летописи	42
Выводы	48
1.2. Отражение междоусобицы в житиях Бориса и Глеба	49
«Сего мати преже бѣ чърницею»: Взаимные отношения Начальной летописи и «Сказания о Борисе и Глебе»	55
«Единъ отъ губитель, притекъ, удари въ сердце его»: Взаимные отношения летописи и «Чтения» Нестора	86
«И искочи и шатъра въ оторопѣ»: Взаимные отношения текстов «Сказания» и «Чтения»	95
Выводы	116
1.3. Реконструкция первоначального рассказа о событиях	
1015–1019 годов	117
«Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци»	119
«Оканьный же Святополкъ рече»: Характерные признаки различных слоев летописного текста	134
Время появления летописного рассказа о Борисе и Глебе.....	146
Выводы	148
1.4. Выводы главы	149
ГЛАВА II. ИСЛАНДСКИЕ ТЕКСТЫ О ПОДВИГАХ КОНУНГА ЭЙМУНДА НА РУСИ	152
2.1. Два слоя текста «Эймундовой пряди»: Повесть об Эймунде и «Сага об Олаве Святом»	159
2.2. «Suni Aimuntar»: Происхождение Эймунда	174
2.3. Выводы главы	194

ГЛАВА III. БОРЬБА ЯРИСЛЕЙВА И БУРИСЛАВА.....	195
3.1. «Burlsláfs konungs ór Gofðum austan»: Имя <i>Бурислав</i> в скандинавской письменности.....	200
3.2. Убийство Бурислава и убийство Бориса	212
«Suspendendo ad arborem cum catena aurea»: Убийство Бориса, убийство Бурислава и убийство Агни	219
Обстоятельства возникновения Варяжской легенды об убийстве Бориса.....	232
Трансформация главных мотивов Варяжской легенды.....	246
Выводы.....	253
3.3. Проблема идентификации Бурислава «Эймундовой пряди» в эпизодах его борьбы с Ярославом	255
3.4. Выводы главы	264
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	265
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	267
Сокращения.....	267
Рукописные источники	267
Печатные источники	267
Литература.....	271
Справочные издания.....	285
ABSTRACT.....	286

Публикации
Центра славяно-германских исследований
Института славяноведения РАН
за 2006–2008 годы

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: «Индрик», 2006. 904 с.

Именослов: Историческая семантика имени. М.: «Индрик», 2007. Вып. 2. 496 с.

Miscellanea Slavica. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М.: «Индрик», 2008. 472 с., илл.

Успенский Ф. Б. Три догадки о стихах Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2008. 112 с.

От имен к фактам. СПб.: Алетейя, 2008. (Славяно-германские исследования. Т. 3.) 496 с.

Факты и Знаки: Исследования по семиотике истории / Под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып. 1. 272 с.

Научное издание

Савва Михайлович Михеев

«СВЯТОПОЛКЪ СЪДЕ В КИЕВЪ ПО ОТЦИ»

**УСОБИЦА 1015–1019 ГОДОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ И
СКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКАХ**

Редактор *Л. А. Авакова*

Дизайн обложки *fartart*

Формат 60x84/₁₆. Объем 17 усл. печ.л.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-7576-0223-3

9 785757 602233